

РУССКАЯ РЕЧЬ 1982

НОЯБРЬ Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва

ДЕКАБРЬ

В НОМЕРЕ:

К 60-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

В. В. Иванов. 60 лет, равные века	3
В. М. Русановский. В советской культуре слились воедино	9
А. А. Гируцкий. Сильны, дружны, свободны	14
И. С. Богомолов. «Язык ты русский изучи...»	16
Л. А. Гладышева. Чувство семьи единой	21

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

М. А. Бакина. Символическое изображение революции в пролетарской поэзии	26
В. М. Глухов. Тропы в романе «Железный поток» Серафимовича	33
Р. А. Будагов. Как написан рассказ Валентина Распутина «Уроки французского»	37
М. В. Козлов. «Пойдешь к жизни — найдешь слово» (О поэзии Василия Федорова)	42

Литературная страница

Стихи о русском языке	46
---------------------------------	----

ПРОПАГАНДИСТЫ ЛЕНИНСКОЙ ШКОЛЫ

К 110-летию со дня рождения

Е. И. Кедайтене. Георгий Васильевич Чичерин	48
---	----

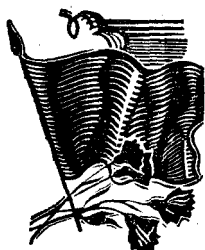
КУЛЬТУРА РЕЧИ

Т. С. Коготкова. Кормозаготовитель или кормодобытчик?	53
В. Б. Быков. Мал знак, да дорог...	56

БЕСЕДЫ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М. Ю. Федосюк. О законах построения текста	63
--	----

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ	
Андрей Михайлович Земский (1892—1946)	70
СРЕДИ КНИГ	
Ф. П. Филин. Очерки по теории языкознания	73
Жизни, отданные науке	76
РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	
Р. Видеманн, А. Дановский. Русское слово в ГДР	79
ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ	
П. И. Иванов. Русско-немецкий разговорник XVII века	83
Н. В. Таранов. История — в топонимах	86
ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛЮРА	
А. Т. Хроленко. «Молодой майор, полковничек»	89
НА КАРТЕ РОДИНЫ	
Б. И. Кошечкин. Надписи заговорили... (окончание)	95
ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ	
С. И. Котков. Как обходились без слова <i>пара</i> ?	100
В. М. Мокшенок. Тютелька в тютельку	109
В. А. Ицкович. Один к одному	113
ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»	
Село и деревня; Еще раз о слове <i>лодырь</i> ; Григорианский или григорианский?	115
Хроника	60
Тематический указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» в 1982 году	123
<i>На обложке рисунок В. Комарова</i>	

60 ЛЕТ, РАВНЫЕ ВЕКАМ

К 60-летию
образования
СССР

30 декабря 1982 года наша страна отмечает знаменательную дату — 60-летие образования Союза Советских Социалистических Республик. Для истории 60 лет — срок в общем незначительный, но 60 лет существования СССР — это целая эпоха в жизни не только народов нашей страны, но и всего мира. За этот период человеческое общество совершило гигантский скачок в социально-экономическом и духовном развитии. Советский Союз показал всему миру, на какие свершения способен свободный народ, вступивший на путь построения коммунистического общества.

Добровольно объединившиеся в монолитный союз народы бывшей отсталой царской России создали могучее социалистическое государство с высоко развитой экономикой, техникой, наукой и культурой. Сила и единство этого союза отчетливо проявились в годы индустриализации и коллективизации, осуществления культурной революции, построения социализма. Особенно ярко они показали себя в годы Великой Отечественной войны, когда все советские люди, независимо от их национальной принадлежности, плечом к плечу встали на защиту социалистической Родины.

Послевоенные годы — это годы всенародного подвига в восстановлении народного хозяйства, а затем — бурного развития экономики, науки и культуры и становления зрелого социалистического общества. В совместной борьбе за социализм, за социалистическое и коммунистическое преобразование страны сложилась

новая социальная и интернациональная общность — советский народ. Характерной чертой этой общности является то, что она представляет собою не только единство рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, но и интернациональное единство и братство всех социалистических наций и народностей. Материальной основой братской дружбы народов СССР в зрелом социалистическом обществе является развитие единого народнохозяйственного комплекса, когда экономика каждой республики занимает важное место в общественном разделении труда и вносит свой вклад в общее национальное богатство страны. Политика КПСС предусматривает наращивание материального и духовного потенциала каждой республики и использование его для гармоничного развития всего государства.

Дружба и сотрудничество, доверие и взаимопомощь всех народов нашей страны обусловили небывалое ускорение духовного развития советского общества. Социализм дал возможность каждому человеку, независимо от его социального положения и национальности, приобщиться ко всем источникам знания. У нас созданы все условия для расцвета культур всех наций и народностей. В обществе зрелого социализма развивается единая интернациональная культура советского народа, выражающая идеалы всех советских людей. Она вбирает в себя то общезначимое, общесоветское, что есть в достижениях и традициях национальных культур. Социалистическая по содержанию, национальная по форме, интернационалистская по духу советская культура является великой силой идейно-нравственного сплочения народов СССР. Общие черты советской культуры все больше и больше выступают в разнообразии национальных форм. Сближение культур народов Советского Союза — это процесс, ведущий к преодолению национальной замкнутости, национальной разобщенности. «В дружной семье народов, — отмечается в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик», — динамично растет экономика всех советских республик. Современная промышленность, сельское хозяйство, наука, подлинный расцвет культуры — вот что характеризует сегодня любую из них. В то же время они имеют свой неповторимый облик, национально-своеобразные черты». Вместе с тем, как отмечал Л. И. Брежнев, «в разнообразии национальных форм советской социалистической культуры все заметнее становятся общие интернационалистские черты. Национальное все больше оплодотворяется достижениями других братских народов. Это прогрессивный процесс. Он отвечает духу социализма, интересам всех народов нашей страны. Именно так закладываются основы новой, коммунистической культуры, которая

не знает национальных барьеров и в равной мере служит всем людям труда» (Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 4, с. 59). Прогрессе национальных культур — это единый интернациональный процесс развития и расцвета общесоветской культуры.

В становлении и упрочении новой исторической общности — советского народа, в развитии и укреплении единства советского общества, в создании единого народнохозяйственного комплекса, в расцвете советской интернациональной культуры играл и играет огромную роль русский язык, добровольно избранный всеми народами нашей страны как единое средство межнационального общения. Выдвинутый историческими условиями на эту роль язык великого русского народа, язык передовой идеологии, язык В. И. Ленина стал могучим средством сплочения всех наций и народностей Советского Союза, средством приобщения их к достижениям мировой науки и культуры. Ленинская национальная политика, основанная на признании равенства всех наций и народностей, органически включает в себя и языковую политику, опирающуюся на равенство всех языков. Это положение закреплено законодательно в Конституции СССР (глава 6, статья 36), где говорится, что граждане СССР различных рас и национальностей имеют равные права и возможность «пользоваться родным языком и языками других народов СССР».

Ленинская национальная политика обеспечила расцвет национальных языков Советского Союза, создание письменности для ранее бесписьменных языков, развитие национальных литературных языков и становление национальных художественных литератур на языках народов СССР. Ныне в нашей стране книги и брошюры издаются на 69 языках, журналы — на 46, а газеты — на 55 национальных языках. Эти цифры красноречиво опровергают измышления зарубежных «советологов» о происходящей якобы в СССР «русификации» национальных языков. Расцвет национальных литератур, создаваемых на старописьменных языках народов СССР (таких, как украинский, грузинский, таджикский и т. д.), и становление этих литератур у народов, ранее не имевших письменности (таких, как нагайцы, эвенки, чукчи и т. д.), со всей убедительностью свидетельствуют, что в Советском Союзе каждый народ и каждый язык имеют право на всестороннее развитие, на самое широкое выявление заложенных в том или ином языке потенций.

В СССР межнациональным средством общения является русский язык, выступающий как равный среди равных и не имеющий каких-либо правовых или политических привилегий. Язык русского народа прошел огромный исторический путь развития; вступая в контакты с другими языками, он обогащал свой лекс-

ческий состав и совершенствовал свою структуру; на русском языке созданы величайшие творения человеческого ума, написаны художественные произведения, имеющие мировую известность. Все это привело к тому, что именно русский язык оказался выдвинутым на роль языка межнационального общения народов СССР.

Выступая в роли средства межнационального общения, русский язык связывает воедино все народы нашей страны: на русском языке представители других национальностей общаются не только с русскими, но и между собою. В СССР, таким образом, получило широкое развитие национально-русское двуязычие, при котором человек, владея родным языком, владеет и языком межнационального общения. Согласно Всесоюзной переписи населения 1979 года, общая численность лиц, свободно владеющих русским языком (включая и русских), составила 214,8 млн. чел., или 81,9 процента всего населения СССР (по переписи 1970 г. таких лиц было 183,7 млн., т. е. 76 процентов).

Развитие национально-русского двуязычия — это ведущая тенденция языкового развития в СССР, причем расширение масштабов двуязычия не является свидетельством вытеснения национальных языков русским, «русификации» нерусского населения. Наоборот, распространение русского языка как средства межнационального общения, его параллельное функционирование и контактирование с национальными языками приводят к взаимодействию русского и национальных языков, что проявляется, с одной стороны, во влиянии русского языка на национальные, а с другой — в обратном влиянии национальных языков на русский. В результате такого взаимодействия национальные языки не теряют своей самобытности, но обогащаются в области лексики, заимствуя из русского языка различные слова, прежде всего интернационализмы, советизмы и научно-техническую терминологию, в области синтаксиса и стилистики, развивая свои выразительные средства. Русский язык в результате такого взаимодействия также не теряет своей самобытности и заимствует из национальных языков все ценное, что служит обогащению его выразительных возможностей.

Важно подчеркнуть, что как становление и упрочение новой социальной и интернациональной общности — советского народа — не означает становления «единой советской нации», не говорит об утрате национальных различий и существующих наций, точно так же взаимодействие русского и национальных языков, развитие национально-русского двуязычия не означает, что русский язык становится этническим признаком «советской нации» и вытесняет другие национальные языки. «В зрелом социалистическом

обществе усиливаются процессы последовательного сближения и всестороннего сотрудничества всех советских народов, укрепления их братской дружбы. А это в свою очередь ведет к дальнейшему расцвету социалистических наций, помогает глубже раскрывать их творческие потенции, создает необходимые условия для развития «национального. Такова диалектика национальных отношений на этапе зрелого социализма» (Федосеев П. Н. Новая социальная и интернациональная общность.— Правда, 9 апреля 1982). Такова и диалектика отношений русского и национальных языков: распространение русского языка как средства межнационального общения способствует укреплению единства советского народа, взаимному обогащению национальных языков, развитию их внутренних возможностей.

Роль русского языка определяется прежде всего тем, что русский язык служит делу сплочения многонациональных трудовых коллективов, решающих большие и сложные задачи коммунистического строительства. Уже с самых первых лет Советской власти перед народами СССР встала задача индустриализации страны, создания крупных промышленных предприятий, строительства железных дорог и т. д. Решить эти задачи можно было только совместными усилиями всех трудящихся нашей страны, успешная деятельность которых возможна только при условии наличия единого языка межнационального общения.

В эпоху научно-технической революции роль языка межнационального общения неизмеримо возрастает. Освоение целинных земель Казахстана и топливно-энергетических ресурсов Сибири и Дальнего Востока, строительство КамАЗа и БАМа, проведение магистральных газопроводов, создание Ангаро-Енисейского комплекса, расширение географии ударных комсомольских строек и т. д. — все это требует многих рабочих рук, привлечения трудящихся из разных республик СССР. Поэтому не удивительно, что на современных стройках работают сейчас представители различных наций и народностей, носители разных национальных языков.

Советский Союз — многоязычная страна: на его территории известно более 130 различных языков. Ни теоретически, ни практически нельзя предположить, чтобы каждый человек знал все эти языки. Чтобы иметь возможность трудиться в многонациональном коллективе, участвовать в общественной жизни и быть полезным обществу, советский человек должен владеть языком межнационального общения. В этом отношении русский язык успешно выступает как средство, цементирующее в единое целое многонациональные трудовые коллективы. Выполняя такую роль, русский язык сплачивает интернациональное братство всех наших

народов, служит делу развития сотрудничества и взаимопомощи советских людей, укрепляет советское общество.

Играя важную роль в становлении и развитии единой советской интернациональной культуры, русский язык открыл для народов Советского Союза сокровищницу отечественной и мировой цивилизации; через русский язык представители разных национальностей нашей страны приобщились к великой русской и мировой литературе Запада и Востока. С помощью русского языка все народы СССР получили возможность познакомиться с творчеством талантливых представителей национальных литератур. Без русского языка мы не знали бы произведений Ш. Руставели, Г. Низами, К. Хетагурова, Я. Купалы, Э. Межелайтиса, Ч. Айтматова, В. Лациса, Ю. Смуула и многих других. Их произведения, переведенные с русского языка на другие языки мира, стали достоянием мировой литературы.

В то же время богатые выразительные возможности, заложенные в русском языке, развитость его словарного состава, обогащенного лексикой, заимствованной из разных, в том числе и национальных, языков, дали возможность советским писателям создавать самобытные произведения не только на родном, а и на русском языке. Эти произведения становятся достоянием национальных литератур, являясь в то же время составной частью единой социалистической культуры. Обращаясь к общезначимым для всех советских людей темам, разрабатывая их на национальном материале, писатели и поэты — представители разных республик СССР — участвуют в создании единой советской интернациональной культуры, вбирающей в себя духовные достижения и ценности каждой нации и народности. «На благодатной почве зрелого социализма,— отмечается в Постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик»,— растет и крепнет единая интернациональная культура советского народа, которая служит всем трудящимся, выражает их общие идеалы. Она вбирает в себя все общезначимое в достижениях и самобытных традициях национальных культур».

Советские люди встречают 60-летие образования СССР новыми успехами и достижениями в развитии экономики, науки и культуры. Братский союз наших народов обеспечил могущество Советской страны, единство и сплоченность всех наций и народностей СССР. История Советского Союза доказала силу идей марксизма-ленинизма, утвердила моральную чистоту и нравственную зрелость советских людей, духовные качества которых крепнут и закаляются в борьбе за построение коммунистического общества.

В. В. ИВАНОВ

В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ СЛИЛИСЬ ВОЕДИНО

В канун 60-летнего юбилея Советского государства мы невольно оглядываемся назад, чтобы, увидев пройденный путь, оценив сложность преодоленных препятствий, еще четче представить себе особенности предстоящего движения вперед.

Какие этапы развития характеризуют советское языкознание, чем обогатило оно социальную и духовную жизнь советского народа? Несомненны его успехи в области описания ранее не изученных языков, разработке сравнительно-сопоставительных методов их изучения, в более глубоком проникновении в структуру лингвистически описанных языков, в установлении глубинных связей между структурами мышления и языка, в создании новых моделей овладения языковыми навыками, в техническом применении лингвистических данных и т. д.

Основным достижением советского языкознания следует считать приобретение им способности на основе изучения социального функционирования языков больших и малых народов определять особенности их дальнейшей жизни, планировать эффективные способы влияния общества на процессы языкового развития. Таким образом, советское языкознание из науки описательной превратилось за годы Советской власти в науку теоретическую, прогнозирующую, ставящую своей задачей не только изучение объекта, но и вырабатывающую способы влияния на него.

Прогнозирующий характер советского языкознания обусловлен тем, что в социалистическом обществе языки больших и малых народов впервые получили возможность функционировать свободно, согласно воле их носителей. Это привело к развитию гармоничного двуязычия: наряду с национальными языками в советских республиках в качестве средства межнационального единения и приобщения к мировым культурным богатствам используется русский язык.

В советской культуре слились воедино различные проявления национальных форм социалистических культур всех народов СССР — больших и малых. Это прогрессивный процесс, соответствующий духу социализма, интересам всех народов нашей страны.

Каждый народ любит и ценит свой язык, каждый язык в Со-

ветском Союзе свободно развивается и обогащается. Вместе с тем все советские люди, независимо от национальной принадлежности, с любовью и уважением относятся к русскому языку. Очень точно сказал о роли русского языка в жизни советских людей В. В. Щербицкий: «Сознательно и добровольно избранный всеми народами Советского Союза как средство межнационального общения и сотрудничества, он играет огромную объединительную роль, служит делу интернационального сплочения трудящихся, обмену материальными и духовными ценностями, взаимообогащению национальных культур» (Материалы совместного торжественного заседания ЦК КП Украины и Верховного Совета Украинской ССР, посвященного 50-летию образования СССР. К., 1972, с. 22).

Известно, что прогресс во всех сферах социальной, материальной и духовной жизни социалистических наций и народностей СССР характеризуется выравниванием уровней их развития. Исчезли бывшие «окраины» царской России — вместо них миру явились высокоразвитые в экономическом и культурном отношении социалистические республики Страны Советов, возрос престиж национальных языков, превратившихся в главное средство обслуживания социальной, экономической и культурной жизни каждой нации. Следовательно, выравнивание уровней — главная форма проявления процесса сближения социалистических наций СССР, в одинаковой мере актуальная для социальной, экономической, общекультурной и языковой жизни советских республик.

В развитии языка как одного из самых сложных общественных явлений обнаруживаются определенные диалектические закономерности. Это прежде всего расширение его общественных функций, постоянные контакты с другими языками как залог обнаружения и использования всех внутренних возможностей, выработка нормы — средства охраны структурной организации языка. Примером для всех языков народов СССР в период их свободного развития является русский язык. Из него они черпают недостающие средства для выражения новых понятий, по его примеру в национальных языках развивались функциональные стили, для них он — образец открытости, контактности и вместе с тем строгой нормированности.

Шестидесятилетняя история развития равноправных социалистических наций в едином союзном Советском государстве, в частности история становления и расцвета многонациональной советской культуры, убедительно доказывает правильность ленинского положения о том, что путь к единой культуре коммунистического общества проходит через всесторонний расцвет национальной культуры каждого народа, освобожденного от националь-

ного гнета. Интернациональное и национальное — фактически взаимосвязанные понятия. Интернациональная культура, подчеркивал В. И. Ленин, не безнациональна. Родной язык для каждого народа является могучим и незаменимым средством развития его материальных и духовных сил, орудием воспитания трудящихся в духе коммунистической идеологии, пролетарского, социалистического интернационализма. Расцвет и сближение наций — не обособленные друг от друга процессы, а диалектическое единство, в котором одно явление зависит от другого. Условия и средства как национального развития, так и сближения наций возникают одновременно и во взаимодействии. Это в одинаковой мере касается как социальных, так и духовных признаков развития, в том числе и языка как особого продукта человеческого рода, который, по предвидению Ф. Энгельса, общество должно было взять под свой контроль.

Чем теснее становится братская сплоченность социалистических наций и народностей нашей страны, тем полнее расцветает культура и язык каждой из них. В речи на праздновании 50-летия Советской Грузии Л. И. Брежнев отмечал: «Пожалуй, нет человека, который не испытывал бы неискоренимого чувства любви, привязанности к земле дедов и прадедов, к родной культуре, к своему языку, своим традициям и обычаям. Но в социалистическом обществе это чувство — чувство патриотизма — перерастает границы, очерченные национальной принадлежностью, наполняется новым содержанием» (Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 3, М., 1972, с. 339).

Каждая социалистическая нация гордится тем, что расцвет ее национальной по форме и социалистической по содержанию культуры способствует обогащению культурных приобретений советского народа в целом, развитию многонациональной советской культуры. «В нашей стране, — подчеркнул на XXVI съезде КПСС Л. И. Брежнев, — уважаются национальные чувства, национальное достоинство каждого человека. КПСС боролась и всегда будет решительно бороться против таких чуждых природе социализма проявлений, как шовинизм или национализм, против любых националистических вывихов, будь то, скажем, антисемитизм или сионизм. Мы против тенденций, направленных на искусственное стирание национальных особенностей. Но в такой же мере мы считаем недопустимым искусственное их раздувание. Священный долг партии — воспитывать трудящихся в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, гордого чувства принадлежности к единой великой Советской Родине» (Материалы XXVI съезда КПСС, М., 1984, с. 57).

Внимание к развитию всех национальных языков народов

СССР — один из признаков советского патриотизма, проявление воспитанного советской действительностью чувства социалистического интернационализма.

Коммунистическая партия, Советское государство позаботились о развитии языкознания в каждой республике.

Заметных успехов, особенно в послевоенный период, достигло, в частности, украинское советское языкознание. Наверное, нет уже такого аспекта исследования языка, который не был бы обеспечен соответствующей научной литературой. Впервые в истории украинской науки и культуры создан 11-томный толковый «Словарь украинского языка», вузовские курсы по современному украинскому литературному языку, его истории, диалектному варьированию, по исторической грамматике, стилистике; издана литература по сравнительно-историческому изучению славянских языков, общему языкознанию, ономастике, структурно-математической лингвистике, экспериментальной фонетике, по вопросам культуры украинской и русской речи. Большое внимание уделено проблеме изучения межъязыковых контактов, особенно творческому взаимодействию и взаимообогащению украинского и русского литературных языков. Это одна из центральных проблем всего современного советского языкознания.

Русский язык поднимает до уровня своего развития десятки языков, не имевших ранее литературной формы выражения. Будучи средством межнационального общения, русский язык также обогащается, вбирая в себя многие элементы из других национальных языков. Обогащаясь вследствие контактов с другими национальными языками, каждый из них полностью сохраняет свою специфику, остается живым свидетелем жизни и борьбы многих поколений народа — носителя языка, драгоценным сокровищем, созданным его гением. Как отмечал К. Маркс, «всякая нация может и должна учиться у других» (Маркс К. Капитал, т. I, 1955, с. 7). Нация не может успешно развиваться только на собственной основе, без использования социального опыта других народов, без обмена материальными и культурными ценностями, то есть без всего того, что закономерно находит отражение в языке.

Общими тенденциями в развитии языков всех социалистических наций СССР является обогащение лексического состава как результат постоянного межъязыкового контактирования, всестороннее развитие функциональных стилей, особенно в языках, не получивших в дореволюционное время возможности для полного раскрытия всех своих творческих сил, и, наконец, расширение стилистических границ и выразительных средств, что обусловлено расцветом национальных культур, их взаимовлиянием в об-

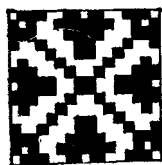
ласти выработки эстетических ценностей, повышением уровня образования и культуры широких слоев населения.

Образцом для многих ранее мало развитых языков был и остается русский язык, который имеет прочные традиции литературного употребления, представлен в богатой художественной, политической и научной литературе. Много новых философских, социально-политических и экономических терминов вошло, например, в украинский язык в связи с переводом произведений основоположников марксизма-ленинизма. Значительно обогатился украинский литературный язык вследствие перевода многочисленных художественных и научных произведений с языков народов мира.

Дружба и сотрудничество советских народов во всех сферах экономики и культуры дали возможность поднять на уровень развитого, многофункционального средства общения десятки притеснявшихся ранее языков, в том числе не имевших до Октябрьской революции даже своей письменности. Эти языки становятся могучим рычагом прогресса всего советского общества, средством приобщения к знаниям десятков миллионов людей. Современные литературные языки — это и орудие создания новой, социалистической по содержанию культуры, это и средство развития многоязычной советской науки. Первое формирует образное мышление, второе — научное, логическое, и оба являются средством воспитания гармонической личности нашего коммунистического завтра. И в том, что на родных языках десятков наций и народностей нашей страны можно прочесть сегодня и К. Маркса, и В. Шекспира, в том, что А. Пушкин, Т. Шевченко, М. Горький, Я. Купала, В. Лацис, Ч. Айтматов, О. Гончар воспринимаются как родные писатели и русскими, и украинцами, и грузинами, и туркменами, и людьми десятков других национальностей, — ярчайшее свидетельство правильности решения национально-языковой проблемы в социалистическом обществе.

Социализм дает полный простор развитию всех потенций нации — ее экономики, культуры, языка. Высокая культура каждой социалистической нации, ее развитой, многогранный, могучий и красивый язык — это гордость всего советского народа, одно из выдающихся достижений социалистического строя, результат ленинского решения национального вопроса в нашей стране.

В. М. РУСАНОВСКИЙ,
академик АН УССР,
директор Института языковедения им. А. А. Потебни
АН УССР
Киев

СИЛЬНЫ, ДРУЖНЫ, СВОБОДНЫ

В стихотворении «Моя паука» (перевод М. Исаковского) народный белорусский поэт Янка Купала с горечью говорит:

В науку нужда не давала мне ходу,
И книжной премудрости я не постиг,
Язык белорусский и думы народа
От матери знал я — без школ и без книг.

В дореволюционной Белоруссии неграмотность населения достигала 80%. В общеобразовательных школах училось лишь 20% детей школьного возраста. Высших учебных заведений не было совсем. Отсутствовала и литература на родном языке.

С образованием Белорусской Советской Социалистической Республики белорусский язык стал одним из равноправных языков многонационального Советского государства. Теперь это не только язык художественной литературы, но и язык школы, театра, радио, телевидения, газет, журналов и т. д.

В 1921 году был открыт первый в истории белорусского народа Государственный университет, которому позднее было присвоено имя В. И. Ленина. Белорусский писатель Тишка Гартный в статье, посвященной первой годовщине университета, писал: «Целая страна, насчитывавшая миллионы людей, ранее не удостоивалась чести перед сильными мира сего иметь свою *alma mater*». Приветствуя новую, обновленную жизнь белорусского народа, Янка Купала писал:

В новом дивном хороводе,
В расцветающей свободе,
Без оков, на вольной воле
В мир выходит наша доля.

Орлята. Перевод В. Рождественского

Эти слова были искренним выражением нового, радостного мироощущения миллионов белорусов.

Русский и белорусский языки принадлежат к восточнославянской группе. Особенности близкородственного двуязычия русско-

го и белорусского языков облегчают белорусскому населению задачу практического овладения русским языком.

Обращение белорусов к русскому слову характерно не только для повседневного общения. Русская литература, русская культура стала для нас неиссякаемым источником передовых идей, школой мастерства. Трудно переоценить это влияние и на белорусскую литературу, которая через русский язык стала достоянием русской и мировой культуры. Народный поэт Белоруссии Максим Танк, выступая на VIII съезде писателей Белорусской ССР, отметил, что переводы на русский язык помогают всей нашей многонациональной литературе выходить в широкий мир.

Многие талантливые и самобытные белорусские писатели создают свои произведения на русском языке, их творчество — составная часть белорусской национальной культуры.

Взаимодействие языков в процессе творчества языковеды называют художественно-литературным двуязычием, которое может оказывать определенное влияние на развитие той или иной языковой системы. Русско-белорусское двуязычие благотворно сказывается на развитии и становлении белорусского литературного языка. Как отмечают исследователи белорусского языка, синтаксис белорусской публицистической речи складывался под влиянием лучших произведений русской советской публицистики. Лексическая система белорусского языка обогатилась заимствованиями из русского и ряда других языков, которые пришли в белорусский язык через русский. Например: русск.— *большевик, октябренок, букварь, истина, понятие*; лат.— *делегат, дискуссия*; итал.— *адажио, ария, сонет*; франц.— *бюллетень, гарантия, артиллерия, десерт*; немец.— *сталь, гантели*; англ.— *блокада, аврал, бульдозер* и другие.

*

Влияние русской культуры, русского языка на национальные язык и культуру не ограничивается отмеченными особенностями. Ведь язык — это не только лексическая система и грамматика. Язык — это духовное богатство народа, его душа. Великое русское слово — душа многомиллионного многонационального советского народа. И главная его заслуга в том, что сегодня, в год 60-летия СССР, мы как никогда сильны, дружны, свободны и едины.

А. А. ГИРУЦКИЙ
Минск

«ЯЗЫК ТЫ РУССКИЙ» ИЗУЧИ . . .»

Еще в XII веке великий Руставели произнес крылатую фразу: «Друга кто себе не ищет, самому себе он враг», которая стала афоризмом, отражающим высокий смысл отношения грузинских писателей к братским народам.

Идеи интернационализма издревле почитались в Грузии, где в силу сложившихся исторических условий хорошо понимали, что сила народов — в их единении. Достаточно сказать, что русские упоминаются уже в гениальной поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» и в творении его выдающегося современника Григола Чахрухадзе «Тамариани».

Просвещенным грузинам издревле хорошо была знакома не только русская литература, но и язык, на котором она создавалась. Без знания русского языка невозможно было интенсивное развитие торгово-экономических и культурно-политических связей между Грузией и Россией.

Вся дошедшая до нас дипломатическая переписка, а также частные послания грузинских царей и других государственных лиц Ивану III, Ивану IV и иным государям России свидетельствуют об отменном владении русским языком, который начинал играть все более важную роль в жизни Грузии.

*

В XVII—XVIII веках в силу создавшихся политических осложнений многие грузинские писатели вслед за государственными деятелями были вынуждены эмигрировать в Россию. Ими были созданы грузинские очаги культуры в Москве, Петербурге, Астрахани и других городах. Одним из важнейших центров грузинской культуры являлось Московское поселение, где кипела бурная литературная жизнь, работала грузинская типография, в которой печатались как оригинальные сочинения, так и переводы с русского на грузинский и с грузинского на русский язык. Заботы по организации типографии взял на себя еще при Петре I Арчил Багратиони, который первым из грузинских поэтов начал писать о России на основе личных впечатлений, но его же словам, «правдиво». Он же был одним из первых грузин, написавшим стихотво-

решие на русском языке, которое было посвящено знаменитой Полтавской битве (1709). Так русский язык становится в грузинской литературе не только могучим средством познания и обогащения, но и самовыражения.

В названиях московских улиц *Грузинский вал*, *Малая* и *Большая Грузинская* по сей день сохранились воспоминания о грузинском поселении. Здесь, на Большой Грузинской в доме № 5, открыт Дом-мемориал «История грузинского поселения в Москве (XVII—XVIII вв.)». Деятельность писателей, принадлежавших к Московскому поселению, способствовала тому, что в XVIII веке на грузинский язык были переведены не только памятники церковной литературы, но и сочинения почти всех крупных русских писателей XVII—XVIII веков (С. Полоцкого, Ф. Прокоповича, Ф. Эмина, М. Ломоносова, М. Хераскова, Г. Державина и многих других).

Следует подчеркнуть, что деятели грузинской культуры не только занимались переводами с русского языка, но и стремились познакомить русских читателей с историей и культурой своей родины, плодотворно работая и в области перевода с грузинского на русский язык.

*

Значение изучения русского языка для грузинских писателей XVII—XVIII вв. не исчерпывалось переводами и созданием произведений на русском языке. Это изучение закономерно вело к глубокому знакомству с русской литературой и с русским фольклором, что находило прямое отражение в их творчестве.

Широко использовал русский фольклор в своих произведениях великий грузинский поэт Давид Гурампшвили. Он всей жизнью и всем своим творчеством кровно был связан со второй родиной, и это оказало весьма плодотворное влияние на богатый и многоцветный мир его поэзии, о чем свидетельствуют не только его многочисленные лирические произведения, но и поэма «Веселая весна», написанная, как указывает в подзаголовке сам автор, «на мотив русской песни „Веселая весна“».

В России, в Москве находили грузины уют, добросердечие и гостеприимство, надежду на спасение своей многострадальной родины. По словам Мамуки Бараташвили, для грузин «солнце с севера начало всходить». «Мы из Москвы ждали восхода солнца», — вторил ему Давид Гурампшвили.

Эти тенденции закономерно привели к добровольному присоединению Грузии к России. «Исторические судьбы Грузии были нелегкими, — сказал Л. И. Брежнев, выступая на торжественном заседании в Тбилиси, посвященном 60-летию Грузинской ССР и Коммунистической партии Грузии. — Столетиями подвергалась она

нашествиям чужеземных завоевателей, опустошавших страну. Но поколения ваших предков оказались тверды, как скалы Кавказа. Они отстаивали свою независимость, создали и сохранили самобытную, во многих отношениях уникальную национальную культуру. Благородную роль при этом сыграли добровольное присоединение Грузии к России, веками углублявшаяся дружба с великим русским народом» (Ленинская дружба народов. Политиздат, М., 1981, с. 16).

*

После присоединения Грузии к России значение русского языка для грузинских писателей еще более возросло. Подавляющее большинство из них из-за отсутствия высших учебных заведений в Грузии получало образование в России. Здесь они приобщались к передовым освободительным идеалам. Прогрессивные грузинские деятели в борьбе с самодержавием как испытанное оружие использовали передовую русскую духовную культуру, которая играла исключительно важную роль в интеллектуальной жизни Грузии. «Русская литература,— писал знаменосец грузинского национально-освободительного движения Илья Чавчавадзе,— безусловно оказала большое руководящее влияние на путь нашего развития, оказала большое воздействие на все то, что составляет нашу духовную силу, наше сознание, нашу мысль. Она наложила отпечаток на наши чувства и направление в целом. Нет среди нас сегодня ни одного деятеля на поприще литературы или общественной жизни, не испытавшего на себе воздействия русской литературы. И неудивительно: русская школа — наука открыла нам врата просвещения и русская же литература питала и направляла нашу мысль на путь движения. Каждый из нас ... должен был припасть к этим двум источникам, дабы утолить духовную жажду свою» (Летопись дружбы грузинского и русского народов с древнейших времен до наших дней. Т. I. Тбилиси, 1967).

Русский язык нередко служил и своеобразным ключом для переводов иностранных авторов. Так, русские переводы послужили, например, источником для создания грузинских переводов Важа Пшавела произведений Шиллера и Эдгара По.

Немаловажную роль играл русский язык и в оригинальном творчестве грузинских писателей. Примером может служить наследие основоположника грузинской реалистической драматургии Георгия Эристави, которому принадлежат большие заслуги в развитии грузинского литературного языка. Как некогда А. С. Грибоедов едко высмеял в своем бессмертном творении беспочвенную «французоманию» (смесь французского с нижегородским) — этот

тяжкий недуг высшего петербургского света, так и Г. Эристави осмелял в своих комедиях пустоту, духовную нищету современно-го драматургу общества помещиков и купцов. В его комедиях, написанных живым, разговорным языком, речь персонажей имеет важное значение как средство характеристики героев. И в этом отношении определенную роль в творческом арсенале грузинского драматурга приобрел русский язык.

Следует отметить и то, что некоторые представители грузинской литературы XIX века начинали свой творческий путь с создания произведений, написанных на русском языке (Михаил Туманишвили, Рафаэл Эристави и др.). Причем в этих «ученических» произведениях чувствуется стремление постигнуть тайны великой русской литературы.

Характерно, что на русском языке создавали свои произведения не только начинающие, но и такие уже маститые, великие поэты, как, скажем, Акакий Церетели, который написал по-русски несколько пьес, стихотворений, большое количество статей. На русском языке для русской общественности читал он лекции, посвященные бессмертному Шота Руставели. Сотрудничавший в герценовском «Колоколе» и некрасовских «Отечественных записках» Нико Николадзе стремился на русском языке поведать о социальных бедах Грузии широкой общероссийской общественности, в сочувствии которой он не сомневался. Так русский язык все более и более реально становился языком межнационального общения. Сама действительность, общность социально-политических интересов, единство целей и устремлений способствовали этому.

В Советское время это значение русского языка неизмеримо возросло. Причем оно приобрело, если можно так выразиться, двойное функциональное значение: внутриреспубликанское и внешнее.

Известно, что Грузия является одной из самых многонациональных республик нашей страны, в которой единой братской семьей живут представители более восьмидесяти наций и народностей. Поэтому русский язык зачастую является тем мостом, который объединяет их.

С другой стороны, русский язык в нашей социалистической Отчизне стал могучим средством общения Грузии с братскими республиками и зарубежными странами, эффективным средством пропаганды достижений всесоюзной литературы. Благодаря языку Пушкина и Горького мы не только приобщились к достижениям русской классической и советской литературы, но и познакомились с образцами литератур братских республик, а братские народы — с грузинской литературой.

И тут хочется еще раз подчеркнуть одно явление исторического масштаба. На протяжении столетий грузинская литература не выходила слишком далеко и в большом объеме за национальные рамки. Только после Великой Октябрьской социалистической революции и создания Союза Советских Социалистических Республик открылись возможности широкого взаимообогащения культур братских народов. Русский язык оказался тем языком, который первым донес до миллионов читателей литературные сокровища наших народов. Поэтому-то с такой любовью изучают его в Советской Грузии. Обращаясь к грузинским детям, выдающийся грузинский советский поэт Иосиф Гришашвили писал:

Язык ты русский изучи,
Друг милый мой!
Тебе и мне он близок и родной.
В нем столько музыки
И столько красоты!
Всем сердцем, всей душой
Его полюбишь ты!

«Русский язык в Грузии каждый ее житель считает вторым родным языком,— пишет кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Грузии Э. А. Шеварднадзе.— Русский язык — язык межнационального общения. С помощью русского языка национальная сокровищница каждого народа стала достоянием всех народов... Мы у себя в республике ставим вопрос так: наряду с родным языком каждый должен овладеть русским — языком братства всех народов СССР, языком Октября, языком Ленина. Без серьезного овладения русским языком невозможно воспитание полноценных кадров специалистов народного хозяйства и работников культуры» (Шеварднадзе Э. А. Советская Грузия. Политиздат, М., 1979, с. 73—74).

*И. С. БОГОМОЛОВ,
заведующий отделом
Музея дружбы народов АН ГССР
Тбилиси*

ЧУВСТВО СЕМЬИ ЕДИНОЙ

Живое чувство великого интернационализма народов нашей страны получило отражение в многонациональной советской литературе, стало одной из ее магистральных тем. Одним из первых его воспел выдающийся украинский поэт Павло Тычина, в стихотворении которого «Чувство семьи единой» дружба советских народов обрела свою художественную, поэтическую формулу.

Тема интернационализма раскрывается в этом стихотворении через чувства поэта-переводчика, взволнованно постигающего тайны чужого языка. С искренним лиризмом поэт «открывает первоисточник в глубинах языка чужого», он поэтически выражает боль-

шую мысль о взаимообогащении национальных языков в процессе художественного перевода:

И вносишь ты чужое слово
В язык прекрасный и богатый...

В родстве языков поэт открывает исконное родство народов, их исторических судеб. Так лирическая тема перерастает в тему более широкую и значительную:

То не язык, не просто звуки,
не слов блуждающие льдины,
в них слышен труд, и пот, и муки —
живой союз семьи единой.

В них шум лесов, цветенье поля
и волны радости народной.
В них разум класса, кровь и воля
от давних дней и по сегодня.

Очевидно, сам автор хотел подчеркнуть этот второй, более объемный и обобщающий смысл строки о единой семье советских народов, ее ключевую идейно-композиционную роль, почему и перенес ее в заглавие стихотворения, а затем и в название целого цикла стихов, трактующего интернациональную тему еще более широко.

Содержание цикла «Чувство семьи единой» тесно связано с конкретно исторической эпохой в жизни советской страны: он был создан в конце 30-х годов, когда над миром нависла зловещая угроза фашизма, мрачным силам которого советский поэт противопоставил светлую, жизнеутверждающую формулу дружбы, единения и солидарности. Крылатая фраза Павло Тычины приобрела широкую известность и популярность.

Тематика публицистических контекстов, в которых активно употребляются крылатые слова «чувство семьи единой», неисчерпаема, потому что провозглашаемая в них идея интернациональной общности пронизывает все стороны советского бытия, все сферы материальной и духовной жизни страны.

Так, для образной характеристики интернациональной сущности Октябрьской революции, ее исторического значения для народов Советского Союза на страницах современной публицистики используется названная устойчивая фраза: «„Чувство семьи единой“ — это родство по убежденности, это родство, скрепленное кровью в годы революции» ... (Литературная газета, 24 дек. 1972).

Слова поэта ярко определяют интернациональный характер трудового подвига народа в совместной борьбе за выполнение планов первых пятилеток: «Мне хочется сказать еще об одной

черте характера, духовного склада моих земляков... Это — чувство пролетарского интернационализма, чувство семьи единой... Здесь помнят о том, что тысячи посланцев всех народов строили вместе с ними Днепрогэс, металлургические гиганты, новый город на Днепре» (Правда, 25 фев. 1972).

Крылатые слова Тычины воспевают интернациональную сплоченность советских людей как один из источников несокрушимой силы народа в Великой Отечественной войне: «Ставка гитлеровских идеологов на национальную вражду между народами нашего Союза оказалась битой. В годы войны еще более окрепло чувство семьи единой» (Литературная газета, 19 марта 1975).

Историческая правота интернациональной формулы поэта была подтверждена в годы послевоенного восстановления: «В каждой восстановленной шахте, в каждом поднятом из руин заводе, в каждом новом предприятии, в светлых кварталах жилых домов — повсюду воплощена весомая частица того огромного братства народов, которое замечательный советский поэт Павло Тычина образно назвал „чуттям единої родини“» (Правда, 28 окт. 1967).

Рассматриваемая публицистическая формула обращена и в настоящее, соотносится с теми генеральными темами, которые поднимает сегодняшняя пресса.

На страницах центральной печати крылатые слова Тычины образно характеризуют единство советских народов как основу могущества страны и государства, как один из главных принципов государственной политики: «Дружба советских народов, их всестороннее сотрудничество и братская взаимопомощь проявляются повседневно и во всем. Это роднит наши народы, скрепляет их чувством семьи единой, во сто крат умножает силы каждого народа и всего нашего многонационального государства, служит гарантией процветания всех социалистических наций, всей нашей великой Отчизны» (Правда, 23 октября 1974).

Крылатая формула интернационализма насущно необходима публицистической речи и тогда, когда на страницах газет звучит большая тема современного мира — тема советского образа жизни: «...Все это — яркие черты советского образа жизни, мировоззрения советского народа. У нас человек человеку и народ народу — друг, товарищ и брат. Именно в этом смысле слова о семье советских народов — не только красочное выражение, но и жизненная реальность. Не случайно, говоря о дружбе советских народов, мы вспоминаем замечательные слова украинского поэта Павло Тычины: „Чувство семьи единой“» (Литературная газета, 7 июня 1972).

Крылатая строка поэта активно используется публицистикой в роли эмоционально приподнятой характеристики советского че-

ловека, человека нового, интернационального склада: «Современник наш,— говорит украинский писатель Олесь Гончар,— это убежденный интернационалист, для которого чувство локтя, человеческой солидарности — чувство естественное: внутренней потребностью для него стало «чувство семьи единой», взаимоодушевляющая дружба народов» (Правда, 5 ноября 1972).

Изо дня в день, из года в год ведет современная пресса летопись трудовых дел семьи советских народов, и на страницах этой летописи крылатый девиз поэта тесно соприкасается с одной из важнейших публицистических тем современности — темой труда: «Чувство семьи единой! Оно способно творить чудеса, поднимать человека на благородные, высоко нравственные деяния!». Объединившись в семью единую, люди разных национальностей возводят новые города, электростанции, заводы, осваивают богатства земных недр, выращивают обильные урожаи там, где еще не так давно простирались дикие степные массивы» (Правда, 30 сент. 1972).

Выразительная метафора, найденная украинским поэтом, стала устойчивой, традиционной формой художественного определения интернациональной сущности всех сфер многонациональной социалистической культуры: литературы, театра, кино, музыки, живописи, художественного перевода, журналистики, критики, литературоведения.

Крылатые слова о дружбе и единстве советских народов стали также словами о дружбе и единстве советских литератур: «Как в каждой тонне выплавленного металла, добытого угля, как в каждой горсти выращенного хлеба есть трудовой вклад всех советских людей, так и в нашей советской литературе, в наших песнях переливаются краски необъятной родной земли, всех ее рек, морей и горных вершин, звучат голоса всех братских народов, слышится биение сердца семьи единой» (Литературная газета, 23 июня 1976).

Широко употребительна названная крылатая строка в роли яркой характеристики творчества поэтов интернациональной темы. Ограничимся одним примером: «Человек широкой души, истинный писатель-гуманист, Николай Тихонов обладает даром исключительной доброжелательности к своим товарищам по работе, жаждой познания разных национальных культур, обычаев и традиций народных; ему органически присуще то «чувство семьи единой», которое так вдохновенно воспел в свое время Павло Тычина» (Литературная газета, 1 дек. 1976).

В соответствии со своим исходным смыслом поэтическая строка нередко употребляется в статьях, где поднимается вопрос о художественном переводе. Так, в своем выступлении на страни-

дах газеты украинский поэт Борис Олейник говорит о творческом взаимообогащении переводчиков: «...Мало что так способствует духовному росту, как такой переводческий взаимообмен. Процесс замечательный, чисто наш, социалистический, дающий полное радости ощущение „чувства семьи единой“» (Литературная газета, 20 авг. 1980).

Приведенные примеры позволяют сделать вывод, что тематически рассматриваемая фразеологическая единица языка применяется очень широко, но несмотря на это неизменно сохраняет свою лексическую, стилистическую и структурную стабильность.

В то же время функционирование названного фразеологического оборота может в ряде случаев, хотя и не часто, сопровождаться некоторыми индивидуальными изменениями его лексического состава.

Сравнительно редко наблюдаются замены первого лексического компонента (*сердце семьи единой, народ семьи единой, союз семьи единой*), в то время как варьирование второго и третьего компонентов вовсе исключено.

Чаще встречается расширение объема уже сложившегося фразеологического образования за счет включения новых слов, хотя и это явление не отличается распространенностью (*чувство советской семьи единой; чувство Родины, семьи единой; святое чувство братства семьи единой; чувство единой большой прекрасной семьи*).

Главным же образом наблюдается расширение границ данной устойчивой формулы за счет контекстного окружения, причем в роли распространяющих членов обычно выступают высокие эпитеты, усиливающие интенсивность, экспрессию и образность всего высказывания (*священное чувство семьи единой; великое чувство семьи единой; прекрасное чувство семьи единой; всесильное и высокое чувство семьи единой; рожденное советским образом жизни чувство семьи единой*).

Крылатая формула социалистического интернационализма, рожденная поэзией Павло Тычины, принадлежит к числу наиболее популярных фразеологических новообразований советской эпохи и является примером заимствования русским литературным языком лучших достижений речевой художественной культуры народов СССР. Имеющие глубокие корни в истории советской страны, крылатые слова поэта в канун шестидесятилетия образования великого государственного союза звучат особенно актуально и проникновенно.

Л. А. ГЛАДЫШЕВА

Рисунок Б. Захарова

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ В ПРОЛЕТАРСКОЙ ПОЭЗИИ

Творчество пролетарских поэтов явилось художественным воплощением грандиозных и стремительных революционных событий, героической борьбы народных масс в гражданской войне и строительстве первого в мире социалистического государства. Характерной особенностью этой поэзии была преданность идеям революции, глубокая убежденность в международной солидарности трудящихся, в победе революции во всем мире. Понимание пролетарскими поэтами всемирно-исторического значения Октябрьской революции и определило в какой-то мере романтическую приподнятость их творчества.

Как справедливо отмечает литературовед Н. В. Осьмаков, «в стихах пролетарских поэтов этого времени все более развивается стремление соединить революционно-романтическое, пафосное начало с элементами поэтики символизма. Романтическая приподнятость стиля пролетарской поэзии, обусловленная не только традицией, но и глубокими социальными сдвигами России 1917 года, вела за собой подчеркнуто преувеличенную грандиозность художественных образов. Поэтам, воодушевленным первыми победами рабочего класса, становилось тесно в сфере обычных и привычных до сих пор аллегорий и символов» (Осьмаков Н. В. Русская пролетарская поэзия 1890—1917 гг. М., 1968).

Возвышенный стиль пролетарской поэзии, ее романтический пафос обусловили обилие в ней перифрастических сочетаний — описательных выражений, имеющих в качестве опорного компонента сочетания символический образ. Предметом перефразирования в пролетарской поэзии были все описываемые в ней явления. Однако излюбленным и наиболее распространенным — Ре-

Героические события
Великого Октября
нашли свое яркое
и своеобразное
отображение
в пролетарской поэзии.
«Корни пролетарской поэзии
уходят в дореволюционные
времена...
В 1912—1914 гг. начали свою
поэтическую работу Садофьев,
Поморский, Обрадович,
Бердников, Герасимов,
Кириллов, Александровский,

Самобытник, Логинов,
Филиппченко, Казин и т. д.—
то есть большинство
«пролеткультовских» поэтов.
Являясь, как правило,
революционно настроенными
рабочими (часть их была
и большевиками), эти поэты
стали одними из пионеров
пролетарской поэзии»
(А. Селивановский.
Очерки по истории
русской советской поэзии.
М., 1936).

волюция. Почти все поэты, касаясь этой темы, прибегают к обра-
зам грозных стихийных явлений, символизирующих мощь и силу
революции. Таково, например, обозначение революции посредст-
вом перифраз *святой пожар, пламя мировых пожаров* и мн. другие:

Один над всеми стяг багряный,
И все во власти тех же чар:
Вражды и злобы истуканов
Испелелил святой пожар.

И о н о в. Грядущее

Дорогие товарищи Ивановы и Сидоровы,
Пришедшие к власти из рабочих кварталов,
Куете радость рабочего мира вы,
Зажигаете пламя мировых пожаров.

Е в с и г н е е в. Поднявшие знамя

Встречается и образ набата, возвещающего пожар. Типичным
примером символического изображения революции посредством на-
званных слов-символов может служить стихотворение В. Кирил-
лова «Гремят мятежные раскаты...»:

Гремят мятежные раскаты,
Гудит набата красный звон,
Мир угнетенья, мир проклятый
До основанья потрясен.

Возможно, что в отдельных случаях выбор этого образа мог ас-
социативно связываться с вечевым колоколом, созывающим лю-

дей. Об отождествлении пролетарскими поэтами набата с колоколом, созывающим на вече, прямо говорится в стихотворении М. Герасимова «Минин», в котором слова-образы *набат* и *колокол* приводятся в одном ряду: «Он слышит колокола вече/Огне-мерцающий набат».

В уподоблении революции грозе, буре (а также сопровождающим их урагану, раскатам, шквалу) в какой-то мере могло также сказаться влияние поэтических традиций и в то же время и самостоятельность, поскольку оба явления при всем своем явном различии имеют определенные черты сходства, проявляющиеся в их могучей стихийности, сокрушающей все на своем пути. Подобного рода перифразами являются сочетания типа *гроза великих мятежей, всемирные грозы*:

И день кровавого восстанья,
Грозу великих мятежей,
Как деву в брачном одеянии,
Мы ждали в сумраке ночей.

К и р и л л о в. Жрецам искусства

Вперед, на фронт, рабочий класс!
В ряды стальные — коммунисты!

.
Уж близок час всемирных гроз,
Бледнеют чары капитала.
Поток стремительный унес
Его золотое покрывало.

К у л и к. На фронт

В творчестве пролетарских поэтов мы встречаем и перифразы, подчеркивающие созидательную сторону революции. Среди них следует прежде всего выделить сочетания с опорными словами-образами *весна* и *заря*, символизирующими начало новой, счастливой жизни. Как известно, эти слова-образы в поэзии традиционно употреблялись при обозначении определенного периода жизни человека — молодости.

В пролетарской поэзии *весна* олицетворяет молодость человечества. В стихотворении В. Александровского «Рабочий праздник»:

Сжигай, октябрьская Весна,
Остатки старых недоверий,—
Освобожденная страна
Раскрыла солнечные двери.

В классической поэзии *весна* была также и символом возрождения; в том же значении выступает это слово-образ в пролетарской поэзии:

И в грозном вихре разрушенья,
В кровавом ужасе войны,
Уже цветут, горят виденья
Великой Мировой Весны.

Кириллов. «Гремят мятежные раскаты...»

Понятно в этой теме и обращение к образу зари, знаменующей начало нового дня — жизни. Например:

Мы не сдадим позиций Октября;
Кто был в огне, тот чувствует, что скоро
Всемирная расплещется заря...

Александровский. Красноармейцам

Оптимистическая направленность пролетарской поэзии, ее вера в прекрасное будущее новой России проявились в изображении различных светлых сторон социальной действительности посредством перифраз, содержащих слово-образ *солнце*.

Пали тюрьмы, пало зло —
И над жизнью многоокой
Солнце красное взошло...

Бердников. «Ветер, ветер легкокрылый! . . .»

Неотъемлемым от революции является ее символ — *красное знамя*. Об этом прямо говорит В. Кириллов в стихотворении «Железный мессия», называющий знамя *спасительным маяком угнетенных*:

Знак его алый — символ борьбы —
Угнетенных маяк спасительный;
С ним победим мы иго судьбы,
Мир завоюем пленительный.

Естественно, что тема революции и грядущего светлого будущего оказалась в контрастном противопоставлении с темой прежней, рабской жизни трудящихся. Светлое и темное, свобода и рабство — постоянные темы пролетарской поэзии. Рабство — это оковы, цепи, путы или бремя, от которых освобождается пролетариат. Думается, что пролетарскими поэтами эти образы-символы были заимствованы как из гражданской лирики начала XIX века, так и из гражданской лирики Некрасова, которого они считали своим предшественником.

С точки зрения пролетарских поэтов, цепи можно *ковать, разорвать, разбить, расторгнуть, порвать, разметать, разрушить*.

В целях усиления напряженности пролетарские поэты употребляют следующие перифразы:

И порвут, и размечут восставшие
Звенья ржавых, позорных оков.

Ионов, Грядущее

„Нет другой дороги? Бей!
Бей тяжелыми каменьями.
Бей разорванными звеньями
Перержавленных цепей“.

Тарасов. «В щели брызнули лучи...»

И разноликие народы,
Разрушив сети злобных пут,
Под сенью Братства и Свободы
Семьею дружной заживут.

Кириллов, «Гремят мятежные раскаты...»

Как видно из приведенных выше примеров, каждая из перифраз анализируемого типа снабжена определением, например, *ржавые, перержавленные, разорванные*.

Часто определения носят эмоционально-оценочный характер: *позорные, рабские, новые*, а также *цепи нужды и насилия*. Думается, что посредством этих определений поэты выражают свое отношение к называемым явлениям. Например:

О брат мой, довольно страдать,
Надо позорную цепь разорвать,
Сковавшую шар земной.

Кириллов, Зарубежным братьям

Ужель у вас не хватит силы гневной,
Чтоб рабские оковы разорвать...

Маширов-Самобытник. К восстанию!

Красная Армия! Стройно иди.
Красная Армия! Враг впереди.
С тайною злобой в утрюмой ночи
Новые цепи куют палачи.

Колоколов, Красной Армии

Перифрастические сочетания, обозначающие восставший народ и его вождей, носят более оригинальный характер. Однако общим для всех них было то, что «поэты рисуют нам не рабочего, не пролетария, а Пролетариат — образ, который бы непосредст-

венно воплощал весь класс сразу, который бы ярко показывал могущество революционного и творческого класса, разрушителя старого и создателя нового мира» (Дрягин К. В. Патетическая лирика пролетарских поэтов эпохи военного коммунизма. Вятка, 1933).

Признание прав народа на власть над страной находит свое выражение в таких опорных образах как *властелин, царь, владыка*:

Вот он — спаситель, земли властелин,
Владыка сил титанических,
В шуме приводов, в блеске машин,
В сиянии солнц электрических.

К и р и л л о в. Железный мессия

Не в порфире, горящей золотом,
Как бывало в темную старь,—
С гордым серном и молотом
Проходит правды царь...

К у з н е ц о в. Торжество революции

Часто пролетарские поэты называют народ *творцом, создателем, ваятелем новой жизни*:

Вот он творец мирового труда
И гражданин всей вселенной!..
Вот он, создатель земного труда,—
Первый плебей во вселенной...

М а ш и р о в - С а м о б ы т н и к. Пролетарий

Тема народа решалась посредством возвышенных условно-символических образов. Перифразы с опорными словами *рать и легионы* были призваны подчеркнуть массовость революционных выступлений трудящихся. Например:

Покляемся, что рать трудовая
Не забудет погибших борцов.

Л о г и н о в. Покляемся

Громче — оркестры, выше — знамена,
Славьте Великий Рабочий Союз,—
Славьте всемирных борцов легионы...

К и р и л л о в. Первомайский гимн

Идея всеильного могущества, присущая большинству перифраз о пролетариате, наиболее наглядно проявилась в сочетаниях

э вождях революционного пролетариата, которые предстают пред нами как сильные личности, мужественные борцы за освобождение пролетариата:

Здравствуйте, рыцари воли народные,
Сильные души,— титаны.
Здравствуйте, наши огни путеводные,—
Мы воспоем ваши раны.

Т е р к и н. Вождям народа

Резкоконтрастно противопоставлены героям и борцам за свободу контрреволюционные силы всех мастей. *Пролетарской рати, рыцарям* противостоят *орда, свора, вампиры, звери, вороны* с соответствующими эмоционально-оценочными эпитетами: *черный, чернорыцкий* (о монахах, попах), *звериный, бессильный, темный* и другие подобные. Эта тенденция отрицательного изображения врага революционной России особенно наглядно проявляется в том случае, когда в одном стихотворении приводятся две контрастные по смыслу перифразы, рисующие два враждебных лагеря: мир защитников революции и мир контрреволюции. Таковы, например, перифразы *огненно-красный конь* (о революции) и *черные волки погонь* (об интервенции):

Никогда не была так кроваво вспенена
В неудержимой скачке
Россия Петра и Ленина,
Вадыбленная от спячки.
Вихрит чугунными копытами
Огненно-красный конь,
Стелются с Запада пылью следокопытною
Черные волки погонь.

Г е р а с и м о в. Из поэмы «Электрификация»

Итак, как видно из приведенных примеров, пролетарская поэзия явилась воплощением героики революционной эпохи. С большой эмоциональной приподнятостью она передала величие дней Октября, их героико-романтический пафос. Однако господствующий в ней метод иносказательного описания нередко приводил к крайне отвлеченной образности их поэзии, к замене конкретно-реалистических картин описаниями абстрактно-романтическими, далекими от реальной основы изображаемого. Любимыми образами пролетарской поэзии были образы, символизирующие мощь революции, силу восставшего и победившего пролетариата, а также светлое будущее революционной России.

М. А. БАКИНА

ВЫДАЮЩЕЕСЯ произведение советской литературы роман «Железный поток» А. С. Серафимовича привлекает многочисленного читателя не только самоотверженностью и красотой поступков первых защитников Советской власти, но и оригинальностью своей художественной формы. Именно в этом произведении обнаружился его неповторимый талант и самобытное языковое мастерство.

Трудно даже назвать все приемы использования писателем языковых ресурсов и художественных изобразительных средств для раскрытия идеи романа. Его тропы необычны и новы. Среди них — олицетворения, метонимия, метафоры.

Надо отметить, что олицетворение — излюбленный прием Серафимовича. Широкое и умелое применение олицетворений сближает его произведения с народной разговорной стихией. Вот несколько типичных примеров: «В неоглядно знойных облаках пыли, задыхаясь, потонули стачичные сады, улицы, хаты, плетни, и лишь остро выглядывают верхушки пирамидальных тополей»; «Тени ветряков косо и длинно погнались за ним через всю степь»; «Задремавшая на ночь пыль опять вечером поднимается ленивыми клубами, всю заволанивая» (Серафимович А. С. Избранные сочинения в 2-х томах, т. 2, М., 1950).

Метафоры, созданные писателем, не похожи на обычные, «стершиеся» и общеизвестные. Такие метафоры, правда, не всегда регистрируются словарями, но они представляют собой незаменимое художественно-изобразительное средство в воссоздании обстановки и образов произведения.

ТРОПЫ В РОМАНЕ «ЖЕЛЕЗНЫЙ ПОТОК» СЕРАФИМОВИЧА

Глагол часто используется А. С. Серафимовичем как основа метафоры. Причем, употребляясь в предложении переносно, он чаще всего не только формирует метафору, но и приобретает новое значение.

В «Железном потоке» одни метафоры являются сквозными, варьируются и повторяются, например: «А вокруг ветряков с возрастающим гомоном все шире *растекается* людское море...»; «Неохватное человеческое море *взмывало* лесом рук»; «И опять иступленно *забушевало* над толпой...»; «С тоской оглядел *бушевавшее* человеческое море до самых краев...» Или: «И *поползла* в горы бесконечная живая змея»; «Но пыльная серая змея все так же *уползала*»; «А змея все *ползла*, все *ползла*, огибая город»; «Бесконечно *извивающаяся* змея, *шевелилась* бесчисленными звеньями, вновь *ползла* в горы...»

Другие метафоры в романе одиночны: «Булавочными уколами *рассыпаны* огоньки»; «И молчаливая, без слов торжественная музыка *разливалась* над необозримой толпой в синем небе...»; «Как на засеянном небе *гает* дымчатый след, так над всей громадой людей неощутимым утомлением *замирает* порыв острой радости»; «...тихонько *наплывает* сон»; «В этой мягкой темноте, в отсвете костров, в этом бесчисленном людском море *погасает* мягкая улыбка...»

Метонимия, как и многие другие тропы,— результат необычной сочетаемости слов. Роль глагола и имени при создании метонимии приблизительно одинакова. Вот пример из романа «Железный поток»: «*Кубань* революционно *поднялась*, как опара». Ср. также в повести «Город в степи»: «*Шумит* пьяным шумом трактор». Правда, применение А. С. Серафимовичем метонимии как тропа сравнительно редко.

Подавляющее большинство глагольных тропов романа употребляются в речи автора для описания героев, окружающей их обстановки, природы.

Природа в романе живет рядом с людьми. И употребление олицетворений помогает автору раскрыть стремительность и напряженность событий, образно воссоздать величие совершенных героями романа подвигов. «И за каждым неотступно *шла* длинная косая *тень*, и идущие ее топтали»; «*Заклубятся* облака в горах, *поползут* над степями, польют дожди, *напьется* жадная земля, а потом начинает *работать* безумное солнце»; «*Повылезали* из болот, из камышей скрюченные *лихорадки*, *впились* в казаков, *не щадили* ни старого, ни малого, много *выпили* народу»: «...и голосами их все дальше и дальше *оживала* темнота»; «...бешено *горланил* живыми голосами *ветер*, непрерывно *выливая* ушаты»; «Узко темнеют расщелины, Бездонные *пропасти*, *ожидающие* гябе-

ли. В пустынных ущельях *бродят туманы*; «Так *уходят* назад *станция за станцией, хутор за хутором, день за днем, изнемогая*. Это примеры олицетворений, «сопровождающих» действия героев романа. Показательно последнее из них: оно характеризует и природу, и селения, и людей.

При этом олицетворение усиливается автором за счет определений, которые еще больше оживляют неодушевленный субъект предложения. См., например, из приведенных предложений: *жадная земля, безумное солнце, скрюченные лихорадки, живые голоса ветра*.

Тропы, использованные писателем для характеристики обстановки, рисуют и настроение героев, и их взаимоотношения, и напряженность революционной борьбы. Особенно наглядно эта напряженность передается олицетворением: «*Судорога пробежала по толпе, и стало тесно дышать*»; «*И колокола, надрываясь, мечут веселый синий звон по станицам, по хуторам, по селам*»; «*Да вдруг пулемет сам за собою не поспевая... и еще немного, договаривая недосказанное...*»; «*И заговорили орудия, застрекотал пулемет*»; «*Напряженно смотрят вперед и назад два пулемета, и напряженно ловят несущуюся навстречу дорогу четыре пары глаз*».

Интересны и разнообразны приемы оформления предложений, в которых употреблены тропы. Как правило, глагол с переносным значением используется в составе одного предложения рядом с другим глаголом. Как видим из примеров, часто стоящие рядом глаголы не снимают, а наоборот, усиливают переносный характер соседствующего глагола. Это можно проследить на таких примерах: «*[Кожух] сомкнул каменные челюсти, сделал под козырек, и видно было, как под скулами играли желваки*»; «*Разноголосо, невпопад, но от чего же вливается тонкая печаль, которая странно вяжется в одно ...с одинокой смутно-задумчивой степью...*»; «*Кожух поднялся, заиграл железными желваками и, тоненько покалывая крохотными глазками отлива серой стали, сказал...*»; «*...слой богатого казачества всплывал, креп, обростал, остальные понемногу тонули*».

В других случаях сочетанием глаголов автор намеренно подчеркивает одну из деталей (например, глаза в портрете), используя в этом сочетании и глагол с переносным значением, например: «*Из-под насунутого черепа маленькие глаза не глядели, а ждали, прислушивались*». А затем удачно подобранный троп (в данном случае олицетворение) повторяется: «*Маленькие тонко-колючие глазки Кожуха ждали...*».

Как показывают наблюдения, для создания тропов писатель использует в первую очередь глаголы движения типа *бродить, уходить, пробегать, ползти, ловить, тонуть, смыкать, вливаться,*

покальывать, лизать, катиться и мн. др. Вот почему очень удачно и само название романа — «Железный поток», раскрывающее идейную сущность произведения. Глаголы движения создают семантическую доминанту романа, выражают его главную идею о непобедимости, «неостановимости» революционного железного потока.

Как правило, А. С. Серафимович ищет и находит новые семантико-тематические связи и умело использует их. Так, связь между использованным в тексте именем существительным и «опущенным», подразумеваемым, может быть не семантической, а всего лишь ассоциативной, «намекающей», т. е., как обычно в метафоре. В гору ползла не змея, а колонна людей, но эта колонна, двигаясь по горной дороге, напоминала змею.

Типичным для творческой манеры А. С. Серафимовича является и то, что создание тропа осуществляется не только за счет ассоциативного ряда, но и с помощью так называемых контекстуальных синонимов, например: *лес штыков, частокол фигур, вырос забор [людей]*. Глагольные же синонимы в тексте не используются, а только подразумеваются: *тени погнались* вместо обычного *побежали*; *челюсти перемалывали* вместо *жевали, двигались*; *задремавшая пыль* вместо *улегчаясь*; *лица выхватывались* вместо *высвечивались, показывались*; *река забывшаяся* вместо *уснувшая, успокоившаяся*; *земля напьется* вместо *пропитается влагой*; *ветер горлачил* вместо *шумел* и мн. др.

Если же при одном имени существительном употребляются два и более глагола, то они соотносятся между собой как слова с разной степенью отвлеченности, приближенности семантики глагола к семантике употребленного рядом имени существительного. Ср. в следующих примерах: «...*медь отозвалась* под горами, и в ущельях, и у берега и *умерла* на море, потому что оно открылось безбрежно»; «Далеко *откликается* [звук голосов] в синих горах и далеко *умирает* за пароходами...»

Описанные приемы употребления А. С. Серафимовичем тропов позволяют сделать основной вывод о том, что роман «Железный поток» является крупнейшим в творчестве писателя не только по своей идейной значимости, но и по своим художественно-языковым достоинствам.

Для А. С. Серафимовича свойственно умелое использование, обновление и обогащение метафорических ресурсов русского литературного языка. А сами методы создания тропов носят оригинальный и новаторский характер.

В. М. ГЛУХОВ

Волгоград

Рисунок С. Гавриловой

КАК НАПИСАН
РАССКАЗ
ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

*«Уроки
французского»*

О языке и стиле художественного произведения чаще всего у нас пишут так: если имеется в виду известный писатель, то подбираются его же «красивые фразы», перечисляются просторечные, а иногда и диалектные слова и словосочетания, проводится несколько арифметических подсчетов тех или иных конструкций, после чего следует вывод о «богатстве и красочности» языка данного писателя. Мне уже приходилось и раньше писать о том, что такого рода «исследования» в сущности никому не нужны. Они несколько не продвигают вперед особую, интереснейшую область филологии, именуемую «языком и стилем художественной литературы».

Заключение о «богатстве и красочности языка» большого писателя можно сделать и без всякого специального анализа. Не надо быть филологом для доказательства, что язык выдающегося писателя не может не быть «богатым и красочным». В противном

случае он не был бы выдающимся писателем: мастерство писателя определяется и общей его одаренностью, и его умением по-своему видеть окружающую нас действительность, его мировоззрением, его языком и стилем. При этом «язык и стиль» занимают здесь одно из центральных мест. Все перечисленные признаки мастерства должны органически дополнять друг друга.

После этих общих замечаний, я хочу обратиться к небольшому, уже широко известному, рассказу прозаика Валентина Распутина — «Уроки французского» (в дальнейшем цифры в скобках — ссылки на отдельное издание этого рассказа, отлично, с большим вкусом иллюстрированного художником В. Гальдяевым: Советская Россия, М., 1981). В издательской аннотации рассказа справедливо отмечается, что писатель «поднимает в нем важный вопрос о подлинной и мнимой человечности».

В нескольких словах необходимо напомнить содержание рассказа. Его действие происходит через три года после окончания Великой Отечественной войны, в 1948 году, в далекой деревне, за пятьдесят километров от райцентра. Рассказ ведется от имени двенадцатилетнего мальчика, который остался без отца. Матери с тремя детьми жилось очень трудно. Так как в деревне была только начальная школа, а способный и трудолюбивый мальчик хотел учиться и дальше, то мать отвезла его в районный центр. Подросток оказался здесь один почти без всяких средств и голодал. Дурные сверстники научили его играть на деньги в так называемую «чичку». Чтобы раздобыть средства на хлеб и молоко, мальчик был вынужден научиться этой игре и стал выигрывать. За это его избили, и подросток вновь остался без денег. Учительница французского языка местной школы, Лидия Михайловна, оказалась человеком большой души: она стремилась «подкармливать» мальчугана, но он упорно отказывался, считая, что брать чужое стыдно. Вскоре учительница поняла: бесплатно подросток ничего от нее не возьмет. Тогда она решила «схитрить», предложив ему играть в «чичку» теперь уже с нею, и, умышленно проигрывая, давала мальчику возможность приобрести «законные» копейки на хлеб и молоко. Об этой игре педагога с учеником узнаёт директор школы, Василий Алексеевич, представитель мнимой человечности. Учительнице пришлось расстаться со школой и уехать «к себе на Кубань» (с. 60). Но она все же успела спасти подростка своей чуткостью, а мальчик в свою очередь, хотя еще и очень смутно, стал понимать, что такое — большое сердце у, казалось бы, совсем чужого человека.

Этот незамысловатый рассказ производит большое впечатление. Силен его общий идейный замысел, несомненна и сила его эмоционального воздействия; большие люди обнаруживаются не

только в больших, но и в «малых» делах, подобно тому, как и дурные люди проявляют себя в поступках внешне будто бы и «правильных», но по существу черствых и жестоких. В рассказе нет никаких «красот языка» и, тем не менее, а скорее именно вследствие этого, все повествование опирается на тщательно продуманные и тщательно отобранные ресурсы языка. Обратим на них внимание.

Вот перед нами учительница французского языка районной сельской школы — Лидия Михайловна. Как читатели узнают о том, что перед ними человек большого сердца? Разумеется, прежде всего по ее поступкам, по ее отношению к тем ученикам, классным руководителем которых она является. Но и по языку, с помощью которого автор, как бы вторгаясь в размышления подростка, описывает учительницу. Читатели узнают, что у Лидии Михайловны было «правильное и потому не слишком живое лицо» (с. 43). Нельзя не обратить внимания на это *потому*. Тонкое жизненное наблюдение стилистически передано здесь очень просто: действительно «правильные лица» редко бывают достаточно живыми. При этом писатель говорит о *правильных*, а не о *красивых* лицах. А живость лица, придающая ему обаяние, вместе с тем делает его чуть-чуть неправильным, чуть-чуть несимметричным. Весь облик Лидии Михайловны подтверждает справедливость авторского наблюдения: учительница любит своих учеников и вместе с тем она строга, она озабочена их жизненными судьбами. Правильные черты ее лица бывают недостаточно живыми, несмотря на доброту и доброжелательность учительницы. Так стилистически осмысливается, казалось бы, «сухое» наречие *потому* («правильное и *потому* не слишком живое лицо»). Вместе с тем «не слишком» не исключает возможности, чтобы подобное лицо в тех или иных ситуациях было бы и живым.

Мальчику голос учительницы поначалу кажется звучащим недостаточно «вволюшку...», так что в него приходилось вслушиваться» (см. 31). Сам себе подросток объясняет это тем, что Лидии Михайловне, учительнице неродного языка, надо «приноравливаться к чужой речи», отчего «голос без свободы сел, ослаб, как у птички в клетке, жди теперь, когда он опять разойдется и окрепнет» (с. 34). Переход от прямой речи к косвенной, здесь едва уловимый, создает впечатление у читателя, что мальчик, хотя и видит «недостатки» учительницы, вместе с тем любит ее, сожалея о ее, как ему представляется, неблагоприятной профессии («приноравливаться к чужой речи»).

Но когда позднее подросток убеждается в благородстве учительницы, ее голос перестает ему казаться голосом «птички в клетке». Больше того. Теперь мальчуган размышляет так

«...к завтрашнему дню наизусть выучу весь французский язык...». Этим он стремится доставить радость уже полюбившемуся педагогу. Вместе с тем, меняются и взгляды мальчика на чужой ему язык. Образ незнакомого языка сближается с образом учительницы, желающей мальчику добра, и поэтому чужой язык становится достойным изучения. Вскоре и Лидия Михайловна начинает казаться подростку «необыкновенным, непохожим на всех остальных» человеком (с. 46).

То, как хорош сам мальчик, во что бы то ни стало желающий учиться, писатель тоже раскрывает не прямо, а как бы попутно, без всяких подчеркиваний. Так же предстают перед читателями и отрицательные персонажи рассказа: они осуждаются не словами, а описанием их действий и поступков. Дурные мальчишки как будто бы и не заставляют нашего героя играть на деньги, но создают такую обстановку, которая вынуждает его именно таким образом «зарабатывать» на пропитание. Жестокий и бездушный директор школы ничего не делает прямо плохого, но когда узнает об играх своего ученика, то он только «воздел над головой руки» (с. 60). И это *воздел* (одно слово) дополняет характеристику «правильного» директора.

Запоминается и финальный диалог, воспроизводимый мальчиком, между директором школы и учительницей французского языка. «— Вы играете на деньги с этим?.. Василий Андреевич ткнул в меня пальцем, и я со страху пополз за перегородку... — Играете с учеником?! Я правильно вас понял? — Правильно. — Ну, знаете... — Директор задыхался, ему не хватало воздуха, — Я теряюсь сразу назвать ваш поступок. Это преступление. Раствление. Сокращение...» (с. 60). Учительница ничего не пытается объяснить директору. Она понимает, что это совершенно бесполезно: ее все равно здесь не поймут. Отвечая на вопрос одним только *правильно*, Лидия Михайловна как бы соглашается с директором, будто она занималась «раствлением» мальчика. Между тем она стремилась спасти мальчика, дать ему возможность жить и учиться.

Как видим, в рассказе В. Распутина нет никаких «красот языка», хотя все повествование запоминается не только общим благородным замыслом, но и тем, какими языковыми и стилистическими средствами он выполнен. Эти средства — предельно просты. Своей простотой они и сильны.

Хороши и попутно высказанные афоризмы, идущие как бы одновременно и от мальчика, и от автора: «Откуда мне было знать, что никогда и никому еще не прощалось, если в своем деле он вырывается вперед? Не жди тогда пощады... и больше всех ненавидит его тот, кто идет за ним следом. Эту науку мне пришлось

в ту осень постигнуть на собственной шкуре» (с. 22). Для двенадцатилетнего мальчика подобные размышления, разумеется, слишком сложны, поэтому у читателя возникает убеждение — к этому заключению приходит тот же мальчик, но уже позднее, в середине или в конце своего жизненного пути.

Столь же хороши и обобщения учительницы, опирающиеся на ее повседневный опыт: «Человек стареет не тогда, когда он доживает до старости, а когда перестает быть ребенком» (с. 53). И этот афоризм запоминается тем, что он следует за поступками доброго человека: учительница может непосредственно резвиться с детьми, забывая о своем возрасте, но не забывая при этом о своем долге. Правдивы и рассуждения мальчика, различающего возможность честного и нечестного выигрыша: «Принимая деньги от Лидии Михайловны, я чувствовал себя неловко, но всякий раз успокаивался тем, что это честный выигрыш» (с. 59).

Читая и перечитывая художественные тексты наших мастеров, интересно и поучительно следить, как взаимодействует у них общий идейный и эмоциональный замысел произведения с языковыми и стилистическими ресурсами родного языка. В этом случае и тексты прочитываются «иными глазами».

Р. А. БУДАГОВ

Рисунок В. Комарова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что это за слово *воленс* — *ноленс*?»

А. И. Горбатов, Люберцы

Наречие *воленс* — *ноленс* [от латинского *volens* — желающий и *polens* — нежелающий] обычно употребляется в книжной речи, обозначает то же, что *волей* — *невволей* — поневоле, по необходимости, вынужденно.

«Что обозначает слово *жом*?»

И. С. Галина, Мурманск

Слово *жом* (муж. р.) имеет два значения: 1. Пресс для выжимания. *Маслобойный жом*; 2. Свекловичные выжимки, используемые в качестве корма для скота.

Василий Федоров — поэт не столько настроения, сколько мысли — гражданской и философской. Среди многочисленных качеств Федорова-поэта надо, прежде всего, отметить образную силу его поэтического слова, его точный, доступный широким массам язык.

Языку Вас. Федорова, реалистическому в своей основе, чужды заумность, метафорическая усложненность, витиеватость и недосказанность. Поэт тяготеет к простому, «вещному» слову, которое, по выражению К. Паустовского, «в поэзии начинает сверкать, звенеть, благоухать». Неисчерпаемым источником такого слова для Василия Федорова является сама жизнь. Недаром он говорит: «Пойдешь к жизни — найдешь слово, пойдешь к слову — узнаешь жизнь». Поэт жизни действительной, он стремится через бытовое, обычное проникнуть в суть явления, вещи, проблемы, чтобы выявить скрытую в них красоту. Часто образ у него, основанный на небольшой детали, порождает целый мир ассоциаций. Одно точно подобранное слово — и возникает убедительная художественная характеристика. Ориентация поэта на обыденное живое слово определила ритмико-интонационную структуру его стиха — стиха не мелодично-напевного, а разговорного.

Богат лексический состав поэтического языка В. Федорова. Это и разговорная лексика (тряхнуть мощной, пагуба — беда, чуть, болтовня), просторечие (малец, орава), диалектизмы (жены-горевухи, сутемь лесная, сумёт), устаревшие слова (стряпчий, стремянный, витать), производственная (цех, прессы, руда, литейщик, бульдозер), публицистическая лексика (коммунизм, революция, борьба, колхозное право, мировые вопросы). В органиче-

ском соединении различных словарных пластов, в умении отобрать и поставить рядом единственно нужные слова рождаются стихи, излучающие энергию мысли и чувства. Такое сочетание придает стихам Федорова своеобразную эмоционально-стилистическую окраску — то ораторско-декламационную, то обличительно-саркастическую, то мягко-ироническую и шутивную. Например: «Под статейки О колхозном праве Что-то перестали сеять травы. Под крутые, Боевые речи Что-то перестали Сеять гречу. При решении Мировых вопросов Что-то перестали Сеять просо...» Здесь автор резко обличает демагогию отдельных руководителей, прикрывающихся высокими словами и запустивших насущные колхозные дела. И это удалось поэту благодаря соединению в тексте газетной лексики с такими «прозаизмами», как «травы», «греча», «просо», «конопляное масло».

Лирический герой поэта всегда активен в борьбе со злом во всех его проявлениях. Жизнь он воспринимает как поле боя, где идет борьба за гражданский идеал, за красоту человеческих отношений. Вот почему любимые опорные слова — это «борьба», «бой», «война», «схватка», «атака», «враг», «зло» и др. Они являются тем словесным материалом, на основе которого строятся своеобразные поэтические тропы. Они безошибочно узнаются по ясности, страстности и даже жёсткости: «Зато В кровавой роздыми, Когда врага не жаль, Слова должны быть Острыми, Жестокими, Как сталь».

Опорные слова в поэтическом контексте Федоровских стихов приобретают мощный эмоционально-смысловой накал, обогащаясь все новыми и новыми ассоциациями. Например, такими словами в стихотворении «Рабская кровь» являются «борьба», «кровь», «раб», «враг» и производные от них. Композиция, выбор словесного материала обусловлены конфликтом — гражданской и рабской психологии. Контрастирующая символика здесь проста и выразительна. Лирический сюжет стихотворения разворачивается как столкновение враждующих лагерей. Отсюда — соответствующая батальная лексика: «враг», «предатель», «лазутчик», «сила бойцовская», «пуля свинцовая», «бороться» и т. п. В творчестве Федорова очень ясно выражено единство эстетики и этики, красоты и нравственной чистоты, столь свойственной народной поэзии. Красота в понимании поэта не имеет ничего общего с эстетическим любованием. Только в единстве с обществом человек может жить достойно и красиво в высшем смысле этого слова.

У Вас. Федорова слово *красота* получает различное эстетически-смысловое наполнение. В зависимости от контекста оно звучит то нарочито шутивно, то с высоким гражданским пафосом. В полемике с литературными противниками поэт сознатель-

по приземляет это слово, чтобы подчеркнуть свое отрицательное отношение к художественному эстетизму: «Мы знали красоту, Мы пили красоту, Мы ели красоту, Как сено ест корова», «В пас нашей красоты живое молоко». При утверждении социально-нравственного идеала это слово звучит романтически приподнято: «Чтоб мы, пробиваясь к большой красоте, На суровом пути не могли заблудиться», «За красоту Людей живущих, За красоту времен грядущих Мы заплатили красотой».

По мнению Вас. Федорова, в истинном искусстве все радости и боли мира должны пройти через сердце поэта, этот «нервный центр мира». Через любимый образ-символ поэт передает свою любовь и ненависть: «Любви и ненависти в дар Я нынче все отдать поклялся, Чтоб каждый боевой удар Ударом сердца отозвался». Как кредо звучит строка поэта: «Одних до радости люблю, Других до боли ненавижу». Поэт стихом участвует в острой идеологической полемике о назначении литературы, дает отповедь зарубежным проповедникам литературного субъективизма:

Все испытал,
Мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая, займет наш враг,
Займет, сводя все те же счета,
Займет, засядет,
Нас разя.
Сердца!
Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя.

Сердца́

Как видим, выстраданная и выношенная мысль стала гражданским чувством поэта, получив эмоционально-образное воплощение. Слово *сердце*, включенное в соответствующую образную систему («психологическая атака», «враг», «сводя счета», «засядет»), получает новое идейное содержание. И совершенно неожиданно, но вместе с тем и естественно «сердца» соотносятся с образом «высоты». Происходит сильная концентрация чувств и мысли, выразившаяся в афоризме: «Сердца! Да это же высоты, Которых отдавать нельзя».

Афористичность, кстати, одна из ярчайших особенностей федоровского стиля. Поэт не придумывает специально свои афоризмы. Они рождаются естественно, как итог размышлений поэта, выраженный в концовке стихотворения. Например, «Какая власть Ми-

ров над сердцем, А власть Земли Еще сильнее!», «История устала от войны, Но от борьбы с войною не устанет!», «Не ворошите старые могилы, Они чреватые Новою бедой».

В афоризмах Федорова наблюдается закономерность: как правило, они состоят из двух контрастных по мысли частей. Суть мысли, неожиданной и емкой, выражается во второй части. При этом главное смысловое слово фигурирует в обеих частях и искусно обыгрывается с неизменным наличием антитезы. В приведенных примерах эти повторяющиеся слова «власть», «война», «огонь», «могилы» и антитезы: «устала — не устанет», «старые — новые» и др.

В лирике поэта-сибиряка светятся нежные северные краски. Скромна палитра его цветовых эпитетов. Природа для Федорова — это больше объект для размышлений о ее дальнейших судьбах, о взаимодействии с ней человека. Федоров не только певец красоты русской природы, но и страстный ее защитник от бесхозяйственного к ней отношения («Земля», «Кузьмич», «У родника» и др.). Поэта тревожит то, что воздух, реки, моря загрязняются промышленными отходами. Земля в одноименном стихотворении сравнивается с больным и уставшим человеком. В общении с природой-матерью поэт черпает жизненные силы, душевное равновесие, обогащается духовно. Он признается: «И когда мне станет слишком тошно, Я иду в дремучий русский лес». Там сосна, «словно мать», «Меня ладонью хвойной Осторожно гладит по щеке». Говоря о природе, поэт, например, ее доброту и красоту сравнивает с женской. Например: «Меня вода Кайдорова милует, — Должно быть, я воде ответно люб. Она целует в губы, В лоб целует И поправляет поредевший чуб». Осенние березки сравниваются с девушками: «Озябшие, Они дрожат и гнутся, Упрятав ноги в коврики из мхов, Стыдливые, Они друг к другу жмутся В кругу рябых Чубатых женихов».

Поэт умеет вложить душу в родничок, который у него поет, глядит, дышит: «Он просветлел лицом, Прозрел десятиглазо». Но когда автор пишет о безответственности тех, по чьей вине гибнет красота природы, то обращается к острой публицистической, фельдетонно-сатирической лексике: «Ну а штрафы? Штрафы эти Лишь один самообман. Все равно В прямом ответе Государственный карман».

Над словом Василий Федоров работает упорно. Только те стихи, считает он, хороши, в которых не видно труда. А для того, как ни парадоксально, и надо очень много трудиться.

М. В. КОЗЛОВ

Винница

Рисунок В. Телстонозова

Стихи о русском языке

РУССКОЕ СЛОВО

Ты дружбы, свободы и счастья глашатай,
Ты светлая на горизонте зарница,
Из сердца живого родник твой струится,
Прозрачное русское слово!

Ты — в радужных красках цветущих просторов,
Ты — в бликах и отсветах солнечных, зримых,
Ты — в звуках и отзвуках неповторимых,
Волшебное русское слово!

Ты жизнь и надежду несешь миллионам.
Несешь негасимое пламя восхода,
Несешь непреложную правду народам,
Могучее русское слово!

Народы и страны с тобой породнились,
Ты песней крылатой взлетело над светом,
И всюду тебя принимают с приветом,
Великое русское слово!

Максим Танк

Из стихотворения «КТО СКАЗАЛ?»

Кто сказал, что разные наречья
Разделяют нас? Не верю, нет!
Мы сильны одной могучей речью,
Нам один в веках сияет свет!

За одну великую надежду
Будем мы бороться до конца,
И у нас под разною одеждой
Бьются одинаково сердца.

.....
Дружным братьям враг любой
не страшен.

Мы идем дорогою зари.
И, как солнце, над землю нашей
Вечно имя Ленина горит.

Емилиян Буков

Из стихотворения «РОССИЯ»

Кто бы ни были мы, где б ни встретились братья —
Армянин ли, узбек ли, киргиз иль казах,
Самым первым, когда мы раскроем объятия,
Будет русское слово у нас на устах.
Это слово — «товарищ», великое слово,
Что в сердцах повторяем мы снова и снова.

Максуд Шейхзаде

Из стихотворения «РУССКИЙ ЯЗЫК»

...Я зрелости достиг — и выучил другой.
То русский был язык, для сердца дорогой:
По-русски прозвучал свободы гордый клич,
По-русски говорил с народом наш Ильич.

Люби его, мой друг, как любит весь народ.
Он — мост между людьми, единство и союз.
Люби его, мой друг, и с ним тебя поймет
Индиец и араб, вьетнамец и француз!

Мирмухсин

Из стихотворения «ДОРОГ НАМ»

За что он так дорог нам, русский язык?
Он радует слух наш и в сердце проник,
С ним шли мы на бой за свободу свою,
О мире народы — по-русски поют.
Он — сказка, что в древнюю пору слагали,
Он — Пушкина строки, звенящие в лад..

Ильяс Муслим

Перевод с узбекского
Зои Тумановой

Георгий
Васильевич
ЧИЧЕРИН
1872—1936

К 110-летию
со дня рождения

Г. В. ЧИЧЕРИН начал работать народным комиссаром в невероятно тяжелый период, когда молодое Советское государство оказалось в тяжчайших условиях гражданской войны и интервенции. И только мир мог вывести из этого положения нашу страну. Надо было во что бы то ни стало заключить договор с Германией. Для его подписания, по предложению В. И. Ленина, в состав советской делегации, направленной в Брест, был включен Г. В. Чичерин.

Весной 1922 года Советская республика приняла участие в международном форуме — Генуэзской конференции, на которой выступил с речью представитель первого в мире государства рабочих и крестьян Г. В. Чичерин. На конференции собрались официальные представители 34 государств, многочисленные гости, журналисты. Все ждали выступления советского наркома. Слово предоставлено Г. В. Чичерину.

Советский

государственный деятель,
выдающийся дипломат

Георгий Васильевич
Чичерин

был пламенным оратором,
партийным публицистом,
пропагандистом.

Потомственный дворянин,
он навсегда порвал
со своим прошлым
и встал на путь служения
своему народу,
отдав всего себя революции.

С 1918 по 1930 год

Г. В. Чичерин был народным
комиссаром иностранных дел.
В. И. Ленин высоко ценил
знания Г. В. Чичерина,
его принципиальность,
чуткость, простоту.

«Чичерин —
работник великодушный,
добросовестнейший,
умный, знающий,— писал
В. И. Ленин в 1918 году.
— Таких людей надо
ценить».

Внешне спокойный, с большим достоинством Георгий Васильевич на безупречном французском языке произнес свою знаменитую речь, в которой была изложена ленинская программа, содержащая идеи мирного сосуществования государств с различными социальными системами.

Вот как об этом написал известный писатель Савва Дангулов в своем романе «Заутреня в Рапалло»: «Чичерин начал говорить — еще неизвестно было, как построит свою речь советский делегат и какую мысль он утвердит, но его французский, поистине французский божьей милостью, заставил вначале приумолкнуть зал, а потом онеметь в настороженном внимании... Но дело не только в добром чичеринском французском — имел значение сам факт чичеринской речи, само событие, каким явилась эта речь. Первая речь советского делегата за пределами Республики Советов. Речь, прорвавшая блокаду».

Талантливый дипломат, Г. В. Чичерин был в то же время прекрасным оратором. Его речи отличались глубоким содержанием, обоснованностью положений, неотразимостью приводимых аргументов, образностью языка. Обычно они начинались с того, что волновало слушателей. Например, в докладе на заседании ВЦИК 17 июня 1920 года Г. В. Чичерин сначала охарактеризовал обстановку: мировой империализм продолжает попытки задушить Советскую республику. Затем оратор приступил к изложению основной мысли доклада о ленинском принципе мирного сосуществования. Г. В. Чичерин убедительно доказал, что «наша политика есть политика мира». «Наш лозунг был и остается один и тот же: мирное сосуществование с другими правительствами, каковы бы они ни были» — эта мысль, четко сформулированная в докладе, была

аргументирована большим фактическим и конкретным материалом. В заключительной части доклада подводились итоги сказанному.

«Искусство всякого пропагандиста и всякого агитатора,— подчеркивал В. И. Ленин,— в том и состоит, чтобы наилучшим образом повлиять на данную аудиторию, делая для нее известную истину возможно более убедительной, возможно легче усвояемой, возможно нагляднее и тверже запечатлеваемой» (Поли. собр. соч. Т. 21, с. 21). Отличительной особенностью Г. В. Чичерина как пропагандиста, оратора и публициста было умение убеждать. В его ораторском искусстве органически соединялось глубокое знание марксистской теории, идейная убежденность, умение воздействовать на умы и сердца слушателей. Все эти качества сочетались с высокой речевой культурой оратора.

Речь Г. В. Чичерина отличалась строгим композиционно-синтаксическим построением текста. Г. В. Чичерин шел в своих рассуждениях от общего к частному: «Проблема восстановления мирового хозяйства при настоящих условиях настолько неизмерима и обширна, что она может быть разрешена лишь при искреннем желании координации своих действий со стороны всех европейских и неевропейских стран...» (Речь на первом пленарном заседании Генуэзской конференции. 10 апреля 1922 г.). Или от утверждения к результату: «Установление всеобщего мира должно быть проведено, по нашему мнению, всемирным конгрессом, созванным на основе полного равенства всех народов и признания за всеми ими права распоряжаться своей собственной судьбой» (там же). Или от причины к следствию: «Действительно, почему, ради чего мы стремимся к установлению отношений со всеми правительствами?». И далее: «Это нам нужно для развития нашего народного хозяйства... Поэтому мы в нашей внешней политике стремимся к таким целям, как разоружение...» (Речь на Всесоюзном совещании уполномоченных народного комиссариата внешней торговли. 7 января 1924 г.).

Рассмотрим некоторые особенности языка и стиля доклада Г. В. Чичерина на заседании ВЦИК 17 июня 1920 года. Этот доклад и теперь производит большое впечатление глубиной содержания и яркой формой изложения. Стилистические особенности публичной речи более всего проявляются в синтаксисе — в построении предложений. В данном докладе преобладают сложные конструкции различных типов с четко выраженной связью между частями предложения: «Трудна и сложна политическая обстановка, в которой нам приходится работать в этот момент, когда мы убеждены, что последний девятый вал встал против нас, когда нам надо напрячь наши последние усилия, чтобы стать на путь

беспрепятственного развития и мирного труда»; «Экономическая действительность требует обмена товаров, вступления в постоянные урегулированные отношения со всем миром, и та же экономическая действительность требует того же от других правительств, с какой бы ненавистью они ни относились к нашему строю». Такое построение предложений характерно для стиля речи Г. В. Чичерина, где четко прослеживается последовательное развитие мысли автора. Для утверждения и создания динамизма высказанной мысли употребляются простые предложения: «Такова наша политика»; «Наша программа ясна и проста. Все знают ее».

К стилистическим ресурсам синтаксиса относятся так называемые фигуры речи, например риторические вопросы. Этот ораторский прием широко используется Г. В. Чичериным с целью логического или эмоционального выделения частей высказывания: «Почему Америка до сих пор держится в стороне, не используя потому те широкие возможности, какие представляли бы для нее сношения с Советской Россией? Эти возможности есть. Мы ждем, когда Америка этим воспользуется». Нередко употребляется вопросно-ответная форма, чем направляется внимание аудитории на восприятие главного в речи: «Почему они прибегли еще раз к этому приему? Мы думаем, что две основные причины побудили их переменить их тактику»; «Почему вообще западные государства идут на соглашение с нами? Одна из главных причин — это потребность в экономическом общении с нами».

Анафорический повтор, когда несколько предложений начинается с одного и того же слова или сочетания слов, создает особую организацию речи и усиливает ее действенность и выразительность: «Мы хотим одного. Мы хотим, чтобы нам не мешали развиваться так, как мы желаем строить в мире наше новое социалистическое общество. Мы не несем ни своего строя, ни своей власти на штыках, и это знают все... Мы хотим мира, соглашения, но действительного соглашения, обоюдно выгодного при равных условиях».

Для усиления эмоционального воздействия на аудиторию Г. В. Чичерин использовал антитезу (противопоставление). Этот стилистический прием строится на параллелизме синтаксических конструкций и употребляется для создания контрастной характеристики: «Наша политика есть и остается борьба за мир, а нам отвечают наши враги борьбой за наше удушение»; мировой империализм «напрягает все силы, делает последние усилия, чтобы нас задушить, действует и военным насилием, и дипломатическими махинациями, действует обманом, действует ложной видимостью примирения, которое не является действительным. Мы

ему противопоставляем ясную программу нашей политики мира, мы противопоставляем ему требования действительного соглашения, настоящего мира, который был бы выгоден обоим, который коренился бы в интересах трудящихся масс обеих сторон».

Широко используются приемы лексической изобразительности — разнообразные способы употребления слов в переносном значении. Для оживления речи создаются метафоры: «Мы отвергаем коварные улыбки, скрывающие кинжал, спрятанный за спиной. Мы отвергаем отравленный кубок лживых заверений, скрывающих за дружелюбной видимостью в действительности новое нападение».

Г. В. Чичерин выступал с большим остроумием, употребляя контрастные разностилевые слова: «Благородные лорды думают, что они могут нас обмануть как простачков, что они могут усыпить нас ложными миролюбивыми уверениями...» (доклад на заседании ВЦИК 17 июня 1920 г.); или метафору: «Что же нам теперь думать об этой самой Британской империи? До чего, бедная, дошла, если приходится ее спасать такими нелепыми подлогами, такими смешными фальшивками! До чего дошла некогда почтенная старушка! Она теперь беззубая и дряхлая, она шамкает нелепый вздор, вызывающий гомерический хохот» (интервью сотруднику РОСТА от 17 июля 1925 г.).

Высокая речевая культура Г. В. Чичерина органически сочеталась в его выступлениях с глубокой коммунистической убежденностью, страстностью, вдохновением, безупречной логичностью и аргументированностью. Работы Г. В. Чичерина (дипломатические дневники и документы, доклады и речи, публицистические статьи, письма и заявления) являются свидетельством его энциклопедических знаний, научной добросовестности.

Будучи широко образованным человеком, Георгий Васильевич много времени посвящал научным исследованиям. Он написал ряд работ по истории революционного движения. Г. В. Чичерину принадлежит также музыковедческий труд о великом австрийском композиторе Моцарте. «Для меня Моцарт,— писал Георгий Васильевич,— был лучшим другом и товарищем всей жизни, я ее прожил с ним, самым сложным и тонким, самым синтетическим из всех композиторов, стоявшим на вышке мировой истории, на перекрестке исторических течений и влияний» (Чичерин. Моцарт).

В 1930 году Георгий Васильевич писал брату: «У меня была революция и Моцарт, революция — настоящее, а Моцарт — предвкушение будущего, но их отнять нельзя». Последний день жизни Г. В. Чичерина оборвался на полуслове последней страницы рукописи о Моцарте.

Е. И. КЕДАЙТЕНЕ

КОРМОЗАГОТОВИТЕЛЬ

ИЛИ

КОРМОДОБЫТЧИК?

Е. Н. Зверев из Пензенской области обратился к ученым-языковедам по поводу неверного, с его точки зрения, употребления слова *кормодобытчик*. «Наше областное радио,— сообщает автор письма,— часто называет *кормодобытчиками* заготовителей кормов. Им отводят специальные площади для заготовки сена, а также веточного корма. Это слово совершенно не подходит к кормозаготовителям. Ведь *добыть* — это или „добыть в шахте руду“ или „украсть что-нибудь“. Прошу дать разъяснение, подходит или нет слово *кормодобытчик* к кормозаготовителю?».

К письму приложена вырезка из газеты «Пензенская правда», в которой читаем: «Кормодобытчики совхоза „Нечаевский“ ежегодно занимают призовые места в районном соревновании по производству витаминно-травяной муки».

Значение слова *кормодобытчик* в целом очень прозрачно по смыслу, оно тесно связано с глаголом *добыть*: 1) достать, разыскать, с трудом, с усилием приобрести в свое распоряжение; 2) извлечь из недр земли. Смысловый признак «усилие» у глагола *добыть* весьма существен, а у глагола *заготовить* он отсутствует. Не случайно в производном существительном *добыча* есть значение «то, что захвачено с боем, отнято у неприятеля».

Как могло случиться, что более точное на первый взгляд наименование лица, заготавливающего корм, *кормозаготовитель* уступило свои позиции менее точному — *кормодобытчик*?

Оба слова — и *кормодобытчик*, и *кормозаготовитель*, а также *кормодобыча*, *кормодобывание*, *кормозаготовка*, *кормозаготавливание* появились в нашем языке сравнительно недавно. Они связа-

ны с общественным животноводством, с расширением его технической основы, с производством новых видов кормов. Все это стимулирует появление целой серии сложных слов с начальным элементом *кормо-*: *кормодробилка, кормокомбинат, корморезка, кормосмесь* и под. 17-томный Словарь впервые фиксирует и этот компонент *кормо-*, и слова, интересующие нас, — *кормодобывание, кормодобывающий*. Можно с уверенностью предположить, что на внесение этих двух слов в 17-томный Словарь оказала влияние терминологическая узаконенность их в международной сельскохозяйственной терминологии. Именно слово *добывание*, а не *заготавливание* (или *заготовка*) было признано в качестве соответствия второго компонента во многих сложных терминах разных европейских языков. В «Восьмиязычном сельскохозяйственном словаре» (1970) зафиксированы сложные термины *кормодобывание, кормодобывание пастбищное, кормодобывание полевое* и их соответствия в семи европейских языках: болгарском, чешском, польском, венгерском, румынском, немецком, английском. Термина же *заготавливание* (как и *кормозаготавливание*) в этом словаре нет. Есть группа терминов *заготовка, заготовка леса, лесозаготовка, заготовки государственные, заготовки сельскохозяйственные, сельхоззаготовки, заготпункт, заготстандарты сельскохозяйственных продуктов* и др.

В советское время в русском языке появились слова и термины, связанные с закупкой у населения всевозможных видов сельскохозяйственных продуктов. Лица, которые заняты такими заготовками, — *заготовители*, цены на закупаемые подобным способом продукты и сырье — *заготовительные* и др.

Если сопоставить термины *кормодобывание* и *кормопроизводство*, также помещенные в «Восьмиязычном сельскохозяйственном словаре», и обратить внимание на вторую часть этих сложных слов-терминов (*-добывание* и *-производство*), то нетрудно увидеть, что в других языках она совпадает или очень близка: болг. *фуражнопроизводство* (кормодобывание), *фуражно производство* (кормопроизводство) и др.

Попав в словник нормативного 17-томного Словаря, слово *кормодобывание* получает как бы законные права. Вместе с тем внимательный читатель не может не заметить, что этот Словарь строго ограничивает сферу употребления слов *кормодобывание* и *кормодобывающий*, предпослав им помету «специальное»: *Кормодобывание. Спец. Заготовка кормов. Полевое кормодобывание. Механизация кормодобывания; Кормодобывающий. Спец. Относящийся к кормодобыванию. Кормодобывающая бригада.*

В последнее время заметно изменились сами условия и организация заготовки кормов в общественном животноводстве. Поми-

мо традиционных способов и приемов в этом занятии, появились особые предприятия и цеха, где корма производят, изменилась технология хранения и переработки кормов. Термины *кормодобывание*, *кормодобывающий*, *кормодобытчик* сдают свои позиции в употреблении. Его, конечно, еще можно встретить на страницах газет или радио, например: «Кормодобытчики пошли на новый метод хранения сена» (Всесоюзное радио, 1981, 3 авг.), однако значительно чаще появляются новые слова, более точные и более соответствующие самому действию. Разумеется, живые ассоциации с глаголом *добыть*, которые все говорящие хорошо чувствуют и о которых правильно пишет в своем письме Е. Н. Зверев, оказывая влияние на жизнь слова *кормодобывание* в языке, сдерживая его употребительность.

Специальные наблюдения за этими словами-конкурентами в газетных материалах, на радио и телевидении показали постоянное употребление слов *заготовка*, *заготовитель*, *кормозаготовитель* и лишь эпизодическое — *кормодобытчик*, *кормодобыча*: «Ударный месяц по заготовке кормов начался в Челябинской области» (Всесоюзное радио, 1981, 1 авг.); «В Ленинградской области действует 700 кормозаготовительных отрядов и звеньев» (Всесоюзное радио, 1981, 24 июля); «Созданы мобильные отряды кормозаготовителей» (Телепрограмма «Время», 1981, 3 авг.); «...за минувшие выходные дни заготовили 205 тонн зеленой массы» (Ленинское знамя, 1981, 4 авг.); «Собрать все, что выращено, надежно сберечь, довести каждый килограмм продукции до потребителя — такая задача стоит перед земледельцами, заготовителями, коллективами транспортных и торговых организаций, перерабатывающих предприятий» (Правда, 1981, 6 авг.).

Итак, словосочетание *заготовка кормов* одерживает верх над своим основным конкурентом *добыча кормов* и соответственно — *кормозаготовитель* над *кормодобытчиком*. В словаре-справочнике «Новые слова и значения» (М., 1971) фиксируется прилагательное *кормозаготовительный* (предназначенный для заготовки кормов): *кормозаготовительный цех*, *кормозаготовительный отряд*.

Лингвистически сочетание *заготовка кормов* имеет преимущества перед *добыча кормов*. Смысл первого из них складывается из компонентов, каждый из которых точен и однозначен, чего нет в сочетании *добыча кормов*. Есть достоинства и у прилагательного *кормозаготовительный* перед причастием *кормодобывающий*, так как прилагательное способно вступать в более широкие связи с разными разрядами имен существительных: *кормозаготовительный пункт*, *кормозаготовительный цех*, что невозможно с *кормодобывающий* (в подобных сочетаниях, если бы они были, смысло-

вое сближение с *добыть* в его основных значениях ощущалось бы совсем явственно).

Ряд близких по значению словосочетаний *заготовка кормов*, *добыча кормов* в последнее время пополняется новыми единицами — *производство кормов*, *накопление кормов*: «С покосов поступают добрые вести. Все больше хозяйств докладывает о выполнении планов накопления кормов» (Сельская жизнь, 1981, 4 авг.). Сочетание *производство кормов* или сложение *кормопроизводство* более точное, чем *кормодобывание*. Сокращенное слово *кормопроизводство* отмечено в словаре-справочнике «Новые слова и значения».

Подробный анализ двух близкозначащих слов *кормодобытчик* и *кормозаготовитель* показал, что, несмотря на поддержку словарей и даже вопреки им, у слова *кормодобытчик* в значении «лицо, заготавливающее корм в общественном животноводстве» нет будущего. Слова *кормозаготовитель*, *кормозаготовительный* и др. прочно вошли в употребление.

Т. С. КОГОТКОВА

МАЛ ЗНАК, ДА ДОРОГ...

Одинаковые слова, сочетания слов могут восприниматься по-разному. Предложения, состоящие из равного количества одних и тех же слов, способны выражать различные мысли. Возникающей двусмысленности, путаницы можно избежать и с помощью знаков препинания. На важность запятой для понимания смысла предложения указывал еще В. К. Тредиаковский. В сочинении «Разговор между чужестранным человеком и российским об ортографии старинной и новой и о всем что принадлежит к сей материи» (СПб., 1748) он призывал «двойное знаменование истреблять. Например: „Стараться о чести, мало должно о пользе“, а не: „Стараться о чести мало, должно о пользе“».

Общезвестен лингвистический анекдот, согласно которому жизнь человека в старые времена могла зависеть от места запятой в предложении «Казнить нельзя помиловать». Если знак препинания стоит после первого слова, конструкция приобретает одно значение: «Казнить, нельзя помиловать», если после второго —

Запятая перед *но* должна свидетельствовать о том, что фраза «Но останется навек эта красота» не является придаточным предложением, она соотносится по смыслу не со словами «Очень жаль...», а с содержанием всего предшествующего высказывания «Очень жаль, что на земле мы живем не вечно...». Вот пример для сравнения: «Он секунду смотрит, чувствуя, как сохнет во рту, и в чугунном звоне пухнет голова» (Шолохов. Тихий Дон) — запятая перед *и* означает, что «начинающееся этим союзом предложение является самостоятельным, а придаточным является только *как сохнет во рту*. Но из содержания контекста следует, что к слову *чувствуя* относятся два придаточных. Следовательно, запятая перед *и* здесь не нужна» (Шапиро А. Б. Современный русский язык. Пунктуация. М., 1966, с. 123).

Запятая в предложении «Очень жаль, что на земле мы живем не вечно, Но останется навек эта красота» нужна еще и потому, что в нем, а также в другом (из той же песни): «Очень жаль, что на земле мы живем не вечно, Но хотим оставить ей память о себе», есть союз *но*, перед которым запятая ставится всегда. Следовательно, пунктуация в приведенных примерах из песни не может нам помочь в решении вопроса, является ли замыкающее предложение придаточным, то есть каков смысл всего высказывания. Определяющим в данном случае является логическая оценка содержания предложения, а также контекст.

Возможны, однако, случаи, в которых не помогает и логическая оценка событий. В предложении «Он напомнил, что завод находится в критическом положении, и мы согласились им помочь» запятая перед союзом *и* дает понять (даже при отсутствии сведений о данной конкретной ситуации), что мы действительно согласились помочь заводу. «Он напомнил, что завод находится в критическом положении и мы согласились им помочь» (нет запятой перед *и*) — здесь говорящий лишь напоминает о данном обещании, а о нашей реакции на его слова, о согласии помочь ничего не сообщается. Оба предложения с логической точки зрения выглядят вполне реальными.

Для верного понимания смысла сложного высказывания определяющим может оказаться наличие или отсутствие всего лишь... запятой. Приведем еще примеры. «...Они думали, что собака никуда не годится и Бендрышев их обманул» (Пришвин. Верный) — если нет запятой перед союзом *и*, то получается, что Бендрышев их не обманул; если же предложение принимает такой вид: «Они думали, что собака никуда не годится, и Бендрышев их обманул», то оказывается другой смысл: Бендрышев обманул.

Возможность неодинакового восприятия предложения «Много есть людей, которые говорят мне тоже, что они меня любят, но

любви их я не доверяю» тонко почувствовал Н. В. Гоголь, который устранил это за счет расширения конструкции: «Много есть людей, которые говорят мне тоже, что они меня любят, но любви их я не доверяю: она шатка и подвержена всяким измененьям и влияньям» (Письмо А. О. Смирновой. 1847, 22 февр.).

Следует также отметить, что при анализе предложений из произведений художественной литературы прошлого века необходимо учитывать различие в пунктуационной практике. Вот примеры, в которых ставится запятая между однородными придаточными, связанными неповторяющимся союзом *и*; по правилам же современной пунктуации, запятая в данном случае квалифицируется как ошибка: «Стали говорить даже, что у Языкова нет вовсе мыслей, а одни пустозвонкие стихи, и что он даже и не поэт» (Гоголь. В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность); «Но самое главное — нужно соглашаться с жалобами журналистов наших, что действительно литературу нашу раздирает дух партий ужасным образом, и оттого никак нельзя подслушать справедливого суждения» (Гоголь. Письмо А. С. Пушкину. 1831, 21 авг.). Таким образом, запятая не во все времена выполняла ту функцию, которая возложена на нее в настоящем.

Приведенные примеры показывают, что наличие или отсутствие запятой в ряде случаев помогает читателю различать, какой из возможных для данного предложения смыслов имеет в виду автор.

В. Б. БЫКОВ

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Где правильно поставить ударение в словах *биолог*, *филолог*, *невролог*?»

Г. А. Кушнир, Белгород

В XIX веке слова типа *психолог*, *биолог*, *филолог* имели ударение на последнем слоге (*этимолог*). Но в настоящее время произошел сдвиг ударения к середине слова. Возобладали варианты: *библог*, *филблог* и т. д. (См. об этом подробнее: Русская речь, № 2, 1979, с. 72).

КУЛЬТУРА РЕЧИ В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ ОБЩЕНИЯ

Формирование всесторонне развитого, гармоничного человека коммунистического общества невозможно без воспитания в нем навыков культуры общения, без высокой речевой культуры. В настоящее время культура речи — это лингвистическая дисциплина, включаемая в программы высшей и средней школы. Выпущено большое количество словарей и справочников, написаны многочисленные статьи.

Значительным вкладом в разработку этой новой отрасли знаний явилось XIX зональное совещание-семинар на тему «Разговорный язык города и деревни и культура речи», которое было организовано кафедрой русского языка Челябинского университета (зав. кафедрой — Л. А. Шкатова) и проходило с 5 по 7 мая 1982 года в Челябинском педагогическом институте. В работе совещания приняли участие представители 21 города нашей страны: преподаватели вузов кафедр русского языка и общего языкознания вузов Урала, других зональных объединений, а также ученые-языковеды Москвы и Ленинграда.

Обсуждение докладов прохо-

дило в пяти секциях: язык и норма, культура стилей, лингвистическая поэтика, методика культуры речи, диалекты и норма. Докладчики рассмотрели проблемы культуры речи, имеющие теоретическое и практическое значение. Их сообщения содержат интересный и разнообразный иллюстративный материал, извлеченный из произведений художественной литературы, из языка газет и журналов, наблюдения над живой разговорной речью.

В рекомендациях, принятых на совещании, было подчеркнуто, что в современных условиях, когда значительно возросла роль русского языка как языка дружбы и братства народов СССР, большое значение приобретают вопросы культуры речи в различных сферах общения. Изучение этих проблем способствует решению важной социальной задачи превращения городов в центры высокой культуры производства и быта. Ученые-языковеды, преподаватели вузов Урала и других зональных объединений все более активно занимаются пропагандой знаний о русском языке среди разных слоев населения.

На заключительном пленарном заседании XIX зонального совещания состоялось обсуждение журнала «Русская речь». Выступавшие отметили, что журнал используется как пособие для работы со студентами на практических занятиях, в подготовке студентов как будущих преподавателей, в работе лекторов и пропагандистов. Вместе с тем были высказаны критические замечания, предложения и пожелания по разным разделам журнала.

Подводя итоги совещания, председатель зонального объединения кафедр русского языка вузов Урала доктор филологических наук профессор Г. А. Турбин отметил важность обсуждаемых проблем, содействующих большей координации работы преподавателей-русистов высшей и средней школы, совершенствованию вузовского и школьного преподавания русского языка, пропаганде лингвистических знаний.

Ю. Ф. ХАУСТОВА

ЖУРНАЛ «KULTÚRA SLOVA» — РОВЕСНИК «РУССКОЙ РЕЧИ»

Исполнилось пятнадцать лет со времени основания словацкого научно-популярного журнала «Kultúra slova», освещающего проблемы культуры речи и терминологии.

Десять лет назад мы писали о молодом тогда журнале и стоявших перед ним задачах (см. об этом «Русскую речь», 1972, № 6). За эти годы, идя в ногу с развивающимся чехословацким языковедением, журнал существенно изменил свое содержание, что нашло отражение в разделах и общем характере издания. Увеличился удельный вес материалов, теоретически осмысляющих

проблемы состояния словацкого литературного языка и культуры словацкой речи. Ведущие чехословацкие лингвисты в настоящее время обратились к анализу важнейших проблем современного языкового развития и стремятся применить результаты научного изучения к решению практических проблем языковой культуры.

Многие теоретические статьи предназначены для учителей словацкого языка в средней школе и имеют целью расширение их научного кругозора. Журнал касается проблем общего языкознания, характе-

ристики отдельных уровней языка, стилистики, культуры речи и методики обучения родному языку. Закономерно, что он стал отводить много места проблемам орфоэпии, стилистики, соотношению литературного языка с другими разновидностями общенародного языка, возникновению новых слов, обусловленному развитием общества.

«Культура слова» публикует также статьи по проблемам лексикологии, в частности о терминологических системах и о статусе заимствованных слов. В журнале подчеркивается роль двух мировых языков — русского и английского, за которыми следуют другие языки, заимствуя новые лек-

сические элементы или калькируя их. В ряде материалов подчеркивается необходимость покончить с пуристическими тенденциями, излишним словотворчеством, боязнью заимствованных слов.

Журнал систематически информирует о работе по поднятию культуры речи в Советском Союзе и других социалистических странах. В нем помещаются сообщения о работе советских языковедов, а также обзоры о состоянии культуры речи в Польше, Болгарии, Венгрии и т. д.

Большое внимание уделяется речи молодежи, а также отношению молодого поколения к родному языку.

Н. А. КОНДРАШОВ

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«У меня с мужем возник спор о том, как правильно сказать: *пылесбсю* или *пылесбшу*?»

А. Н. Курочкина, Люберцы

Правильно сказать — *пылесбшу*, так как глагол *пылесбсить* относится к группе глаголов на *-ить* с основой, оканчивающейся в инфинитиве на *с*. У глаголов этого типа литературная норма требует чередования *с -ш*, например, *колесить* — *колешу*, *расквасить* — *расквасшу*, *пылесбсить* — *пылесбшу*.

«Как правильно сказать: *начерно* или *начерноб*?»

Куликов, Саратов

Допустимы оба варианта.

О ЗАКОНАХ ПОСТРОЕНИЯ ТЕКСТА

Ученые-лингвисты достаточно хорошо изучили закономерности, которым подчиняется звуковой строй языка, образование и изменение слов, построение предложений. А существуют ли законы, в соответствии с которыми строятся, например, сочетания из нескольких предложений или даже целые тексты?

Еще три десятилетия назад ответить на этот вопрос было просто: в то время многие языковеды считали, что сфера лингвистики начинается с минимальной единицы нашей речи — звука и заканчивается максимальной, как тогда казалось, единицей — предложением. С тех пор многое изменилось: возникла и бурно развивается новая отрасль языкознания, названная лингвистикой текста. Ее задача — всесторонне изучить закономерности, в соответствии с которыми из отдельных предложений строятся целые тексты. Интересно, что многие наблюдения над законами построения текстов имеют не только теоретическое, но и практическое значение. В частности, они помогают более четко определить сущность целого ряда распространенных речевых ошибок, которые встречаются иногда не только в школьных сочинениях, но, как это ни печально, и на страницах некоторых газет и журналов.

С некоторыми из закономерностей лингвистики текста, а также с их практическим значением нам и хотелось бы познакомить читателя.

Иногда для того, чтобы осознать важность тех или иных закономерностей, полезно знать, что происходит, если эти закономерности не соблюдаются. Прочитайте, пожалуйста, следующий отрывок и попытайтесь сформулировать свое впечатление о нем:

«Прошлым летом я отдыхал в небольшом северном городе. Памятник стоял на берегу широкой реки. Недалеко от колодца рос густой хвойный лес. В корзине было много грибов и ягод».

Можно заранее предположить, что одни читатели сочтут этот текст несвязным, другие назовут его бессмысленным, а третьи скажут, что подобную последовательность предложений вообще невозможно назвать текстом. И все они будут правы: группа предложений, которые никак не связаны между собой, не может выражать какого-либо единого смысла и, следовательно, не имеет права считаться текстом. Подобную последовательность предложений можно сравнить с листом бумаги, в разных частях которого сделано несколько не имеющих никакого отношения друг к другу рисунков. Любой же текст — это целостное сообщение, которое можно сравнить с одним рисунком, состоящим из разных деталей.

Что же необходимо, чтобы каждое предложение было не изолированным рисунком, а вполне определенной деталью одного и того же изображения? Очевидно, нужно, чтобы в каждом из них появился некий сигнал, указывающий, какую именно часть уже воспринятого читателем содержания развивает данное предложение. Именно поэтому почти все предложения связанных текстов, как правило, содержат в своем составе слова, которые перекликаются со смыслом уже встретившихся ранее слов, словосочетаний или даже целых предложений. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить приведенный отрывок со следующим текстом:

«Прошлым летом я отдыхал в небольшом северном городе. Он стоял на берегу широкой реки. Недалеко от *реки* рос густой хвойный лес. В *нем* было много грибов и ягод».

Разумеется, такой вариант построения текста не единственный. Третье предложение могло бы, например, иметь такой вид: «Недалеко от *воды* рос густой хвойный лес». Ни одно из слов этого предложения не повторяет смысла ранее употребленных слов, однако связность текста сохранена. Ведь слово *вода* по смыслу связано со словом *река*, а потому место информации, передаваемой третьим предложением, все равно остается строго определенным.

Итак, мы познакомились с первой закономерностью построения связного текста. Оказывается, чтобы последовательность предложений могла передавать целостное содержание, каждое предложение (кроме первого) должно иметь в своем составе слова или словосочетания, связанные по смыслу с какими-либо частями предшествующего текста.

Казалось бы, сделанное наблюдение не имеет никакого практического значения для пишущих. Ведь любой автор стремится передать целостное содержание, а потому все предложения в

тексте должны оказаться взаимосвязанными как бы автоматически. На деле, однако, подобная «автоматическая» связь получается далеко не всегда, поскольку важной оказывается не только целостность содержания, но и недвусмысленная форма его выражения. Вот, например, отрывок из очерка, опубликованного в одной из газет:

«Строгая обстановка. Обычная школьная доска на стене. В кабинете ничего лишнего. Единственное украшение — чернильный прибор в форме здания института. *Здесь* Николай Николаевич проводит большую часть дня, порой задерживаясь допоздна».

Совершенно очевидно, что, употребляя слово *здесь*, автор соотносил его со всем описанием кабинета. Однако читатель вправе считать, что *здесь* заменяет словосочетание *чернильный прибор*.

Приведем другие примеры (все они тоже встретились в газетах): «Специалисты Семилуцкого огнеупорного завода побывали на ВДНХ и там познакомились с интересным экспонатом — комнатой психологической разгрузки одесского завода „Стройгидравлика“. За *это* одесситы были удостоены большой золотой медали выставки». Местоимение *это* чаще всего используется для указания на содержание всего предшествующего предложения в целом. Поэтому в данном случае остается лишь догадываться, что одесситы были награждены не за посещение ВДНХ представителями Семилуцкого завода, а за создание комнаты психологической разгрузки.

*

Познакомимся еще с одной закономерностью построения текста; для этого вернемся к отрывку, приведенному в начале статьи, но придадим ему следующий вид: «В небольшом северном городе я отдыхал прошлым летом. На берегу широкой реки стоял он. Густой хвойный лес рос недалеко от реки. Много грибов и ягод было в нем». Здесь изменен только порядок слов, однако воспринимается этот отрывок с бóльшим трудом, чем исходный текст. При первом прочтении может даже показаться, что предложения никак не связаны между собой. Но попробуем выделить специальным ударением некоторые слова, стоящие в середине каждого из предложений: «В небольшом северном городе я отдыхал прошлым летом. На берегу широкой реки стоял он. Густой хвойный лес рос недалеко от реки. Много грибов и ягод было в нем». И смысл отрывка становится более понятным.

Как объяснить это явление? Выше уже было отмечено, что в каждом предложении должно быть указание на ту часть уже воспринятого читателем содержания, которую данное предложе-

ние развивает и дополняет. Но важно при этом, чтобы данное указание было четко отграничено от остальной части предложения. Наиболее простым способом такого отграничения является порядок слов: в начале предложения названо то, о чем будет идти речь (эту часть предложения обычно называют темой), а затем сообщаются новые сведения о данной теме (подобное сообщение именуется ремой).

Получается, что каждое предложение текста является как бы ответом на вопрос, который мог бы задать читатель, познакомившийся с содержанием предшествующих предложений. Например, прочитав фразу «Прошлым летом я отдыхал в небольшом северном городе», он мог бы спросить: «А где находился этот город?». И предложение «Он стоял на берегу широкой реки», а точнее — рема этого предложения «на берегу широкой реки», отвечает на вопрос читателя. Познакомившись со вторым предложением, можно заинтересоваться: «А что было возле реки?» и получить ответ: «Недалеко от реки рос густой хвойный лес» (непосредственным ответом на вопрос является рема «рос густой хвойный лес»).

Нужно сказать, что тема предложения не всегда предшествует реме: например для эмоционально окрашенной речи характерен обратный порядок слов, когда рема предшествует теме. Но тогда возникает потребность в каком-то дополнительном средстве, которое бы указывало на рему. Этим средством и оказывается специальное ударение, выделяющее последнее слово ремы.

Все сказанное объясняет, почему, когда мы изменили порядок слов, наш экспериментальный текст сначала воспринимался как несвязный и лишь после постановки ударений вновь приобрел осмысленность. В то же время содержание этого текста не дает достаточных оснований для того, чтобы эмоционально окрашенными оказались бы все без исключения предложения. Поэтому даже и при наличии ударений получившийся текст выглядит не вполне естественно.

Итак, вторая закономерность, отличающая связный текст от цепочки не связанных между собой предложений, — четкое отграничение информации исходной, уже известной читателям, от того нового, что сообщается в предложении, или, говоря иначе, строгое разграничение тем и рем.

Одна из типичных ошибок, связанных с нарушением данной закономерности, — включение в тему предложений информации, которая абсолютно не известна читателю. Вот, например, отрывок из аннотации к сборнику очерков: журналист «хорошо известен советскому читателю как автор многочисленных проблемных статей, социологических очерков, посвященных проблемам быта, культуры. Рассказы были напечатаны в журналах „Москва“,

„Смена“, „Крестьянка“». Второе предложение этого отрывка отвечает на вопрос: «Что известно о рассказах?». Однако о рассказах в первом предложении не говорится, и поэтому в отрывке нарушена связность текста. Чтобы исправить допущенную ошибку, следовало либо упомянуть рассказы вместе со статьями и очерками в первом предложении, либо дополнить тему второго предложения словом *его*: «Его рассказы были напечатаны...». Это позволило бы связать данную тему с информацией, уже известной читателю, и косвенным образом сообщить, что автор очерков писал также и рассказы.

Пример из газетной статьи: «Возьмите железнодорожников. Их контролеры всегда в форменной одежде. Официальны, сдержанны. И на их грубость жалоб нет». Очевидно, автор хотел сказать, что форменная одежда дисциплинирует железнодорожных контролеров, поэтому их работа не вызывает жалоб на грубость. Однако включение в тему последнего предложения словосочетания *их грубость* позволяет понимать текст по-другому: грубость контролеров — факт достаточно очевидный и хорошо известный читателю, а отсутствие жалоб — следствие форменной одежды железнодорожников. Если было бы написано просто: «И жалоб на них не бывает», двусмысленности не было.

Другая ошибка, связанная с нарушением правил членения предложения на тему и рему, — это смешение сведений, которые следует передавать темой, с той новой информацией, для передачи которой предназначена рема. Вот начало газетной заметки под названием «Открытие московских ученых»: «Иридий, палладий, платину, другие металлы называют благородными. А недавно их особые свойства обнаружили московские ученые».

Судя по расположению слов, ремой второго предложения является сочетание *московские ученые*. Но в этом случае получается, будто наличие у благородных металлов особых свойств — вещь общеизвестная, которая наконец-то стала известной и московским ученым. Однако заглавие заметки, да и ее последующее содержание говорят совсем о другом, а потому второе предложение следовало бы построить иначе: «А недавно московские ученые обнаружили их особые свойства».

Аналогичная ошибка содержится и в следующем отрывке, посвященном строительству метрополитена: «Раньше тоннели при открытом способе работ строили так: в котловане делали бетонный лоток, на него ставили две стены, затем перекрывали их плитой. Теперь же из полутораметровых железобетонных секций будут состыкованы перегонные коридоры».

В результате неправильного расположения слов во втором предложении получается: новый способ строительства заклю-

чается в том, что теперь метрополитен будет состоять из перегонных коридоров. Суть же нового способа, о котором говорится в газете, по-видимому, в другом: перегонные коридоры, которые при открытом способе раньше складывали из отдельных плит, теперь составляются из готовых секций. Второе предложение должно было бы быть таким: «Теперь же перегонные коридоры будут состыкованы из полутораметровых железобетонных секций».

*

И наконец, третья важная закономерность построения связного текста.

В начале статьи мы сравнили содержание каждого из предложений текста с определенной деталью одного и того же рисунка. В этом сравнении была известная доля упрощения. Добавление новых деталей к ранее сказанному лишь одна из возможных функций, выполняемых предложением в тексте. Помимо добавления, предложение может сообщать о причине или, например, о следствии высказанного ранее, излагать факты, противоречащие предшествующему содержанию или, наоборот, подтверждающие его.

Иногда подобные логические отношения данного предложения к предшествующим оказываются понятными и однозначными уже благодаря содержанию этого предложения. Однако нередко такой однозначности не бывает и возникает потребность в специальных средствах, которые бы на эти отношения указывали. В качестве подобных средств наиболее часто используются союзы, частицы и вводные слова.

Таким образом, третья закономерность, отличающая текст от цепочки не связанных между собой предложений,— это наличие определенных логических отношений между предложениями. При этом если данные отношения недостаточно ясно выражены самим содержанием предложений, то для их выражения должны быть использованы некоторые специальные средства.

Рассмотрим пример: «Подростки — это дети 12—16-летнего возраста. Именно в этот период они стремятся выглядеть взрослыми, во всем подражать им. В результате совершают недостойные поступки». Построение последнего предложения дает все основания предполагать, что недостойные поступки прежде всего характерны для поведения взрослых. Поэтому совершение этих поступков подростками — естественное следствие того, что они подражают старшим. Вряд ли автор действительно хотел выразить эту абсурдную мысль!

Для того чтобы исправить неточность, необходимо в начало последнего предложения поставить противительный союз *но*, ко-

торый указывает на логическое несоответствие двух соединяемых предложений: «Но в результате совершают недостойные поступки».

Еще пример: «В докладе и в резолюции собрания были отмечены наиболее активные кураторы, были указаны и недостатки. Некоторые кураторы пришли в группу спустя два месяца после начала учебного года, нередко у группы на протяжении пяти лет несколько раз меняется куратор. За последнее время в составе кураторов увеличилась доля кураторов — профессоров и доцентов». Здесь после перечисления недостатков дана характеристика положительных сдвигов в кураторской работе. Однако подобный переход оказывается незаметным для читателя, поскольку никакими специальными средствами он не выражен. Отделить последнее предложение от предшествующего можно было бы, например, при помощи выражения *вместе с тем*: «Вместе с тем за последнее время в составе кураторов увеличилась доля кураторов — профессоров и доцентов».

*

Итак, связный текст отличается от цепочки не связанных между собой предложений, по крайней мере, тремя чертами.

Во-первых, предложения, входящие в текст, должны содержать в своем составе слова или словосочетания, связанные по смыслу с теми или иными частями предшествующего текста.

Во-вторых, в каждом из предложений текста должны быть четко разграничены исходный пункт сообщения, информирующий читателя, о чем пойдет речь в предложении (тема предложения), и то новое, что сообщается об этой теме (рема). Тема предложения должна основываться лишь на тех сведениях, которые хотя бы частично уже известны читателю.

В-третьих, между предложениями связного текста должны быть установлены недвусмысленные логические отношения. Если характер подобных отношений не вытекает однозначно из самого содержания предложений, на них должны указывать соответствующие союзы, вводные слова, частицы или другие специально употребленные средства.

Разумеется, все квалифицированные авторы соблюдали и соблюдают перечисленные правила на практике, хотя, возможно, и не подозревают об их существовании. Тем же, у кого лингвистическое чутье и опыт составления текстов еще невелики, несомненно, полезно познакомиться с названными закономерностями, а вместе с ними и с новым интересным и важным разделом языковедения — лингвистикой текста.

М. Ю. ФЕДОСЮК

**Андрей
Михайлович
ЗЕМСКИЙ
1892—1946**

Известный языковед и педагог Андрей Михайлович Земский родился 27 октября (10 ноября) 1892 года в г. Кутаиси. В 1911 году он блестяще окончил классическую гимназию в Тифлисе и, получив право бесплатного продолжения образования по филологии, поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Со времени окончания университета (в 1916 г.) вся жизнь А. М. Земского была связана с педагогической деятельностью и с изучением русского языка.

Сразу же после революции А. М. Земский едет в Самарскую губернию, где работает преподавателем русского языка и инспектором народного просвещения в г. Кандабулаке. Оттуда переезжает в Киев, а в 1923 году возвращается в Москву и становится преподавателем рабфака при МИИТе.

Ученик Д. Н. Ушакова, В. К. Поржезинского, В. Н. Щепкина, Андрей Михайлович пронес до конца дней своих глубокий и живой интерес к русскому языку, в первую очередь к теории грамматики, а также к ряду вопросов орфографии. В 20-е годы начинается работа А. М. Земского над учебниками, методическими рекомендациями, пособиями для средней и высшей школы. Рождается

его творческое сотрудничество с С. Е. Крючковым и М. В. Светлаевым; редактором их книг был любимый университетский учитель А. М. Земского Дмитрий Николаевич Ушаков.

В эти годы выходят в свет: Грамматика (учебник для школ взрослых), выдержавшая 14 изданий (написана совместно с С. Е. Крючковым и М. В. Светлаевым); Русский язык. Пособие по подготовке в вуз и для самообразования (совместно с С. Е. Крючковым); Русский язык. Пособие для взрослых по грамматике и правописанию, под редакцией Д. Н. Ушакова; Методическое письмо к программе по русскому языку для вузов (совместно с С. Е. Крючковым); Задачник по стилистике (совместно с В. Т. Кротковым и С. Е. Крючковым) и др. Специальную область научных интересов ученого составляли такие разделы грамматики русского языка, как глагол и его категории (вид, время, залог); причастие и деепричастие. Этой проблематике посвящены его работы: Глагол; Причастия и деепричастия; К вопросу о правописании глагольных корней с чередованием гласных.

А. М. Земский любовно собирал факты живого языка, черпая их из лучших произведений Пушкина, Лермонтова, Толстого, Тургенева, Чехова и др. Домашняя библиотека ученого до сих пор хранит его карандашные пометы на полях многих произведений русской классической литературы.

В годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне, А. М. Земский работал в Московском педагогическом дефектологическом институте. Кафедрой русского языка здесь заведовал Виктор Владимирович Виноградов, ставший в это время редактором и руководителем ряда работ авторского «триумvirата» — Земский, Крючков, Светлаев. В те годы сложилась дружба А. М. Земского с В. В. Виноградовым, которого живо интересовали и научные исследования А. М. Земского, и жизнь его семьи.

В начале войны А. М. Земский ушел добровольцем в ряды народного ополчения, но вскоре был демобилизован по состоянию здоровья и эвакуировался с женой и младшей дочерью в Куйбышев. Там он недолгое время работал на заводе, а потом преподавал в Институте усовершенствования учителей. Вернувшись из эвакуации, А. М. Земский исполнял обязанности доцента в МГПИ имени В. И. Ленина и продолжал начатую в предвоенные годы работу над учебником для педучилищ: А. М. Земский, С. Е. Крючков, М. В. Светлаев. Грамматика русского языка, ч. 1, 2 (под редакцией В. В. Виноградова). Учебник выходил впоследствии под названием «Русский язык» (ч. 1, 2) и выдержал много изданий.

Это один из первых учебников, соединяющий научность с простотой и краткостью изложения. До сих пор он пользуется успе-

хом и любовью учащихся и учителей. Девятое (исправленное и дополненное) издание вышло в свет в 1980 году.

Учебник сыграл важную роль в подготовке учителей для начальной и средней школы. А. М. Земским написаны в нем такие разделы: ч. 1 — Глагол, причастие, деепричастие; исторические комментарии к фонетике, о правописании корней с чередованием звуков; ч. 2 — Однородные и обособленные члены; Обращения; Вводные слова; Междометные предложения.

А. М. Земский отдал делу народного образования более 25 лет своей недолгой жизни (он скончался в возрасте 54 лет), прививая своим ученикам любовь к русскому языку. Он преподавал не только в вузах Москвы, но и на различных курсах по подготовке учителей русского языка в городах РСФСР и Украины. Среди его учеников были люди разных национальностей, особенно долго он работал со студентами-алтайцами (ойротами), многие из которых сохраняли дружеские отношения с ним и после окончания института.

*

По воспоминаниям учеников и друзей, основными чертами характера А. М. Земского были скромность, честность, полное отсутствие высокомерия и трудолюбие. А. М. Земского отличала активная доброжелательность, хотя он был строгим и требовательным учителем. Он нередко повторял фразу: «Если ты колеблешься в отметке, решай в пользу студента». Ученики, друзья, коллеги любили его. Студенты приходили к ученому не только для того, чтобы получить консультацию по лингвистике, к нему шли за советом и моральной поддержкой.

Жизнь Андрея Михайловича сложилась так, что он не защитил не только докторской, но даже и кандидатской диссертации, хотя работал в вузах многие годы. Он изучал проблему обособления, стремясь понять ее «синтаксическую сущность», которую видел в предикативности: обособленные члены являются «как бы второстепенными, ослабленными сказуемыми», — писал он еще в учебнике для педучилищ. Исследование об обособлении А. М. Земский готовил как кандидатскую диссертацию. Однако высокая требовательность к себе не позволила ученому подать к защите труд, который он мог еще улучшить, а тяжелая болезнь не дала ему довести эту работу до конца.

О. П. ЕРМАКОВА

Калуга

Рисунок С. Гаэриловой

Ф. П. Филин

ОЧЕРКИ ПО ТЕОРИИ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Последняя книга Ф. П. Филина «Очерки по теории языкознания», выпущенная издательством «Наука» в 1982 году, — эпилог теоретических исследований автора, книга-завещание. В Предисловии к ней Филин написал, что в течение полувековой работы в области русистики и славистики он не раз посвящал свои работы общим вопросам теории языка. Статьи как бы продолжали одна другую, но публиковались разрозненно в отечественных и зарубежных изданиях. Написанная книга подвела итог многолетним размышлениям автора над природой языка, его общими и частными свойствами, его системностью, его связью с историей.

В первом разделе книги освещаются общие проблемы, весьма актуальные по своему содержанию. Это вопросы, касающиеся философских основ советского языкознания, его теории и практики, современных методов исследования, характеристики направлений в языкознании.

Главы второго раздела связаны темой «Язык и общество». Третий раздел книги посвящен лексикологии и лексикографии, четвертый — диалек-

тологии. Таков основной композиционный каркас книги.

В Предисловии названы основные достижения советского языкознания в послереволюционное время: «Уже в первые годы после Великого Октября у ряда отечественных лингвистов намечается сознательное тяготение к марксизму-ленинизму, которое со временем нарастало.

Путь к марксизму-ленинизму был не прост: сохранялись прежние теоретические традиции, велась острая борьба, имели место срывы и ошибки. И все же в двадцатые-сороковые годы облик советского языкознания вырисовывается с достаточной ясностью. Началась разработка проблем связи языка и мышления в современном и историческом плане, активно обсуждался вопрос о типологии языков и этапах развития человеческой речи со времени ее возникновения, была создана социальная лингвистика, занявшая первое место в мировом языкознании (четко ориентированная на марксистско-ленинскую философию и соответствующее понимание истории...), новый импульс получила разработка вопросов грамматики, лексикологии и лексикографии, возникли ленинградская и московская школы фонологии и т. д.»

На фундаменте общей теории, непосредственно связанной с марксистско-ленинской философией, советское языкознание плодотворно развивается и в последние десятилетия. Ценно то, что в своей книге Ф. П. Филин дал обзор современных трудов советских языковедов, в которых лингвистика продвинулась вперед в решении кардинальных теоретических проблем.

Основной вопрос, который ставится и решается в первом разделе книги,— это оценка теоретической базы современного языкознания с позиций марксистско-ленинской философии. Критический обзор методологических течений в современном языкознании сделан Ф. П. Филиным в присутствующей ему полемически заостренной форме. Показывая прямую зависимость лингвистических теорий от философских концепций, автор стремится раскрыть истоки, лежащие в основе современного западноевропейского и американского структурализма. Особое внимание уделено центральным понятиям структурального направления — анализу языка как системы и структуры. При этом Ф. П. Филин подчеркивает необходимость понимания тех различий, которые существуют между методологическими основами исследования и методами, конкретными приемами анализа языкового материала. «Изучение языка как целостной структуры с ее иерархическими подразделениями,— писал автор,— вызвало необходимость выработки новых приемов исследования, предложение которых шло прежде всего со стороны структуральной лингвистики, в чем заключается ее несомненная историческая заслуга».

Наличие различных лингвистических направлений в советском языкознании обусловлено не различием в мировоззрении, основу которого составляют принципы диалектического и исторического материализма. Речь идет о сосуществовании разных методов, разных приемов исследования; и это сосуществование законо-

мерно, поскольку язык представляет собой многосложное и многоаспектное явление. Математические методы не смогут помочь языковеду, когда он обращается к анализу таких важнейших категорий, как «значение слова», «языковой стиль», «национальный язык», «диалект», «склонение», «спряжение» и т. д. Вместе с тем есть области, где инженерная и прикладная лингвистика могут принести ощутимую пользу, например решение вопросов машинного перевода и ряда других проблем практической кибернетики. Как справедливо считает Ф. П. Филин, от содружества разных общественных и естественных дисциплин наука только выигрывает. Вместе с тем языкознание не может потерять специфики и всегда будет оставаться общественной наукой со своими методами, соответствующими особенностям своего предмета.

В разделе «Язык и общество» подчеркивается необходимость исследования проблем социальной лингвистики, языкового строительства и языковой политики. Язык социально обусловлен, и эта обусловленность проявляется и в самом построении языка, и в природе его исторического развития, языковых изменений. Особенно ценным представляется обзор социолингвистических исследований, появившихся в советском языкознании.

Автором рассмотрены следующие аспекты социолингвистики: изучение общественных функций языка, язык и нация, история общества и развитие двуязычия, языковая норма и культура речи и др. Ф. П. Филин обращает внимание на актуальность этих проблем: «Од-

ной из главных задач советской социалингвистики является решение проблемы двуязычия в нашей стране на данном этапе его развития. Основным стержнем этой проблемы является взаимоотношение русского языка с языками других народов СССР. Немаловажны и вопросы взаимоотношений различных языков в пределах каждой республики и автономной области.

В книге рассмотрены типы двуязычия в историческом и социологическом аспекте. Для социализма как исторического этапа в развитии человечества характерны, по мнению автора, две особенности двуязычия: его массовость и гармоническое сосуществование языков. Поскольку в самом характере двуязычия наблюдаются градации (различается неполное или частичное двуязычие, абсолютно полное двуязычие), при определении понятия двуязычия, как считает Ф. П. Филин, «не стоит придерживаться слишком жестких формулировок». Тем более, что до сих пор ведутся споры о самом понятии двуязычия. Проблема двуязычия и сосуществования языков относится к числу актуальных и не исследованных до конца в лингвистике.

Последние разделы книги дают яркое представление о специальных научных интересах Ф. П. Филина.

В течение многих лет ученый возглавлял работу над семнадцатитомным академическим «Словарем современного русского литературного языка». Немал его теоретический вклад и в разработку принципов и основ Словаря языка В. И. Ленина. Естественное поэтому, что представляют несомненную ценность мысли ав-

тора, касающиеся теории лексикологии и лексикографии. В книге освещены важные для словарников проблемы — о слове и его значениях, о лексико-семантических группах слов. Обращают на себя внимание страницы монографии, рассказывающие о работе в упомянутых словарях. Работа над Словарем языка В. И. Ленина еще не закончена. Поэтому читателю будет интересно узнать о том, каким должен быть задуманный Словарь, в чем заключаются его особенности, чем отличаются способы толкования значений слов, принятые в Словаре, какова его картотека и т. д.

Ф. П. Филин был одним из инициаторов уникального лексикографического предприятия — «Словаря русских народных говоров». «Новый Даль» — так лаконично называют этот Словарь, восемнадцать томов которого уже вышло в свет. В последнем разделе книги, посвященном диалектологии, Ф. П. Филин подробно останавливается на основных теоретических проблемах, имеющих отношение к этой масштабной работе. Рассмотрены вопросы о диалектах и говорах русского языка, о диалектном слове и его границах, о вариантах слов в русских говорах. Глубины русского народного слова и трудности изучения самых разных сторон этой важной для русской культуры темы вырисовываются здесь со всей полнотой и определенностью.

В научной деятельности Ф. П. Филина теория и практика шли всегда рядом, и его книга «Очерки по теории языкознания» служит ярким тому подтверждением.

Л. К. ГРАУДИНА

ЖИЗНИ, ОТДАННЫЕ НАУКЕ

В. И. Макаров
А. А. ШАХМАТОВ

Л. И. Скворцов
С. И. ОЖЕГОВ

Издательство «Просвещение» в серии «Люди науки» выпустило две книги о выдающихся языковедах — Алексее Александровиче Шахматове (1864—1920) и Сергее Ивановиче Ожегове (1900—1964), замечательных сыновьях русского народа. Владимир Иванович Макаров — автор книги «А. А. Шахматов» (М., 1981), используя документальный материал, очень доступно и увлекательно рассказывает юному читателю об ученом, жизнь которого может служить примером для подражания и сегодняшнему поколению молодых людей.

Удивительная работоспособность А. А. Шахматова с юношеских лет сыграла немалую роль в формировании выдающегося ученого. Постоянная неудовлетворенность достигнутым, серьезное отношение к жизни заставляли его нередко соизмерять свои возможности с тем, что уже сделано. «Мне часто приходит в голову мысль, как коротка человеческая жизнь. Может статься, что я уже прожил половину всей жизни: и что же, я ничего не сделал. Ничто в моей жизни не достойно похвалы...» Это письмо не зрелого человека, а подростка. Он старается не упустить ни одного мгновения жизни, с раннего детства посвятив себя науке. Учителем и наставником А. А. Шахматова стал академик Филипп Федорович Фортунатов, выдающийся русский языковед.

Все, что связано с жизнью и творчеством Алексея Алек-

сандровича, исключительно: будучи еще гимназистом, он принимал участие в научных спорах; студентом нашел новгородские грамоты, опубликовал их и сделал блестящий анализ. После окончания университета ему присвоили звание кандидата и оставили для приготовления к профессорскому званию. В 1894 году А. А. Шахматову, соискателю степени магистра, решением Ученого совета Московского университета присвоена степень доктора русского языка и словесности. А в 1898 году ученый избирается академиком.

После смерти академика Якова Карловича Грота в 1893 году А. А. Шахматов стал редактором Словаря русского языка и предложил свою программу его издания.

А. А. Шахматов был вдохновителем и зачинателем многих трудов Отделения русского языка и словесности: «Известий ОРЯС», «Памятников старославянского языка», «Памятников древнерусской литературы», «Исследований по русскому языку», публикации «Трудов Московской диалектологической комиссии» и т. д. «В изучении русского летописания академик А. А. Шахматов стал тем, кем явился А. С. Пушкин в русской литературе, М. И. Глинка — в русской музыке, а К. Э. Циолковский — в аэродинамике и теории ракетостроения», — отмечает В. И. Макаров. Алексей Александрович большое внимание уделял изучению фольклора и диалектов. Каждое лето он ездил по деревням России в поисках песен, сказок, пословиц и поговорок.

Революционный подъем в

России не оставляет равнодушным А. А. Шахматова. Он вместе с В. И. Срезневским, сыном академика И. И. Срезневского, в рукописном отделе Библиотеки Академии наук хранили нелегальную литературу. В. Д. Бонч-Бруевич по возвращении из эмиграции в Петербург сразу же обратился к академику А. А. Шахматову с просьбой принять его библиотеку нелегальных изданий на хранение. Ученый понимал, какому риску подвергает своих сотрудников и самого себя, но тем не менее согласился на это. А. А. Шахматов неоднократно выступал в защиту демократически настроенных студентов и преподавателей, которых подвергало репрессиям царское правительство.

Пришел Великий Октябрь, и Алексей Александрович Шахматов активно включился в деятельность Советского государства, направленную на поднятие культуры, просвещения, науки. Очень много времени отнимала общественная работа, но тем не менее в 1918—1919 годах А. А. Шахматов опубликовал и ряд научных работ. В этот период ученый обратился к систематическому, углубленному рассмотрению синтаксиса современного русского литературного языка.

Суровая зима 1919—1920 года стала для А. А. Шахматова последней. Известный языковед и педагог Павел Андреевич Расторгуев в своей статье «К характеристике личности А. А. Шахматова» вспоминает: «чувствовалось, что видишь перед собой человека, который относится к науке своеобразно — как-то бережно, благоговейно; создавалось такое впечатление,

что научная работа не была для него только профессией, а чем-то неизмеримо большим — поиском истины, я бы сказал... Человек исключительных дарований и редких душевных качеств, он пользовался той исключительной любовью и уважением окружающих, какие приходится на долю далеко не многих». Эта статья дана в Приложении к книге В. И. Макарова.

*

Сергея Ивановича Ожегова можно назвать «научным внуком» А. А. Шахматова. Ведь Виктор Владимирович Виноградов был учеником А. А. Шахматова, а Сергей Иванович учился у В. В. Виноградова. Лев Иванович Скворцов в книге «С. И. Ожегов» (М., 1982) рассказал о своем наставнике и учителе. Их связывали долгие годы совместной работы в секторе культуры речи Института русского языка АН СССР.

Повествование начинается с детства Ожегова. Интересен рассказ о фамилии Сергея Ивановича: «От отца он узнал, что их фамилия *Ожеговы* происходит от слова *бжег* — деревянная печная кочерга. По семейному преданию, предки Ожеговых были выходцами с уральских заводов, кто-то из них, мастеровой человек, носил прозвище *Ожег*. Отсюда и пошла фамилия: „Чи?“ — „Ожеговы“».

В 1918 году С. И. Ожегов поступает в Петроградский университет, но началась гражданская война, и вчерашний гимназист берет в руки винтовку, чтобы встать в строй защитников революции, свободы. И только после разгрома белогвардейщины С. И. Ожегов садится на студенческую

скамью. У него были прекрасные учителя: В. В. Виноградов, Б. М. Ляпунов, Л. В. Щерба, которые рекомендовали Сергея Ивановича после окончания университета в аспирантуру. С. И. Ожегов многие годы работал вместе с В. В. Виноградовым, сначала в коллективе Ушаковского словаря, затем в Институте русского языка Академии наук СССР. Долгие годы сотрудничества и личной дружбы связывали этих двух выдающихся ученых.

У Сергея Ивановича много работ в разных областях филологической науки, но главный его труд — однотомный «Словарь русского языка». Ученый пришел к этому Словарю не сразу. Были долгие годы работы над Толковым словарем под редакцией Д. Н. Ушакова, что стало хорошей школой для С. И. Ожегова. Первое издание «Словаря русского языка», составленное им (при участии Г. О. Винокура и В. А. Петросяна, под общей редакцией акад. С. П. Обнорского) вышло в самом начале 1949 года. Этот словарь при жизни Сергея Ивановича от издания к изданию постоянно перерабатывался и дополнялся им самим.

С. И. Ожегов совмещал работу над словарем с написанием ряда теоретических статей, в которых изложил принципы лексикографии. В этот же период он был членом редколлегий и редактором многих других словарей. Работал С. И. Ожегов также в области истории русского литературного языка (изучал язык писателей XVIII—XIX веков) и социолингвистики, которая с конца 50-х годов стала одной из главных тем Института русского языка АН СССР.

При его непосредственном участии создавался сектор культуры речи, который он и возглавил. Этому сектору предстояло объединить всю научную проблематику по культуре речи, решить важные теоретические вопросы, связанные с нормализацией русского языка, определением и описанием самой сущности литературных норм, закономерностей их изменения и развития.

Высокая культура речи, по глубокому убеждению С. И. Ожегова, является одним из важнейших условий повышения общей культуры народа. Это неоднократно подчеркивал ученый в своих статьях и устных выступлениях в различных аудиториях.

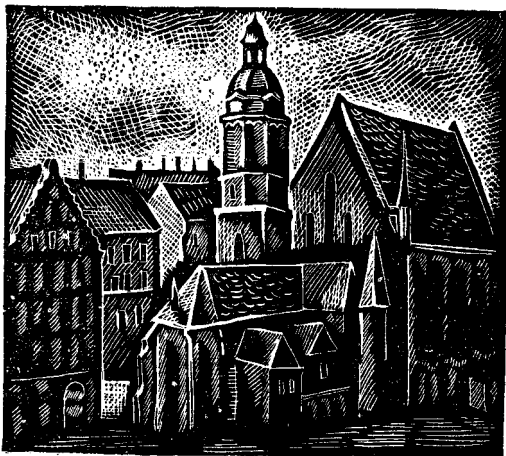
С. И. Ожегов был организатором и ответственным редактором неперiodической серии «Вопросы культуры речи», которая получила высокую оценку советской и зарубежной научной общественности, а также широких кругов читателей. В этой серии выступали известные ученые В. В. Виноградов, А. Н. Гвоздев, А. А. Реформатский, Ф. П. Филин и др.

С. И. Ожегов — популяризатор лингвистической науки — не жалел времени и сил для пропаганды знаний о языке, постоянно консультировал работников науки и культуры, дикторов радио и телевидения, журналистов и писателей. Ученый был одним из организаторов и авторов радиопередачи «В мире слов».

Память о Сергее Ивановиче Ожегове живет в главном его труде — однотомном «Словаре русского языка», в его научных статьях, в названии одной из улиц его родного города Кувшиново.

Т. С. КОЛМАКОВА

Русское
слово
в
ГДР

В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева XXVI съезду КПСС на весь мир прозвучали слова: «Не подготовка к войне, обрекающая народы на бессмысленную растрату своих материальных и духовных богатств, а упрочение мира — вот путеводная нить в завтрашний день». Выразительная сила этих слов очевидна. Передовую политическую мысль нашей эпохи возглавляет русский язык, и в этом одна из причин огромного интереса к нему трудящихся первого в истории Германии рабоче-крестьянского государства.

В наши дни, когда все более расширяются торговые, экономические, научные и культурные связи Советского Союза с различными государствами Европы и Азии, влияние русского языка, его международный престиж необычайно возросли. Знать русский язык становится потребностью века.

Германская Демократическая Республика со дня своего образования уделяла большое внимание изучению и преподаванию русского языка и литературы. В Приветственном послании Генерального секретаря ЦК СЕПГ, Председателя Государственного Совета ГДР Эриха Хонеккера участникам IV Конгресса МАПРЯЛ (Берлин, август 1979 г.) говорится: «Русский язык является для нас посредником в нашей дружбе с Советским Союзом. Его изучение и распространение рассматривается нами как замечательная возможность углубить мирное сотрудничество народов и государств».

Как и в большинстве социалистических стран, сегодня в ГДР русский язык является обязательной дисциплиной в системе народного образования и занимает первое место среди изучаемых

иностранных языков. В обычных общеобразовательных школах преподается с 5-го класса, а в школах с расширенным обучением русскому языку — с 3-го класса. В Визенбурге и Викаредорфе действуют две специальные двенадцатилетние школы, которые готовят своих воспитанников, в первую очередь, к поступлению в вуз по специальности «преподаватель русского языка». В этих школах на русском языке преподается ряд предметов (например, география и история СССР), даются расширенные знания по страноведению, русской и советской литературе.

Свыше 1 млн. 600 тыс. школьников ГДР изучают язык братской страны. Немецкие ребята ведут оживленную переписку с советскими пионерами и комсомольцами. Более 5 тысяч школьных клубов интернациональной дружбы организуют встречи с советскими друзьями, выпускают стенные газеты на русском языке, проводят страноведческие и языковые олимпиады, в них участвует каждый шестой школьник страны. В подготовке и проведении олимпиад активное участие принимают советские учителя. В мае 1981 года в Дрездене состоялась XVII республиканская олимпиада по русскому языку. Учащиеся 8—10 классов (более 100 человек) из всех районов и округов страны демонстрировали свой уровень подготовленности в монологе, диалоге и переводе; 39 победителям были вручены золотые, серебряные и бронзовые медали. Лучшие из них стали участниками IV Международной Олимпиады по русскому языку в Москве и завоевали 14 золотых, 8 серебряных и 1 бронзовую медаль.

Русский язык преподается в вечерних народных университетах, в кружках Общества германо-советской дружбы. Тысячи граждан ГДР в составе туристских групп ежегодно посещают Советскую страну, где они в непосредственном общении с гражданами СССР совершенствуют свое владение языком друзей.

Народным издательством «Фольк унд виссен» и другими издательствами страны ежегодно выпускаются учебники русского языка общим тиражом более двух миллионов экземпляров.

Важное место отведено русскому языку в учебном ежемесячном журнале «По свету», предназначенном для занятий иностранными языками. Педагоги и изучающие русский язык имеют в своем распоряжении диафильмы, озвученные диапозитивы, богатый выбор грампластинок и магнитофонных записей. Учебно-воспитательному процессу активно помогают пресса, радио, телевидение. Так, для школьников еженедельно передается учебная программа «Мы говорим по-русски», в которой рассказывается о том, как живут, трудятся и отдыхают советские люди, каков образ жизни советской молодежи. Граждане ГДР дважды в неделю, в четверг и воскресенье, могут смотреть телепередачи на русском языке с

гитрами на немецком. В программе этих телепередач — киножурналы «Новости дня», репортажи о XXVI съезде КПСС и X съезде СЕПГ, документальные кинофильмы о Советском Союзе, репортажи о международных космических полетах, альманахи кинопутешествий, известные советские кинофильмы, как, например, «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Человек с ружьем», кинотрилогия по одноименным книгам Л. И. Брежнева «Малая земля», «Возрождение» и «Целина», повествующим о героических подвигах советского народа в важнейшие периоды его истории. Эти телепередачи имеют большое значение не только для улучшения речевых умений по русскому языку, но и для идейно-нравственного воспитания граждан ГДР.

Интенсивное освоение русского языка делает чрезвычайно актуальной проблему подготовки большого количества квалифицированных преподавателей-русистов. Такая задача поставлена перед коллективами высших специальных учебных заведений страны — Гумбольдтским университетом в Берлине, специальным институтом в Лейпциге и т. д.

В целях интенсификации учебно-воспитательного процесса в педвузах реорганизуется вся система подготовки преподавателей-русистов. С 1982—1983 гг. начинается переход к пятигодичной подготовке учителей-словесников. Сейчас уточняются новые учебные планы и программы, издаются новые учебники и пособия. Углубление взаимосвязи коммунистического воспитания и обучения, теории и практики, согласованного взаимодействия всех дисциплин русистики, учебных занятий и внеаудиторных мероприятий — таковы основные направления осуществляемой перестройки. Ведущим принципом обучения русскому языку как иностранному и в школе, и в вузе становится коммуникативная направленность. В связи с этим большое значение приобретает использование русского языка как рабочего на лекциях и семинарах. В Эрфуртском педагогическом институте частично на русском языке проводятся занятия по языкознанию, литературоведению, страноведению. Советскими доцентами, в рамках практики языка, читается специальный литературно-страноведческий курс «Комсомол в жизни и литературе». В Клубе им. М. Горького Эрфуртского педагогического института работают кружки: «Русский хор», «Стенгазета», «Художественный перевод», «Выразительное чтение», «Экскурсоводы по городу», «Друзья советской книги». Внимание кружковцев привлекают произведения Ф. Абрамова, Н. Носова, В. Распутина, В. Тендрякова, Ю. Трифонова, В. Шукшина. Студенты знакомятся с разными методами анализа и пропаганды советской литературы в школе, в вузе, среди населения. Так осуществляется главная задача вузовских клубов — подготовить буду-

щих учителей русского языка к проведению эффективной внеклассной и внешкольной работы, к деятельности в клубах и отделениях Общества германо-советской дружбы.

В педагогических институтах страны ежегодно проводится «Праздник русского языка». В Эрфурте такие праздники проводились под девизами: «Песню дружбы запевают молодежь» (1980), «Полюбите русский язык, как второй родной» (1981).

Еще более существенный вклад в подготовку дипломированных учителей русского языка вносит интенсивная практика их в СССР.

Так, Эрфуртский педагогический институт постоянно обменивается студенческими делегациями с вузами в городах Советского Союза — Вильнюсе, Рязани, Смоленске, Иванове, Калуге. В непосредственном общении с советскими людьми расширяются и углубляются представления будущих учителей-русистов о Советской стране. Студенты совершают экскурсии к памятникам боевой и трудовой славы, посещают исторические места, музеи. Встречаются с молодежью, знатными людьми, героями труда, выступают с докладами и самодеятельностью на вечерах дружбы. Будущие учителя изучают героическую историю и современную деятельность Ленинского комсомола, знакомятся с многонациональной советской литературой.

Трудно переоценить нравственное, эстетическое, воспитательное значение современной советской литературы на молодежь ГДР. Огромной популярностью пользуется в стране эпопея-трилогия Г. И. Серебряковой о жизни К. Маркса «Прометей» и роман о Ф. Энгельсе «Предшествование», с большой исторической достоверностью и художественной убедительностью раскрывающие характеры великих соотечественников — основателей научного коммунизма. Особое внимание студенчества и населения страны привлекает современная литературная Лениниана: повесть Э. Казакевича «Синяя тетрадь», очерк М. Шагинян «Четыре урока у Ленина», поэма Р. Рождественского «210 шагов»; стихи и поэмы Р. Гамзатова, произведения Ч. Айтматова. В числе любимых произведений — «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, стихи и романы К. Симонова.

Русское слово в ГДР служит могучим средством патриотического и интернационального воспитания трудящихся, помогает формированию всесторонне развитых граждан социалистической страны, руководствующихся в своей жизни и деятельности марксистско-ленинским мировоззрением.

*Р. ВИДЕМАНН (ГДР)
А. В. ДАНОВСКИЙ (СССР)
Рисунок В. Леонова*

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

В газете
«Псковская правда»
от 9 февраля 1982 года
была опубликована
статья П. И. Иванова
под заголовком
«Подарок
датского ученого».
В ней рассказывается
об уникальном
памятнике языкового
общения немецкого
и русского народов —
русско-немецком
разговорнике XVII века,
составленном
в Пскове...
Предлагаем
вниманию читателей
этот материал.

В 1967 году Датская академия наук издала интереснейшую рукопись — русско-немецкий разговорник, составленный в Пскове в начале XVII века. Его составителем был Тониес Фенне, немецкий купец. Он длительное время жил и торговал в Пскове, изучил здесь русский язык и составил обширный разговорник. На первом листе надпись: «Тониесу Фенне принадлежит эта книга, лета 1607, 1 сентября, написана в Плескове» (старинное название Пскова, воспринятое немцами). Это очень редкий и ценный исторический памятник языкового общения немецкого и русского народов, Пскова и Ганзы (торгового союза северных немецких городов) на ниве мирного сотрудничества. Однако значение разговорника далеко выходит за пределы краеведческого интереса. Он представляет большую научную ценность для изучения состояния торговых связей России и Пскова со странами Западной Европы, особенно для русской исторической диалектологии. Материалы разговорника уже вошли в научный обиход: они используются составителями «Псковского областного словаря», издаваемого Псковским педагогическим институтом и Ленинградским университетом.

Что представляет собой русско-немецкий разговорник Т. Фенне? Его составитель предпринял внушительную попытку обеспе-

чать торговые сношения немцев с русскими языковым пониманием как практическим средством успешного ведения коммерческих дел. С этой целью здесь, в Пскове, он «починал писать ту русскую книгу», «писать как надобь немчину с русином торговать, товар купить или менять товар против товару».

Крупный по объему (488 страниц печатного текста) и разнообразный по содержанию разговорник состоит из словника, начал русской грамматики и собственно разговорника. В нем каждое русское слово или предложение записано латинскими буквами, переведено на нижненемецкий язык, записано по-русски кириллицей, к этому издатели добавили перевод на английский.

Словник в одну треть книги составлен по тематическому принципу. Здесь подобрана лексика об общей картине мира, временах года, русских светских и духовных сословиях, чинах, семье, степенях родства и т. п. Примечательна фиксация иноземцем забытого ныне псковского слова *волосыни*, обозначающего созвездие Большой Медведицы, ее семь звезд. Обращают на себя внимание исчезнувшие из современного русского языка слова *набольник* — опекун над сиротами, *свесть* — сестра жены, сволченица, *подугольник* — подкидыш и многие другие. Тематическая подборка о странах и городах отражает широту географического кругозора псковитян на исходе средних веков. Им были известны земли: «данская» (от Дания), «свейская» (от Швеция), «лунская» (т. е. английская), «франская» (французская), «норская» (норвежская), «турская» (турецкая), «унгарская» (венгерская). Отмечая принадлежность человека к стране или городу, Т. Фенне приводит старинные формы слов: *русин*, *немчин*, *псковитин*, *москвитин* и другие.

В словнике богато представлены названия занятий ремесленников, их около 90. Это свидетельство иностранца подтверждает известный факт о высоком развитии и многообразии специализаций в ремесленном труде древнего Пскова. Среди вышедших из употребления слов назовем более редкие, зафиксированные чужезланцем: «денежник» — чеканщик монет, «стенник» — каменщик, возводящий стены, «бронник» — кузнец, изготовитель брони, доспехов, «калитник» — от *калита*, сума, «басманник» — хлебник, пекарь. Отмечено и слово с большим будущим в русском языке — *промышленник*, в широком значении — «промышляющий каким-либо ремеслом». Из редких тогда профессий названы «толмач» и «переводчик» с правильным определением их назначений: «толмач» (от *толмить* — толковать) — переводчик устных разговоров и «переводчик» — переводящий написанное (деловые бумаги, грамоты и т. п.).

Составитель разговорника — прежде всего купец (по-русски

тогда он называл себя «купчина»). Поэтому его русский лексикон подобран вполне с учетом торговых дел ганзейского гостя. В словник тщательно вписаны слова, относящиеся к торговле: многочисленные товары, сырье и готовые изделия, русские меры и деньги. Предметами особого торгового интереса для европейцев в России были меха, кожи, мед, воск, лен, сало, благородные металлы и изделия из них.

Т. Фенне заинтересованно и с пониманием их ценности вписал в словник 10 видов мехов: тут «шуба соболя, кунья, лисичья, белья, смушья, заячья, волчья, рысья, котячья и баранья». Не забыты и «мурманки» (мурманские белые лисицы), «горностаи», «песцы», «норки», «выдры», «бобры». Тщательно распознаны значения слов, обозначающих качество и другие полезные свойства товаров. Наряду с этим составитель косвенно указал на товары западного происхождения в Пскове: среди них «сукно лунское» (английское), «амбургское» (гамбургское), «норское» (норвежское).

В особый раздел словника Т. Фенне выделил русские числительные, знание которых столь важно при счете товара и денежных расчетах. Обращает на себя внимание свойственное немецкому языку обратное название русских количественных числительных от 21 до 99 (за исключением полных десятков), например: 23 — три да двадцать, 24 — четыре да двадцать. Составителем учтены половинки основных числительных с интересными для современного носителя русского языка наименованиями, например: вместо трех с половиной — полчетвертый, вместо четырех с половиной — полпятый и т. д. и половины десятков: 45 — полпятьдесят, 55 — полшестьдесят.

Две трети большого труда Т. Фенне занимает собственно разговорник. Его содержание — торговые дела и как их вести. На этом фоне проступают многие интересные детали жизни торгового Пскова того времени, торговых занятий иноземных гостей, их отношений с русскими купцами, псковского быта, иногда местные пословицы и поговорки.

Рукопись разговорника Т. Фенне в наше время была обнаружена в Дании и издана там в 1967 году по инициативе известного датского ученого профессора Л. Л. Хаммериха. В сентябре того же года Л. Л. Хаммерих посетил Псков и педагогический институт имени С. М. Кирова. Он рассказал об этой важной в научном отношении находке и подарил экземпляр разговорника библиотеке института.

Л. И. ИВАНОВ
Псков

Данная статья посвящена лишь отдельным топонимам — географическим названиям, связанным с наименованиями деревьев. Кроме того, материал ее ограничен локально — это преимущественно Русская равнина (Восточно-Европейская), места, где издавна обитали предки восточных славян.

Наука утверждает, что состав деревьев, особенно дикорастущих, на территории распространения русского языка сохраняется с древнейших времен. Однако ландшафт и природные условия мест обитания предков восточных славян достаточно сильно отличались от современных.

При изучении природных условий в местах обитания предков восточных славян богатейший материал дает топонимика, связанная с названиями деревьев. Топонимы и гидронимы со всей очевидностью выявляют лесистый характер территории восточных славян, не оставляют сомнения в том, что в историческое время на европейской территории нашей страны площадь, занятая лесами, была несравненно больше современной.

Е. Л. Любимова в работе «О распространении широколиственных пород на Русской равнине в историческое время (по данным топонимики)» указывает, что на Русской равнине, издавна населенной славянскими племенами, «большинство ботанических названий связано с древесными породами (дубом, липой, ясенем, кленом, вязом, ольхой, сосной, березой, осинкой и другими породами...)».

Очень много топонимов, связанных с названиями деревьев, обнаружено в Орловской области — одном из районов раннего славянского заселения. Уже в «Повести временных лет» указывается, что территория по верхней Оке была занята славянами-вятичами и в X веке вошла в состав Черниговского княжества.

М. Н. Морозова, изучая топонимию Орловской области, обнаружила, что здесь использованы почти все (примерно 40) названия пород деревьев, типичных для среднерусской полосы... Особенно продуктивны лексемы: *береза, дуб, ольха*, что объясняется распространенностью этих пород деревьев в области и их важным хозяйственным значением для ее населения. Нехарактерная для Орловщины ель не дала топонимов. Для сравнения укажем, что в более северных областях, например в Калужской, от нее образованы многие названия (Ель, Еловка и др.).

В Курской области мы наблюдаем наличие славянских гидронимов, связанных с дендрологической терминологией: река Ясенюк (от *яшень*), река Алешня (от диалект. *алеж* — ольховый лес), река Лещинка (от диалект. *лещина* — название орешника), река Олек (от древнерус. *олек* — лес с бортными деревьями).

В Горьковской области многие реки имеют названия, указывающие на леса, которые растут по их берегам сейчас или росли в прошлом. Всего рек, наименования которых связаны с растительностью, в области насчитывается несколько десятков: Березовка (до десяти рек), Осиновка, Боровка, Сосновка, Вязовка, Елховка и другие. Кроме того, на территории Горьковской области насчитывается двести с лишним топонимов, связанных с такими породами деревьев, как береза, сосна, ель, дуб, липа, вяз, осина.

На территории Русской равнины встретились селения Дуб, Дубище, Три Дуба, Пятидубы, Семидубы, Девять Дубов, Сорокодубы, Старый Дуб, Молодой Дубок, Трехгранный Дуб, Горелый Дуб, Дубрава, Дубовый Лес. Как видим, в названиях отражаются определенные особенности их возникновения, характер насаждений (село Частая Дубрава, Редкодубья), связь их с рельефом (селения Дубовая Гряда, Дубовая Балка, Дубовый Лог и др.).

Е. Л. Любимова отмечает: «Используя местные географические названия, можно с уверенностью сказать, что ареалы дуба и других широколиственных пород, в первую очередь граба и бука, были шире современных. В недалеком прошлом дуб встречался значительно севернее и южнее своей современной границы и площадь дубовых лесов, особенно в лесной зоне, была несравненно больше».

На Русской равнине очень часто встречаются названия, связанные с сосновыми лесами: Бор, Сухой Бор, Чистый Бор, Мокрый Бор, Горелый Бор и т. д.

Что касается восточной части равнины, то здесь появляются названия населенных пунктов, связанных с сибирскими хвойными породами, преимущественно с пихтой и лиственницей, значительно реже — кедром (селения Пихта, Пихты, Лиственницы и т. д.), причем в названиях отмечены большей частью отдель-

ые деревья. Вероятно, при заселении края, как и в настоящее время, данные породы редко образовывали самостоятельные насаждения. Ареал этих пород проходил западнее современного.

Мелколиственные породы, а именно береза и осина, в историческое время, наоборот, имели значительно меньшее распространение, чем сейчас, и встречались почти исключительно в долинах мелких речек. Но ареал березы был шире современного; так, на юге равнины, где лесов сейчас нет совсем, нередки названия, связанные с березой. Топонимы со словом *осина* попадаются реже. Осина имеет более узкий ареал, встречаясь в средней полосе и на севере Восточно-Европейской равнины по долинам небольших речек и ручьев.

Таким образом, данные топонимики показывают, что широколиственные леса имели на Русской равнине довольно широкое распространение, но были за сравнительно короткий срок уничтожены. Особенно хищнические рубки, как известно, имели место в XIX и начале XX века.

В долинах Волги, Днепра, Десны и других крупных рек были пойменные дубравы, отдельные участки их встречаются кое-где и до сих пор. Дубовые леса на большей части территории Русской равнины не сохранились, на их присутствие в прошлом указывает обилие топонимов, строгая прикрепленность их к определенным элементам рельефа. Анализ природных условий этих районов со всей очевидностью показывает, что еще сравнительно недавно здесь были массивы широколиственных лесов.

Особенно резко изменилось размещение ели: ее южная граница отступила далеко к северу. Оттеснение ели к северу происходило в то же время, когда в подзоне тайги отступала к югу граница распространения широколиственных пород. Главной причиной отступления ели к северу, а широколиственных пород к югу было воздействие человека.

Данные топонимии подтверждаются и археологическими изысканиями. Раскопки советских археологов на Ладожском озере, в частности в Старой Ладоге, показали, что граница распространения липы проходила еще в X веке значительно севернее, чем в позднейшее время.

Из сказанного следует, что ведущим процессом на территории восточных славян было явное наступление степи на лес, а в отдельных районах наступление поля на лес.

Н. В. ТАРАНОВ

Рисунок В. Толстоногова

ВНИМАТЕЛЬНЫЙ читатель, вникая в смысл текстов русских народных лирических песен, обнаружит достаточно многочисленные случаи якобы отступлений от логики здравого смысла. Например:

Вот там плыла ута,
Ута, лебедь белая

Фольклор русского населения
Прибалтики;
далее — Прибалтика

Ох, ты, елка-елушка, зеленая
сосенушка,

Все ли на тебе, елка, веточки

Народные песни Прииртышья

Ты спроси-ка гуся-лебеда,
Не зябуть ли его скоры
ноженьки

Песни, собранные
П. В. Киреевским;
далее — Киреевский

Впервые подобные случаи необычных сочетаний в фольклоре отметил В. Г. Белинский. Цитируя былинные строчки: «В тридцать пуд шелепуга подорожная, В пятьдесят пуд налита свинцу чебурацкого», — он недоумевал: «Вопрос: Как же шелепуга могла быть в *тридцать* пуд, если одного свинцу в ней было *пятьдесят* пуд?...» (Белинский. (Статьи о народной поэзии)). Отнести подобные примеры к случаям порчи текста в процессе длительного бытования едва ли правомерно: слишком многочисленны и систематичны так называемые «алогизмы», чтобы быть поистине алогичными. А. А. Потебня в свое время справедливо отме-

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

Наблюдения
над народно-песенным
словом

тил, что «сопоставление несовместимых частных не есть нарушение логического закона, а способ обозначения понятия высшего порядка, способ обобщения, нередко — идеализация...» (Потебня А. А. Из записок по русской грамматике).

Причины необычного сочетания слов следует искать в свойствах народно-песенного слова, которое существенно отличается своей семантической структурой от подобного слова в других формах речи.

Основное отличие в том, что фольклорное слово парадигматично, то есть обозначает не только определенную реалию, но и целый класс тематически близких реалий (парадигму). Например, *соловей* может обозначать не только соловья, но и сокола, кукушку и другую птицу:

Прилетал вот ясный сокол,
Ясный *сокол-соловеюшко*

Прибалтика

На том ли на кустике садилась кукушечка,
Садилась *кукушечка*, мелкая *соловьюшка*

Киреевский

Поскольку смысловое содержание фольклорного слова расширено, то возникает необходимость как-то определить границы содержания. Тогда появляется второе, тематически однородное слово. Оба они ограничивают друг друга, очерчивают пределы семантической области и тем самым служат средством передачи обобщенного, родового значения:

При полку *майор*, сам *полковничек*

Лирика русской свадьбы

Выезжает молодой *майор*,
Молодой *майор*, *полковничек*

Киреевский

В итоге возникает обобщенное значение «офицер».

Достаточно соединить в узком контексте прилагательные *золотой* и *серебряный*, как возникает общее значение «ценный»:

Золото мое колечко изломал,
Золото мое, *серебряное*

Песенный фольклор Мезени

Золота пенка, *серебряна*,
Убивалась наша *пеночка*

Русские свадебные песни Сибири

Потеряла девка золоты ключи,
Золоты ключи серебряные

Колпакова Н. П. Песни и люди

В традиционных русских песнях передки слова *шведский*, *турецкий*, *немецкий*:

Что погиб-пропал добрый молодец,
Што под силою под *шведскою*,
Што под армею под *турецкою*

Киреевский

Каждое из выделенных прилагательных вне фольклорного контекста имеет строго определенное семантическое содержание, но в русских народно-песенных произведениях такие прилагательные обозначают все чужое:

Поле, поле чистое,
Широко поле турецкое,
Что *турецкое-немецкое*

Киреевский

Поскольку семантическая область «чужое, враждебное» обычно представляется словами *шведский*, *турецкий* и *немецкий*, то отпадает необходимость вводить в песенные тексты прилагательные этого тематического ряда, а это способствует лаконизму русской народно-песенной речи.

Подобным свойством расширения семантики обладают не только нарицательные существительные, но и имена собственные. Отсюда примеры типа:

Саша-Маша правой ручкой машет, головой качает

Соболевский. Великорусские народные песни;
далее — Соболевский

Ой, да не плачь, *Саша*, да не плачь, *Маша*,
Да не плачь, любушка ты моя

Традиционный фольклор Новгородской области

Саша-Маша, девка радость наша,
Ой, да при... приуныла да бе...ой, да без мила

Песни Печоры; далее — Печора

У тебя, дискать, жена молода
Оленушка Клементьевна,
Клементьевна-Дементьевна

Киреевский

Расширяются даже географические термины:

В *Питер-Москву* да приезжали

Печора

Название конкретной реки Дунай в русском фольклоре превратилось в родовое понятие «река вообще»:

Как над *Вислой над рекою* выросло древо...

От того ли от *дунаю* пролегла дорожка,

Пролегла *дунай-дорожка* широка, пробброста

Киреевский

По проулкам, пираулкам

Дунай речка протекала

Шейн. Великорусс в своих песнях; обрядах...;
далее — Шейн

Дунай превращается в своеобразное слово с весьма неопределенным семантическим содержанием и может предстать в виде окказионального «географического» термина типа *Дунайское море*:

Из-за тихого *Дунайского моря*

Пролетала малая птица

Соболевский

На семантике отдельного фольклорного слова лежит отблеск всей парадигмы, обобщенное значение всех компонентов парадигмы явственно присутствует в семантической структуре каждого из них. Тематическая близость слов одной части речи — вполне достаточное условие их взаимозаменяемости. Когда в фольклорных текстах мы встречаем довольно частые примеры типа:

Вечер меня, младеньку, сговорили,

За того ли за *майора* полкового,

За *солдата* рядового отставного

Киреевский

то понимаем, что это яркое проявление широкой парадигматики опорных слов в устно-поэтическом тексте.

Соединение в слове видового и родового значений, функционирование этого слова в качестве представителя определенной лексико-семантической парадигмы вполне естественно создают подвижность (неустойчивость) семантики ключевых фольклорных слов, что приводит к появлению необычных сочетаний; например, частое в фольклоре существительное *трава* мы можем встретить в таком узком контексте:

Что во этом во садочке растет *трава липа*

Печора

Или:

Растет *трава мать калина*

Соболевский

Необычно может употребляться в фольклоре и существительное *лист*:

Журавль-птица похаживала,
Шелковую *лист-травушку* пощипывала

Киреевский

В народно-песенном тексте существительное *лист* совмещает в себе семантические признаки древесного и бумажного листа. Часта в песенном фольклоре ситуация, когда с дерева срывают лист и пишут письмо:

Сорву с травоньки *листочек*,
Я *лаверовый*, дорогой,
Я начну письмо писать

Соболевский

Гербовый лист легко может превратиться в *вербовый*: Ср.:

Я на тонку бумажку — на *гербовый* на листок

Соболевский

Я на камушку срисую, на бумажке распишу,
Я на той ли на бумажке — на *вербовом* на листу

Соболевский

Удвоение смысла существительного *лист* приводит к усложнению семантической структуры определения *бумажный*:

На тебе ли березыньке
Всё *листья бумаженныя*

Киреевский

Уж и рада бы дубровушка не шумела,
Шумят-то, гремят *разбумажные* мои *листочки*

Киреевский

Эпитет *бумажный* относится не только к существительному *лист*, но и к существительным — обозначениям других частей дерева (ветви, кисти). Даже на елке бывают ветви *бумажные*. *Бумажным* может быть тело человека:

У ней тело бумажное, кость лебединая

Шейн

Напрашивается толкование эпитета — «белый» или «слабый». Однако это упрощает дело. Обратим внимание на определения, занимающие подобные позиции, ибо смысл фольклорного слова понастоящему проявляется только в связи с другими словами. Сопоставление *бумажного* с *лебединым* в предшествующем примере, а *лебединый* в народной лирике всегда знак высокой оценки, заставляет думать, что первый эпитет тоже выступает в качестве знака оценки. Устойчиво сопоставление *бумажного* и *хрустального* в описании деревьев:

Сучки-веточки на старом дубу *хрустальные*,
А листочки на сыром дубу *бумажные*

Соболевский

Особенно заметна оценочность эпитета в примерах:

Наперед у них бежит стар устиман-зверь.
На нём *шерсточка*, на устимане, *бумажная*,
А щетинушки на устимане все булатные

Соболевский

У индричка коныточки булатные,
Шерсточка на индричке *бумажная*

Соболевский

Зашатался я, загулялся, добрый молодец,
На своем ли я на добром коне богатырским,
Я на *войлочке* на *бумажном*

Киреевский

В других вариантах песни обычно используются качественные прилагательные типа *мягкий*, *бухарский*.

Народно-песенное слово не ограничивается смысловой парадигматичностью, то есть родовым расширением семантики. Ему присущи обязательная оценочность, устойчивая иерархия в употреблении тематически однотипных слов, символизм и другие свойства. Каждое из них — предмет особого разговора. Здесь же уместно заметить, что сложная и необычная с точки зрения нефольклорных форм речи смысловая структура песенного слова объясняет феноменальные возможности фольклора простыми художественными средствами достигать высокой степени эмоциональной и интеллектуальной насыщенности.

А. Т. ХРОЛЕНКО

Рисунок С. Газриловой

Окончание.

Начало см.: 1982,
№ 5

III.

«ЧЕЛОВЕК ВЕДЬ Я»

Исследования показали, что Аникиева плита, может быть поставлена в ряд самых интересных памятников истории северного мореплавания и морской культуры, характеризующих связи нашей Родины со странами Северной Европы. И все же Аникиева плита оставалась как бы «памятником неизвестному мореплавателю». Важно было установить не только географическую и хронологическую принадлежность каждой надписи, но выявить реальный круг лиц, совершавших плавания в наших водах от ста до четырехсот лет тому назад, выяснить экономические и политические причины, вызвавшие сначала энергичное проникновение датчан на Север, а позднее русских промышленников к берегам Скандинавии.

В норвежской газете «Финмаркен», где был напечатан мой первый из зарубежных очерков о находках на Аникиеве, затем в датском ежемесячнике музея в Зондерборге появились статьи известного норвежского историка профессора П. Симонсена, содержавшие первые комментарии к надписям на плите. В частности, Симонсен идентифицировал (*идентификация* — признание тождественности, отождествление объектов, опознание) надпись 1610 года Йенса Вида, впервые обнаруженную еще в 1871 году И. Фрисом и вновь найденную и сфотографированную нами летом 1978 года, с тем самым Йенсом Видом, который, спустя десяток с небольшим лет после знаменитого плавания Виллема Баренца, совместно с известным датским мореплавателем Йенсом Мунком на двух судах направился в Баренцево море в надежде достичь Новой Земли и начать там промысел морского зверя. Эк-

спедиция Мунка, однако, кончилась неудачей, и в том же 1640 году он, уже на судне Вида, вернулся на родину.

В опубликованной в более позднем выпуске того же датского ежемесечника статье датского историка Х. В. Грегерсена «Зондерборгские шкиперы в плаваниях по Северному Ледовитому океану» было указано, что при воспроизведении нами надписи Ханса Роберсена из города Абенры, по-видимому, допущена ошибка. Речь, несомненно, идет о Хансе Бродерсене, моряке из этого южнодатского города, судно под командой которого, согласно изученным учеными документам, вернулось из заполярного плавания в Абенру 1 сентября 1695 года. Но тогда даты путешествий Бродерсена, высеченные на плите, свидетельствуют еще о двух неизвестных ранее плаваниях на Север: в 1694 и в 1696 годах.

Пришло письмо со штемпелем Фленсбурга. Сотрудница городского музея Ютта Глюзинг сообщала, что ею идентифицированы две из числа наиболее интересных надписей. Одна из них высечена в 1700 году Хансом Михельсеном, тем, что «бороздил эти воды 26 лет». Моряк, оставивший этот автограф, был одним из самых опытных капитанов средневекового Фленсбурга. В 1672—1677 годах он водил судно «Фортуна», в 1677—1691 — «Рыцарь», в 1691 — «Иоганн», а с 1692 года командовал «Конкордией», на которой и совершил плавание к берегам Мурмана. Ютта Глюзинг рассказала в своем письме также о судьбе автора геральдического изображения с надписью по кругу «Ионас Якобсен из Фл. 1698». Якобсен командовал кораблем «Экватор», а после постройки на верфи в Капсельне близ Шлеи нового галиота «Вальфиш» вплоть до 1708 года был его командиром. Таким образом, кроме персональной идентификации надписи, выяснилось имя еще одного корабля, побывавшего в наших водах.

А вот письмо директора городского музея в Зондерборге И. Слеттебо. В древних списках торговой гильдии капитанов и в церковных книгах он нашел имя Петера Кнудсена. Этот уроженец Зондерборга с 1702 по 1707 год упоминается в списках гильдии капитанов, затем его имя исчезает. Обнаружены сведения и о Клаусе Ребейне, чей автограф на плите датирован 23 июня 1689 года. Клаус родился в Зондерборге в 1654 году в семье Ханса Ребейна. Сохранились записи его браков, сделанные в 1675 и в 1685 годах. В Зондерборгском музее идентифицированы и другие надписи: уроженца Фленсбурга Юргена Бойзена, командовавшего в 1702—1706 годах кораблем «Эйттрахт», и Йенса Лоренсена, бывшего в 1691—1692 годах капитаном фленсбургского корабля «Святой Йорген». Откликнулся письмом и директор Морского музея Дании доктор Хеннинг Хеннинген. Им также были даны подробные комментарии к древним надписям своих земляков.

И когда в 1980 году мы вновь высадились на Аникиеве, то снова встретили на плите имя Берента Гундерсена, сопровождавшееся словами «у меня отняли корабль» и рисунком лежащего воина с поднятым мечом. Теперь мы уже многое знали о Беренте Гундерсене. Этот пользовавшийся большой известностью датский моряк, работавший по найму в торговых домах Копенгагена, плавал в северных водах в качестве капитана корабля «Красный лев». В манускриптах отмечено его участие в китобойном промысле в 1614—1616 годах. В 1617 году Гундерсен вел китовый лов у берегов Шпидбергена.

Не менее успешно продвинулась и расшифровка русских надписей. Вот только самый древний и интересный автограф Гришки Дудина не поддается окончательной разгадке. Дудины — известная холмогорская, вернее куростровская фамилия. Дом Дудиных стоял на протоке Северной Двины на расстоянии получаса ходьбы от дома Ломоносовых. Три сына старейшины этой семьи Христофора Дудина были спутниками юности М. В. Ломоносова. Однако ни один из них не носил имени, высеченного на плите. И даже замечательный биограф Ломоносова и знаток Русского Поморья Александр Антонович Морозов не сумел помочь мне в идентификации этой надписи...

Зато, казалось бы, безлика, не имевшая даты, но достаточно архаичная по виду надпись **НОРКИНЪ** раскрылась неожиданно полно и широко. Норкины из Кеми оказались известными в истории поморского мореплавания как одна из наиболее энергичных семей торговых людей, осваивавших морские пути на Запад. В опубликованной в 1968 году в Тромсё книге Соломона Крафта нашелся подробный перечень плаваний Норкиных у берегов Северной Норвегии. Так, в 1809 году Михаил Норкин отправился в плавание к берегам Норвегии на лодье «Св. Федор». Торговые плавания Норкиных между Кемью и норвежскими гаванями совершались и позднее. В 1815 году Василий и Федор Норкины на лодьях «Св. Василий» и «Св. Иван» вновь совершили плавание по маршруту от Кеми до Колы и далее — к норвежским берегам.

16 июня 1816 года документально зафиксировано прибытие «Св. Василия» в Тромсё, а 20 июня того же года — «Св. Ивана» в Гаммерфест, а позднее в Тромсё и Люнген-фьорд. Наконец, в том же году на лодье «Алексей» в норвежских водах побывал еще один представитель этой фамилии — Антсн Норкин. Коммерческие плавания Норкиных почти без перерывов продолжались с 1817 до 1839 года, причем лодью к берегам Финмаркена вел уже сын Михаила — Алексей. Рейсы норкинских лодей связали гавани Северной Норвегии с Архангельском, Сумским посадом, Кемью...

Большую помощь в расшифровке некоторых надписей мне оказала сотрудница Музея этнографии народов СССР Татьяна Алексеевна Алимова, изучившая до этого многие документы, относящиеся к деятельности Беломорской компании. По договорам с ней поморы ходили на промысел, везли лен, муку, холсты в норвежские порты. Пути лодей проходили мимо Аникиева. В 1794 году вырезал свое имя на плите «онегской гражданин Павел Агапитов». А в 1810 году, как выяснила Т. А. Алимова, он был уполномочен Беломорской компанией производить обмен хлеба на рыбу и другие товары морского промысла в гаванях Финмаркена и Нурланна.

Поморские мореходы знали наизусть расстояния между промысловыми местами. Ими составлялись и обновлялись из года в год, из поколения в поколение лоции и карты, представлявшие громадную ценность для мореплавателей.

И в закопченной промысловой избе при свете тусклого жарника вносивший в кожаную тетрадь приметы берега безвестный поморский кормщик с надеждой писал: «... и опосля нас помор на промысел пойдет, как же себе след для него не оставит. Я тоже морем живу, все от дедов получил, человек ведь я...»

Кто он, автор этих слов и сподвижник высокого дела?

После опубликования книги «Имена на скале» на нее откликнулись не только историки и музейные работники. Находки на Аникиеве взволновали краеведов, учителей, журналистов, представителей различных специальностей, для которых замечательный памятник истории и культуры стал источником гордости и гражданского волнения.

На одной из опубликованных фотографий плиты выступает грубо высеченная фамилия: САВИН.

«Не тот ли это купец-факторист, который владел судами, ходившими в те годы с рыбой в Петербург и Англию?», — спрашивает в письме директор яснополянской средней школы Д. М. Романов.

Едва ли. По-видимому, однофамилец. Но память об этом русском судовладельце, без сомнения, сохранилась в другой надписи:

КУПЦА САВИНА ШКИ(ПЕР) ТЮЛЕВ.

1831

«Я развернул обложку Вашей книги и перестал видеть плоскость бумаги... вижу... далекий горизонт Баренцева моря, где-то слева Вардё и Вадсё. Я чувствую соленый вкус прибоя и забываемый запах йода от водорослей на скользких камнях», — пишет ветеран оборонявшего полуостров Рыбачий 113-го Печенгского краснознаменного отдельного артиллерийского дивизиона Евгений Андреевич Макаренко. «Мы знали, — продолжает он, — что полу-

остров посещали молодой Литке, художник Коровин. И вот теперь как приятно узнать из Вашей книги, что рядом, на маленьком островке, открыта каменная летопись древних мореходов».

Еще письмо, с Сахалина. «К сожалению, Вы ничего не пишете о происхождении самого названия острова Аникиева. Это меня интересует еще и потому, что я, Аникиев Юрий Александрович, родился в г. Мурманске, а мой отец, Аникиев Александр Михайлович, родом из Архангельской губернии.

И еще потому, что я люблю путешествовать и разгадывать загадки прошлого, „человек ведь я“».

Происхождение названия *Аникиев* толкуется по-разному. Наиболее широкое хождение получила легенда о заморском богатыре Анике, побежденном на острове зуйком-помором.

Пишет Михаил Николаевич Хлопотов: «Конечно, люди, оставившие свои автографы на камне, были и хорошие и плохие, но они внесли свой вклад в развитие далекого и сурового Заполярья.

Трудно предположить, что кто-то из нынешнего поколения оставит свои автографы на берегах Мурмана. Но, даже если и оставит, наши потомки, наверное, также будут интересоваться этими надписями, как в настоящее время это сделала экспедиция по отношению к надписям прошлых веков».

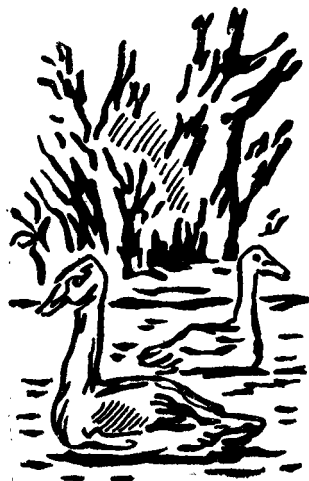
Чистая и большая любовь к Родине и ее истории, уважение к мужественным мореходам открываются за этими письмами. Нет, мы не ленивы и мы любопытны. Мы проявили любознательность и не пожалели труда. И загадочный камень на малом островке, неожиданно открывший связь времен и народов, вошел в гордый ряд реликвий нашей истории.

В. И. КОШЕЧКИН
Рисунки В. Леонова

КАК ОБХО- ДИЛИСЬ БЕЗ СЛОВА ПАРА?

Появление или утрата слов не обязательно бывает связаны с появлением или утратой называемых ими понятий и предметов. Иногда развитие словарного состава выражается и в смене наименований определенных понятий и предметов. Так случилось в русском языке с обозначением понятия парности. В настоящее время трудно представить, как могли обходиться наши предки без такого, незнакомого им, а ныне совершенно необходимого слова *пара*. О том, насколько оно необходимо, свидетельствует круг его значений в современном литературном языке. *Парой* называются: два однородных предмета, употребляемых вместе и составляющих одно целое, комплект (пара сапог, пара белья, колесная пара); мужской костюм; две лошади, запряженные в экипаж, повозку; два предмета, две штуки чего-либо (пара яблок, пара тетрадей); несколько, небольшое количество чего-либо (пара слов, пара строк); два находящихся вместе, делающих что-либо вместе существа, двое как нечто целое (супружеская пара, неразлучная пара, пара влюбленных); в качестве сказуемого выступает *пара*, когда говорят о двух подходящих или, чаще, не подходящих друг к другу существах (он ей не пара) и др. Уже во время Пушкина слово *пара* постоянно выступало в произведениях не только деловой, но в художественной разновидности литературного языка.

Ср. в «Евгении Онегине»:

Не в силах Ленский снести удара;
Проказы женские кляня,

Выходит, требует коня
И скачет. Пистолетов пара,
Две пули — больше ничего —
Вдруг разрешат судьбу его.

Или:

Ее привозят и в Собрание.
Там теснота, волнение, жар,
Музыки грохот, свеч блистанье,
Мельканье, вихорь быстрых пар...

Небезынтересно: в произведениях Пушкина число употреблений слова *пара*, притом едва ли не во всех известных ныне его значениях, доходит до 20.

В живом народном языке *пара* слышится постоянно, бытует в нем и *парочка*. Еще Даль отмечал шуточные выражения: *Поехал парой, на своих на двоих*, что значило «пешком»; *Парочка: свинья да ярочка!* Органическую свойственность слова *пара* современному русскому языку, кроме уменьшительного *парочка*, подтверждают и другие производные образования, например, *парный* (парное катанье), *парность* и специальные названия, вроде зоологического *парнокопытный* и ботанического *парнолистник*.

Слово *пара* и производные образования в современном русском языке представляются незаменимыми. А между тем до XVII века русские их не знали и понятие парности у них выражалось тогда иначе. В отличие от современного состояния, наряду с формами единственного и множественного, в старинном русском языке имелись и формы двойственного числа. Русский язык унаследовал их из далекого дописьменного прошлого. Полагают: происхождение двойственного числа связано прежде всего с обозначением парных предметов. «...двойственное число первоначально, по своему происхождению употреблялось для обозначения единства двух по природе или исторически объединенных предметов (парные органы тела,

парные предметы, наконец, два предмета или явления, постоянно мыслимые в неразрывной связи, в единстве). Для обозначения же двух ничем не объединенных предметов (случайных двух) в индоевропейских языках первоначально должны были употребляться формы множественного числа. Употребление двойственного числа при числительном *два* — явление вторичное, более позднее, хотя и развившееся еще в дописьменный (доисторический) период» (Иорданский А. М. История двойственного числа в русском языке. Владимир. 1960). Наши предки писали и говорили: *город*, мн. ч. *города*, а затем — *города*, однако (два) *города*; *поле*, мн. ч. *поля*, однако (два) *поля*; *рука*, мн. ч. *руки*, а затем — *руки*, однако (две) *руце*, а затем — *руке*, и т. д. Формы двойственного числа со временем утрачивались. Обычно утрату их относят к XIII—XV векам, но старая южновеликорусская письменность (таможенные книги и другие источники) убедительно свидетельствует, что обращение к формам двойственного числа наблюдалось и в XVI веке, а в отдельных случаях даже в первой половине XVII столетия.

С утратой форм двойственного числа возможности выражения парности несколько сужались. Хотя на нее могли указывать собирательные числительные *двои*, *трои*, *четверы* (сапоги) и т. д., применение их в этом отношении оказывалось ограниченным, поскольку так же выражалась совокупность и непарных предметов: *двои*, *трои*, *четверы* (платки) и т. п. В этих условиях в языке, в ответ на потребности общения, с течением времени появлялись предметные обозначения парности.

Одним из подобных образований было слово *обувь*, которое в ту пору, помимо общего, имело и иное значение — то же, что ныне «пара обуви». В соответствии с этим, обладая не только формой единственного числа, как в современном языке, но и формой множественного, оно применялось и при счете. Например, в тихвинской таможенной книге 1637 года записаны 20 «обувей красных» (Картотека Словаря древнерусского языка Института русского языка АН СССР; далее — Карт. ДРС), а в курской десять лет спустя — «полтораста обувей», «сто обувей» (Разрядный приказ. Денежный стол — Центральный государственный архив древних актов; далее — ЦГАДА). Обыкновенно, кроме количества обувей, указывали и вид последних. «Семь обувей сапогов мужских сафьянных и барановых», — писали, скажем, в далеком Якутске в 1641 году (Карт. ДРС). Как видим, подобное выражение парности уже в первой половине XVII века имело широкое распространение — от западных пределов России до ее восточной окраины. Хорошо прослеживается его принадлежность обиходной народной речи. Приведем характерный эпизод. В тяжбе конца XVII века, возникшей в местах обувного промысла, огорченный истец пока-

ывал: «Подрядил я ево Авдея делат(ь) сапогов из говяж(ь)его товару вишневого цветом и делал он Авдей у меня богомол(ь)ца вашего в Орловском уезде в доме моем и ни отделов тех сапогов девятерых обуви поехал от меня домой в город Болхов... я богомолец ваш неотделонные деветеры обуви сапогов для отделки и подбиван(ь)я скоб привез к нему Авдею... и он Авдей тех девятеры обуви сапогов мне богомол(ь)цу вашему доделов не отдавает и по се число а цена государи тем сапогам три рубли шесть алтын четыре ден(ь)ги». А в допросе Авдея говорилось: «Неделонных лесопогов деветерых обуви он ответчик у него исца в доме не метал» (Разрядный приказ. Приказной стол.— ЦГАДА). Как показывают южновеликорусские данные, еще в начале XVIII века аналогичным образом иногда считали знакомые состоятельной среде башмаки (слово *башмак* — тюркизм, представленный в русской письменности с XVI века) и вошедшие в ее обиход туфли (*туфли* — заимствование из немецкого): «тридцать обуви башмаков телятинных» (Курская таможенная книга 1720 г.); «десять обуви туфель барановых муских» (Елецкая таможенная книга 1720 г.). Парный счет обувями распространялся и на подковки, скобки, подбиваемые под каблуки. Так, например, в расходной книге 1687 года, которую вели в Лукьяновской пустыни, встречаем запись: «куплено ... пятеро обуви скоб». Ср. отголосок употребления слова *обувь* во множественном числе в литературном тексте XIX века: «...там попадаютса обуви, складки тканей, переливы кудрей, даже вихры шерсти над копытами коней...» (Тургенев. Пергамские раскопки).

И счет лаптей вели *обувями*: «девяносто обуви лаптей» (Карт. ДРС). В расходной книге Лукьяновской пустыни, составленной в 1687 году, читаем: «шестеры обуви лаптей», «сорок обуви лаптей». А поскольку лапти по двое обыкновенно связывали лыком, родилось и такое оригинальное обозначение парности, как *лыко*: «Явил курской пушкар(ь) Иван Белаус на двух возах сто пятьдесят рагож да сто лык лаптей» (Курская таможенная книга 1624 г.).

Наименование *обувью* парного единства распространялось и на чулки: в московской таможенной книге конца XVII века встречаем запись о продаже 20 «обуви чюлков вязаных бумажных красных».

Обозначение парности предметов наименованием того, что их соединяло, наблюдалось и при счете ведер, считали их *коромыслами*: «Куплено ... дваи коромысла ведер», «Куплено четыре коромысла ведер» — записано в расходной книге 1695 года Покровского монастыря в Суздале. А в упомянутой лукьяновской книге читаем: «Купил Фадей в Переславле ведер четыре коромысла».

Наиболее распространенные сохи оснащались двумя сошниками, или лемешами, и по этой причине совокупность последних называли также *сохой*. В памятниках XVII века читаем: «куплено... пятьдесят сохъ лемешовъ бес присохов; куплено... лемешей двенатцат(ь) сохъ»; ср.: «две сохи ралников» (Карт. ДРС).

Описанные предметные обозначения парности имели ограниченное применение — знаменовали парность лишь немногих, хотя и жизненно важных предметов. Более широкое применение получило слово *гнездо*. Развитие в нем значения парности было обусловлено тем, что с гнездом прочно связывалось представление о чете пернатых. Распространение счета *гнездами* и на другие живые организмы, а затем и на неодушевленные предметы протекало вместе с преобразованием подобного обозначения парности во все более общее, более отвлеченное. В результате указанной эволюции слово *гнездо*, применяемое в данном смысле, превратилось в формальное счетное слово. В сравнении со счетными словами *обувь*, *лыко* и *коромысло* (были, по-видимому, и другие) *гнездо* в качестве счетного слова являлось более употребительным — применялось при счете не одного, а нескольких видов предметов. Вероятно, это предопределялось большей, нежели у первых слов, семантической емкостью данного слова в то время, когда происходило формирование в нем значения парности. В Словаре русского языка XI—XVII вв. у слова *гнездо* наряду со значением «счетное слово (при счете однородных предметов по два)», отмечены такие: «гнездо», «род, потомство», «семья», «особый вид месторождений полезных ископаемых», «углубление, в которое что-либо вставляется, вкладывается». Кстати, укажем еще одно, не представленное в Словаре значение, которое получило отражение в Рыльской отказной книге первой половины XVII века, — «часть волости». Истоки его уходят в более старое — «род, потомство». Употребляемое в этом смысле *гнездо*, расщепляясь в своем значении, становилось и наименованием владений рода, позднее — княжеской семьи. С изменением владельческих отношений слово *гнездо*, естественно, могло превратиться в наименование части волости.

На правах вполне литературного слова *гнездо*, облеченное значением «пара», вошло в состав напечатанного в 1704 году Лексикона трехязычного Ф. Поликарпова.

Исчисляли *гнездами* гусей, лебедей, уток, свиней, баранов, тайменей (рыба); стрелы, горшки, клещи, крючки, петли оконные, стекла, обручи, весла, коробы, вареги, завязки, нашивки и т. д. «Велитя проведат(ь),— просили вотчинника его оборотистые сыновья,— по чему в деревнях купят гусей гнездо?» (Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. М.,

1965); «Двадцать два гнезда тетеревей битых» — читаем в Угличской таможенной книге 1721 года. В лукьяновской книге *гнездами* вели учет больших горшков, выдаваемых монастырской братии рубах, а также сапожных скоб.

Не означает ли парность слово *гнездо* в таком описании межевой приметы: «стоит кусть четыря гнезда лозы пятоя гнездо осиновае»? (Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. М., 1977).

И все же предметные обозначения парности, в силу большей или меньшей связанности с наименованиями соответственных конкретных предметов, не могли удовлетворить все возрастающей с развитием экономики и культуры потребности в обозначении парных единств. Усвоение иноязычного слова *пара* (лат. *par*, нем. *Raag* «два подобных предмета»), абсолютно свободного от связи с наименованием в русском языке чего-либо конкретного и потому представлявшего собой отвлеченное счетное образование, вполне удовлетворяло эту потребность. Слово *пара* оказывалось применимым при счете любых предметов. Проникало оно в русский язык в процессе торговых сношений с Западом, при посредстве польского слова *para*. Начало проникновения обычно усматривают в девятидесятых годах XVII века, в действительности оно было более ранним — проявилось с конца XVI века. Во всяком случае, в переписанной русским в 1570 году жалобе литовских послов говорится: «тот детина ... взял ... белых шубки две, соболей пары тры, вершков соболях осм пар». В описании русского посольства в Персию упоминается «пара самопалов коротких» (1592 г.). Не случайно вначале исчисление *парами* касалось главным образом предметов международной торговли, скажем, русских соболей и западноевропейских пистолетов, или пистолей. Характерно более или менее раннее означение комплектности этих товаров словом *пара* в вестях-курантах — обзорах военно-политической и экономической жизни зарубежных стран, которые составлялись для царя и его ближайшего окружения. В обзорах 1642—1644 годов: «одна пара пистолетов сыщетца», «пришлю я две пары пистолей», «послал... пару пист(о)лей»; «чтоб... добрую пару соболей прислал», «о паре соболях»; ср.: «пару плат(ь)я... новому слуге подорят». Гонцу, доставившему добрые вести, в 1677 году, кроме иного жалованья, из государственной казны дали «две пары соболей по десети рублей пара» (Грамотки XVII — начала XVIII века. М., 1969). Заимствованное русскими слово *пара* первоначально, по-видимому, бытовало в привилегированных слоях и только со временем привилось в широких народных массах. Любопытна попытка его перевода посредством слова *сугубица* (Ф. Поликарпов. Лексикон

трехзначный, 1704). Последнее в русском языке означало двойное количество, что-либо удвоенное.

В XVII веке заметного распространения в пределах русского языка заимствование *пара* еще не имело. Но в первой четверти XVIII века уже наблюдаем его проникновение в общенародный обиход. Например, башмаки, сапоги и чулки исчисляют не только *обувями*, но и по-новому — *парами*. В курской таможенной книге 1720 года встречаем: «две пары башмаков женских» и «тридцать обуви башмаков телятинных». Вытесняло слово *пара* в русском языке и *гнездо*, употребляемое в том же смысле. В литературном обиходе заимствование *пара* утвердилось в XVIII веке, а в народных говорах — позднее. Впрочем, отдельные следы старых способов выражения парности местами держались довольно долго. Даже академический Словарь церковнославянского и русского языка 1847 года среди значений слова *гнездо* указывал и следующие: «Пара чего-нибудь. *Гнездо бабок. Гнездо голубей.* Два соответствующие с обеих сторон здания в селениях. *Переулки и проезды между гнездом должны быть в шесть сажен шириною*». В Словаре Даля это значение иллюстрируют такие примеры: *гнездо рублей, гнездо пильщиков, гнездо изб* «рядом стоящие, вплоть приставленные две избы». Подобные более поздние факты естественным образом были связаны с остатками старого уклада жизни, элементами его материальной культуры. Сохлелся на данные из псковских мест. Там в начале текущего века *гнездом* именовались два человека с лошадей, обслуживающие невод при зимнем лове рыбы; *гнездом* называли и пару корзин, которые прежде плели так, что одна корзина входила в другую, а потом, уже и не делая так, корзины по старому обыкновению продавали *гнездами*, т. е. парами (Словарь русских народных говоров). А в челябинских говорах в то же время *гнезда* означали игру в бабки, которые ставились попарно вдоль по направлению от играющих (Там же).

Итак, угасание двойственного числа и невозможность во многих случаях выражения значения парности посредством предметных наименований привели сначала к восприятию русскими, а затем и распространению в их языке заимствованного слова *пара*. Оно оказалось как раз под рукой именно в это время. Замена некоторых старых средств обозначения двух однородных предметов, составляющих одно целое, заимствованием *пара* в масштабе всего русского языка растянулась на два с половиной столетия и сопровождалась развитием в слове, в основном в более позднее время, новых, как семантических, так и стилистических возможностей.

Одним из эпизодов этого развития явилось приобретение словом *пара* значения «несколько, немного, небольшое количество

чего-либо», с которым в качестве разговорного, однако в пределах литературного языка, оно употребляется в наше время в случаях вроде *пара слов, на пару слов, на пару минут, через пару минут* и т. п. Сто лет назад стилистическая окраска аналогичного употребления слова *пара* была существенно иной. Тонкий знаток и художник слова В. И. Даль выражал решительное несогласие со словоупотреблением *на пару минут*, приводя при этом в виде правильных употребления слова *пара* в таких случаях, как *пара сапог, пара перчаток, пара весел* и *супружеская пара* (см.: Бессараб. Владимир Даль). Возникшее в слове значение «небольшое количество чего-либо», по мнению Даля, более или менее литературным в то время еще не было, хотя в Словаре церковнославянского и русского языка 1847 года уже находим одинокое выражение *позвать на пару слов* «пригласить на короткое совещание».

Историю укоренения слова *пара* в общем русском языке нельзя рассматривать односторонне — лишь с точки зрения влияния на русский западноевропейских языков. Заимствование это оказалось возможным не потому, что русский язык лишился средств выражения парности (предположение невероятное!), а потому, что его развитие вызвало потребность в более отвлеченном, более универсальном ее выражении. Словом, развитие русского языка сыграло в истории данного заимствования вполне определенную, активную роль.

Распространение нового, в определенных условиях более совершенного, обозначения парности не означало полного забвения старых. Отдельные из них продолжали жить в языке художественной литературы. Возьмем, например, слово *чета*. Хотя в исторических словарях в подобном значении оно не представлено, сомневаться в его существовании в прошлом в данном значении едва ли возможно, поскольку исторические словари не охватывают всей древней лексики и многие памятники русской письменности пока еще не исследованы.

Характерно, что Даль, основываясь на глубоком знании народных говоров, основной лексический состав которых восходит к далекой старине, уверенно определяет слово *чета* как «двоица, пара, дружка, ровня, или союзный друг другу» и вслед за примером *брачная чета* «муж и жена» подтверждает это значение такими: *чета быков* «супруг или ярмо, упряжка», *чета подсвечников*. Далее приводится *четать* «признавать парой, дружкой; соединять четами; равнять, уподоблять, ставить парой, за одно». В общем, имеем основания видеть в слове *чета*, наряду с другими, и старинное значение парности.

Ср. в «Евгении Онегине»:

Однообразный и безумный,
Как вихорь жизни молодой,
Кружится вальса вихорь шумный;
Чета мелькает за четой.

Или:

Но кушать подали. Четой
Идут за стол рука с рукой.

В стихотворении Лермонтова «Родина»:

Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.

Слово *гнездо* в качестве счетного (в смысле «два, две, пара») прозвучало в народном рассказе Л. Толстого «Упустишь огонь, не потушишь»: «Когда отстроилась деревня и дворы разместились шире, Иван с Гаврилой остались опять соседями, в одном гнезде». Такое употребление слова *гнездо* (в значении «две избы, стоящие рядом, отделенные от других дворов проездами»), в отличие от употреблений слова *чета* у Пушкина и Лермонтова,— явно просторечное, предопределенное и содержащим рассказ и его народной тональностью.

С. И. КОТКОВ

Рисунки В. Леонова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Читая книгу, встретил незнакомые слова *дуван* и *дуванить*. Что они значат?»

Е. А. Хохлов, Москва

О словах *дуван* и *дуванить* подробно можете прочитать в № 3 — 1971 г. (с. 153) и в № 2 — 1978 (с. 121) нашего журнала.

Интересующие Вас слова встречаются довольно редко, в основном, в литературных произведениях, так как являются устаревшими. *Дуван* — «дележ, раздел добычи, общего дохода и т. п.» или «то, что добыто, захвачено». Например: «Стан [разбойников] был на болоте... Туда сносили весь дуван: хлеб, живность, вино, одежду, серебро из ограбленных церквей» (А. Н. Толстой. Петр Первый). *Дуванить* — «делить, распределять добычу».

Тютелька в тютельку

Выражение *тютелька в тютельку* широко распространено в русском языке. Оно характеризует либо исключительную точность совершения действия, либо большое сходство, тождество между предметами или явлениями:

«Синцов взял гимнастерку... Дырочки, оставшиеся от кубиков, были заботливо примяты, а шпалы привинчены тютелька в тютельку там, где им и положено было быть» (Симонов. Солдатами не рождаются); «...все рассчитано на десять ходов вперед. Он тютелька в тютельку попадает к пассажирскому, машину оставляет у Тони или Муси, догнать я его уже не могу, ибо не на чем, не просить же у босса вездеход» (Крон. Бессонница); «Ляжет и снова спать. А ровно в пять, тютелька в тютельку, вскочит, точно его разбудил кто...» (Кривцов. Путь к Великой стене); «...твоя биография тютелька в тютельку для Золотой звезды» (Кукушкин. Хозяйка бегонии); «Получится треугольник, причём равнобедренный. Квадрат катетов в нём — хоть не считай! — тютелька в тютельку равен квадрату гипотенузы» (Литературная газета, 1975, № 5).

При всей своей распространенности это выражение попало в литературное употребление относительно недавно: впервые оно зафиксировано четырехтомным Толковым словарем русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова (т. IV, 1940) с весьма четкой стилистической паспортизацией — просторечное, фамильярное, шутовое. О позднем освоении фразеологизма *тютелька в тютельку* литературным языком свидетельствует и его использование лишь советскими писателями. Первыми из них были А. Н. Толстой и А. А. Фадеев: «— Мою покойную мамашу, что угодила родить меня тютелька в тютельку в нашу эпоху, ежедневно вспоминаю» (Хождение по

мукам); «— Ты чего ж, это, зараза, мой клин скосил? — Как твой? Не брешь. Я по межу, тютелька в тютельку!» (Разгром).

Шутливо-фамильярная экспрессия этого выражения во многом обусловлена непонятностью, немотивированностью слова *тютелька*, входящего в его состав. Именно немотивированность делает выражение национально специфичным. Она усугубляется этимологической неразработанностью слова *тютелька*: во всех этимологических словарях русского языка оно отсутствует.

Однако непрозрачность этимологии слова отнюдь не означает полной непонятности образа, лежащего в основе выражения. Достаточно надежной «расшифровкой» такого образа является дублетная синтаксическая структура фразеологизмов с общим значением «абсолютно точно», которые весьма распространены в русском языке. Значение абсолютной точности во многом дифференцируется (расслаивается) благодаря конкретной семантике слов, образующих такую модель: 1. о большой степени сходства (*капля в каплю, капелька в капельку, голос в голос, волос в волос*, др. — рус. *глаз в глаз равен кому-нибудь*); 2. о четком повторении движения (*шаг в шаг, нога в ногу, след в след, раз в раз*); 3. о времени происходящего действия (*секунда в секунду, минута в минуту, час в час, день в день, год в год*); 4. о скрупулезном воспроизведении текста (*буква в букву, слово в слово, йота в йоту*); 5. о денежных расчетах (*копейка в копейку*).

Однако некоторые обороты, образованные по этой модели, — в том числе и *тютелька в тютельку*, — не поддаются такой семантической конкретизации. Для них характерна обобщающая семантика «абсолютно точно», в которой «могут нейтрализоваться значения точности разных планов: *точка в точку, тютелька в тютельку* чаще всего употребляются перед словами, обозначающими понятия времени, количества, местного и прочего планов; но эти устойчивые словосочетания могут использоваться и без сочетания с этими словами» (Костючук Л. Я. Роль лексического наполнения в создании значения устойчивых словосочетаний. — В кн.: Семантика языковых единиц. Л., 1975). Семантическая обобщенность оборота *тютелька в тютельку* в основном обусловлена именно «закодированностью» его исходного образа. Расширению сочетаемости других подобных выражений препятствует именно прозрачность образа. Невозможно, например, сказать «Он ступал буква в букву» или «Он писал шаг в шаг», поскольку этому противоречит образ соответствующих выражений. Для *тютелька в тютельку* такого ограничения не существует.

Структурно-семантическая модель фразеологизмов, в которую входит наше выражение, основана, как мы видели, на метрических символах бытового характера. По степени обобщенности значения

тютелька в тютельку наиболее близко к оборотам *точка в точку* и *точь-в-точь*. За ними лежит весьма конкретное представление о *точном* совпадении нескольких прикосновений, уколов, «тычков». Точном — в буквальном, даже этимологически буквальном смысле слова, ибо *точка, точь, точно* восходят к глаголам *ткать, тыкать* «колоть, пихать».

Закономерность такой ассоциации точности с попаданием в одну точку при ударе или колющем движении подтверждается массой диалектных выражений подобного типа. Так, от глаголов *тыкать, тукать, тюкать* и *чихать* образованы обороты: беломор. *тык в тык* «впритык, абсолютно точно» — «Картошки я сварила только тык в тык, не осталось ничего»; перм. *попасть в тюк, попасть в тук* «сказать точно, угадать что-либо; попасть в самую точку» — «Ну, ты прямо в тук попал; В самый тук попал, так все и было»; арх., сиб. *чик в чик* «как раз, точь-в-точь, впору; точно по размеру и весу» — «Чик в чик потрафил! Чик в чик два фута!». Ср. арх. *вчик* «в точности, точь-в-точь, верно»; перм. *вчиковку* «впору, в меру», *вчилль* «точь-в-точь, в точности» — «Он вчилль походит на моего брата».

В фонетически измененном виде один из оборотов этого ряда — *тик в тик* — попал и в газетную речь: «„Нарушителей“ поймали и пленили „тик в тик“, но была заминка — минутная, а была» (Известия, 2 июня 1977). Издание «Новое в русской лексике» (М., 1980) определяет этот оборот приблизительно к контексту — «совершенно точно, строго по правилам» (*в разг. речи*). Известно и жаргонное *чок в чок* примерно в том же значении.

Фразеологизмы, характеризующие точность действий или большое сходство с точным ударом, весьма распространены в народной речи. Так, обороты *раз в раз; в самый раз* и *как раз* связаны в конечном счете с глаголом *разить* «ударять, поражать» (ср. прост. *дать разá, поднести разá* «ударить»); перм. *как ляп* «точь-в-точь, очень похож» («Он как ляп в дедушку был») — с *ляпать* «ударять», а урал. *как в клин колонул* «точно угадал» — с *колоть* «бить, точно попадать».

Оборот *тютелька в тютельку*, как и большинство приведенных выше выражений, восходит к русской диалектно-просторечной стихии. По широте распространения в народных говорах он является наиболее активным (карельские, пензенские, саратовские, ветлужские говоры), что, видимо, и обусловило в конечном счете его вхождение в литературный язык. Значение этого оборота и его сочетаемость в целом совпадают с литературным употреблением: «Прибивал палки к столбу, сошлись тютелька в тютельку» (беломор.); «Сделал что-то тютелька в тютельку; пришел вовремя тютелька в тютельку; одёжа пришлась по росту тютелька в тютельку» (сарат.); «Платье прямо тютелька в тютельку пришлось; денег хватило тю-

только в *тютельку*» (пенз.). В уральских говорах известен также вариант *из тютельки в тютельку «точь-в-точь»* (ср. также урал. *из точки в точку*). «Переключка» структурных моделей типа *тык в тык — попасть в тык, чик в чик — ечик* отражена и в пензенском выражении *угодил в тютельку «точь-в-точь, в точности, верно»*.

С точки зрения словообразования, само слово *тютелька*, по-видимому, является производным от *тjотя «удар»* (ср. диалектные *тjуть, тjуть, тjать «ударять»*). Оно уже с середины прошлого века отмечено в русских народных говорах именно в значении «удар», которое хорошо проясняет внутренний смысл подавляющего большинства оборотов, составляющих фразеологическую модель с общим значением «точно» (*тык в тык, чик в чик, раз в раз*): олон. *дать тjотю*, арх. *тjотю хорбшю спустить*, пск. *тjотю поднести*, твер., кашин. *тjотю закатить «сильно ударить кого-либо»*.

Закономерным образованием от *тjотя*, правда, была бы скорее *тjотина, тjотинка*. Такой вариант, действительно, зафиксирован в составе фразеологизма *тjотинка в тjотинку* в кубанских говорах: «Вот у меня было три дочки, работали усе, и не хватает только тjотинка в тjотинку». Значение этого фразеологизма несколько отличается от семантики предыдущего фразеологического ряда — акцент здесь ставится скорее на ничтожно малом количестве. Тем не менее он и структурно, и семантически весьма близок к *тютелька в тютельку*. Характерно также, что в народной речи сохранилась и исходная бессуффиксальная форма выражения — *тjотя в тjотю*: «Подождем автобуса, тjотя в тjотю не успеешь» (Волховский район Ленинградской области).

Эти примеры показывают тесную семантическую и структурную связь форм *тютелька* и *тjотя*. Попав из диалектной и просторечной стихии в литературное употребление, выражение *тютелька в тютельку* стало одним из наиболее ярких и обобщенных символов предельной точности.

В. М. МОКИЕНКО

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что такое *арго*?»

С. И. Виноградов, Ростов

В лингвистике *арго* [из фр. *argot*] — это условный язык какой-либо небольшой социальной группы, отличающийся от общенародного языка лексикой, но не обладающий собственной фонетикой и грамматической системой; жаргон. (Например: *воровское арго*).

Один в один, один в одного, один на один, одно в одно, все в одно, один к одному, одно к одному...

Присмотримся поближе к последним двум словосочетаниям. В соответствии с двумя вариантами фразеологизма — *один к одному* и *одно к одному* — словари регистрируют его два различных значения.

Этот фразеологизм употребляется, когда речь идет, как сказано в словарях, «об одинаковых по величине и качеству предметах, обычно хороших, крепких и т. п.». Выступая в значении фразеологизма, словосочетание изменяется по родам в зависимости от рода существительных — компонентов фразеологизма: *грибы один к одному; богатыри один к одному; красавицы одна к одной; яблоки одно к одному* и т. п.

Другое значение имеет словосочетание *одно к одному*. В словарях оно толкуется так: «о целом ряде событий, неприятностей и т. п., следующих друг за другом», например: *Каша пригорела. Стала убирать ее с огня и — одно к одному — тарелки на пол сбросила*. Этот фразеологизм выступает только в форме среднего рода.

Словари не успели зарегистрировать еще один фразеологизм *один к одному*, выступающий главным образом в устной речи. Значение его видно из следующих примеров: «Эти качества оригинала сохраняются практически „один к одному“ при дальнейшем тиражировании обыкновенных стереофонических грампластинок» (Прав-

да, 1981, 8 июля); «Аналогичные истории, буквально „один к одному“...» (Литературная газета, 1981, 4 февр.); «Дома — *один к одному*. И точь-в-точь квартиры» (Кожевникова. Ловушка); «Рассказывая, Самсонов достал из кармана футляр.— Вот очки, что были обнаружены у Гладышева. А эти я купил.— Он вынул из другого кармана вторые очки в таком же футляре.— *Один к одному*, Дмитрий Васильевич. С теми же диоптриями. Обратите внимание, и футляр аналогичный» (Л. Сапожников, Г. Степанидин. Три версии.— Смена, 1962, № 3); «Корень был настолько ценным, что менялся на золото по весу — *один к одному*» (Неделя, 1982, № 22).

Слово *один* в этом фразеологизме выступает только в форме мужского рода. Как свидетельствуют примеры, фразеологизм *один к одному* употребляется для обозначения полного тождества называемых предметов. При этом если первый фразеологизм *один к одному* содержит в себе положительную характеристику называемых предметов, то последний, третий фразеологизм, включающий эти слова, констатирует лишь сам факт тождества, никак этот факт не оценивая.

Названные три фразеологизма различаются по своей форме. Первый фразеологизм имеет все три рода, включает слово *один* в формах мужского, женского и среднего рода, в отличие от второго и третьего, имеющих только одну родовую форму. Второй выступает в форме среднего, третий — в форме мужского рода.

Различаются названные фразеологизмы и по своим сочетательным возможностям, по способности соединяться с разными типами слов. Сочетание *один к одному* со значением «одинаково хорошие» может относиться только к материальным предметам: *грибы, яблоки, богатыри, красавицы* и т. д. *один (одна, одно) к одному*. Сочетание *один к одному* со значением «тождественные» может относиться к любым существительным, в том числе и к отвлеченным: *истории, рассказы, способы* и т. д. *один к одному*.

Каково происхождение последнего, третьего фразеологизма? Уже в начальных классах, при изучении плана и карты школьники знакомятся с понятием масштаба. В техническом черчении на чертежах обязательно указывается масштаб, в котором изображена деталь. Как частный случай деталь может быть изображена в натуральную величину, в масштабе 1 : 1 (*один к одному*).

По-видимому, переносное употребление словосочетания для обозначения тождества называемых предметов послужило базой для нового фразеологизма. Метафоризация выражения произошла уже в пределах профессионального употребления, а затем была освоена и в общей речи. Эта новая единица стала омонимом существовавшего в языке фразеологизма *один к одному*.

В. А. ИЦКОВИЧ

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

■ СЕЛО И ДЕРЕВНЯ

Часто спрашивают: различаются ли по употреблению слова *село* и *деревня*? Многие ответят: нет, не различаются. Но они же, сознательно или бессознательно, не употребят слово *село* там, где требуется только *деревня*. Эти слова действительно могут не различаться в своем употреблении: «Он приехал в вуз из села (из деревни)», «Больше внимания селу (деревне)». Или: «На деревне был мужик, который регулярно в месяц за две мерки [овса] выдавал двадцать фунтов баранины» (Л. Толстой. Поликешка); «В приданое и на деревне хату схватишь» (Федин. Костер); «На село пойти [жить], в мелкую буржуазию, — стыдно как-то» (Макаренко. Педагогическая поэма).

Но эти слова и различаются. Их сопоставление требует, с одной стороны, установить, какие признаки вызывают различие значений слов *село* и *деревня*, а с другой — определить место каждого из них в структуре русского языка.

Рассматриваемые слова в формировании своих значений первоначально тесно соприкасались друг с другом. Слово *село* — общеславянское, то есть оно имеется и в других славянских языках. В нем слились два слова: *село* — «населенное место (от глагола *сидеть* — *сесть*), дворы, жилые и хозяйственные постройки» и *село* — «поле, пашня». *Деревня* — собственно-русское, то есть его нет в других славянских языках, включая украинский и белорусский. Оно образовано от слова *дерево* и первоначально обозначало «очищенное от леса и зарослей место», затем развило в себе значение «земля, пашня».

Сосуществование в языке этих двух родственных слов обусловлено различительными признаками обозначаемых ими селений.

Они могут различаться размерами: *село* — «большое крестьянское поселение», *деревня* — «небольшое крестьянское поселение». Например: «Деревня наша, не деревня — село, в старину было большое, края были: Мордва, Низовка, Дикари, Баклань» (Шукшин. Наказ).

В различении села и деревни немаловажную роль играет и административно-территориальный признак: *село* — «хозяйственный и административный центр для ближайших деревень», например: «А как твоя деревня называется? — Завалиха. Не деревня, село. — Райцентр, что ли? — Был раньше райцентр, а потом, когда укрупняли районы, у нас стала центральная усадьба» (Шукшин. Выбираю деревню на жительство). Сразу заметим, что село может не иметь при себе деревень и может соседствовать с другими селами.

В наше время возник и прочно вошел в жизнь еще один признак села, быть может, решающий: наличие сельсовета (обратим внимание: понятия «деревенский совет» не существует).

Положение интересующих нас слов в структуре русского языка отражается в двух принципиально разных подходах к их употреблению. Первый из них связан с обязательным различением понятий «село» и «деревня».

Используется только одно из двух слов — *село* или *деревня*, если речь идет о конкретном населенном пункте. Вот некоторые примеры из произведений художественной литературы, из контекста которых понятно, что здесь говорится о данном, конкретном, известном говорящему селении: «На селе, однако ж, ее [учительницы] вечерние похождения были уже всем известны» (Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни); «Кто на село пойдет, говори!» (Подъячев. Среди рабочих); «Пришли в одну деревню» (Лесков. Овцебык); «На деревне между сугробами зажигался кое-где свет по замерзшим окошечкам» (А. Толстой. Граф Калиостро); «Вот моя деревня; Вот мой дом родной» (Суриков. Детство); «А еще в городе жил, у нас в деревне и то понимают, что к чему» (Абрамов. Безотцовщина); «Домой, в село, они шли медленно, неторопливо» (Сартаков. Философский камень).

Различение названий *село* и *деревня* оказывается обязательным, когда употребляются их собственные наименования, которые всегда выделяют единичный, индивидуальный, данный предмет: «На самом краю села Мироносицкого, в сарае старосты Прокофий, расположились на ночлег запоздавшие охотники» (Чехов. Человек в футляре); «Село Миршенью зовется» (Мельников-Печерский. На Горах); «На столбовой дороженьке Сошлись семь мужиков: ...Из смежных деревень — Заплатова, Дырявина, Разутова, Знобишина, Горелова, Неелова, Неурожайка тож» (Некрасов. Кому на Руси жить хорошо). Естественно, только разные значения слов *село* и

деревня бывают при перечислении видов селений: «Далеко по широкому раздолью [Волги] разносятся, бывало, заунывные голоса, доносятся они и до прибрежных сел и деревень» (Мельников-Печерский. На Горах).

Обычно не требуется различения значений *село* и *деревня*, когда речь идет о населенных пунктах вообще, отвлеченно. Здесь важным оказывается обозначение негородской жизненной стихии, противопоставляемой городскому образу жизни.

Но противопоставление *городу* выступает неодинаково. Слово *село* является более нейтральным обозначением, слабо выражающим противопоставление с городом: «Дальнейший подъем школьного дела на селе является важным условием осуществления всеобщего среднего образования» (Правда, 1973, 8 июля). *Деревня* же становится антонимом слова *город*, когда может служить родовым наименованием по отношению к названиям разных видов селений (село, станица, хутор, аул, кишлак и др.), когда употребляется для обозначения малокультурного, несообразительного человека: «Испугалась, как ты вошел. ...Зажги лампу. На столе. А спички на полке. Да сними шапку. Не научишь вас... Деревня» (Панова. Спутники). Всегда, когда надо показать противопоставление, употребляется пара *город — деревня*: известные сочетания *противоположность между городом и деревней*; *смычка города с деревней*. При этом может быть использовано только одно из этих слов, явно противопоставленное другому, отсутствующему: «Неужели тут обретается такой замшелый городишко, что его осудили до конца света ходить по воду с коромыслом, как на деревне» (Федин. Костер).

Эти свойства переходят и в соотносительные прилагательные *сельский* и *деревенский*. С одной стороны, они могут сочетаться с одними и теми же существительными без каких-либо смысловых или стилистических различий (сельская или деревенская изба, жителя и т. п.): «Когда в лунную ночь видишь сельскую улицу с ее избами, стогами, уснувшими ивами, то на сердце становится тихо» (Чехов. Человек в футляре). С другой стороны, каждое из них имеет свои ограничения в употреблении. Так, в официально-деловой сфере более обычны сочетания с прилагательным *сельский*: *сельская школа, больница, интеллигенция* и др., а также фразеологизмы *сельское хозяйство, сельский совет*; прилагательное *деревенский* в этой сфере встречается очень редко (можно назвать потерявшее актуальность словосочетание *деревенская беднота*). Но в отличие от слова *сельский* оно может нести качественный признак и быть антонимом слову *городской*: *деревенская речь, деревенский наряд, деревенские манеры*.

Элементы своих различий *село* и *деревня* передали и другим словообразовательным формам. Соотносительные образования *сельцо* — *деревенька*, *деревушка* выражают уменьшительное значение: «Так возникла деревенька Долгорукова, вскоре ставшая сельцом, а с 1750 года селом Никольским, Яковлевским тож, а потом и Тарханами» (Известия, 1979, 17 авг.). Если сопоставить производные от этих слова со значением лица, то *селянин*, *сельчанин*, *односельчанин* обозначают жителей села или деревни, а *деревенщина* служит экспрессивным средством характеристики простоватого, грубого человека — и сельского (деревенского), и городского.

Село входит в широкий ряд однокоренных и сложносокращенных образований, не имеющих соответствий со словом *деревня*: *селение*, *поселение*, *поселок*, *проселок*, *сельсовет*, *сельпо*, *сельмаг*, *сельхозартель*, *сельхозтехника* и др.

Н. Ф. Шумилов

■ ЕЩЕ РАЗ О СЛОВЕ *ЛОДЫРЬ*

В XIX веке слово *лодырь* (со значением — лентяй, бездельник) считалось местным. В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» отмечает его (с вариантом «лодарь») как воронежское, костромское и тамбовское (производные — *лодарить*, *лодарничать*, *лодаришко* и др.). «Словарь русских народных говоров» (вып. 17, 1981) отмечает слово *лодырь* (*лодырничать*, *лодырить*, *лодырка*, *лодырный* и др.) в 23 областях России. Картоотека Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР фиксирует слово *лодырь* во многих областях или губерниях дореволюционного времени: в Архангельской, Владимирской, Вологодской, Вятской, Калужской, Красноярской, Курской, Новгородской, Пензенской, Псковской, Симбирской, Смоленской, Тверской, Уральской, Челябинской и в разных поселениях гребенских и терских казаков. «Этимологический словарь русского языка» А. Г. Преображенского (М., 1962) включает еще Орловскую губернию, опять-таки с несколькими вариантами. Как видим, слово оказалось широко распространенным не менее чем в 20 губерниях и областях, а практически по всей стране.

Слово *лодырь* можно встретить в художественных произведениях таких известных писателей, как Вересаев, Куприн, Мельников-Печерский, Салтыков-Щедрин, Станюкович, Л. Толстой, Чехов. В языке Пушкина слово отсутствует. Пример его употребления у В. И. Ленина — в «Докладе Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря» (1920 г.). Словарь языка

В. И. Ленина еще не составлен, и потому трудно сказать — как часто слово встречается в других работах.

Лодыря нет ни в «Материалах для словаря древнерусского языка...» И. И. Срезневского (1893), ни в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» (вып. 8, 1981). Можно с уверенностью утверждать, что слово «в русский литературный язык пришло из диалектов» (см.: Н. И. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 3, М., 1975). П. И. Мельников-Печерский, употребив его, счел нужным пояснить в словосочетании: «шатающийся плут, бездельник» — стало быть, слово (в романе «В лесах») еще не было общепринятым и общепонятным.

Этимология слова достаточно выяснена и едва ли может вызывать сомнения. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера авторитетно указано, что оно скорее всего заимствовано из средненижнегерманского и из нижнегерманского — *Lodder, Loder*. Современные немецкие формы слова, родственные среднегерманским, — *lotterig* «беспутный», *lottera* «бездельничать».

Слово не стало особенно распространенным в современном русском языке. По данным «Частотного словаря русского языка» (М., 1977, с. 304), *лодырь* в общей частоте оценивается лишь цифрой 2.

В самое недавнее время одно обстоятельство внесло в этимологию слова ненужную путаницу.

В Москве первой трети XIX века был популярен бывший профессор Иенского университета, автор ряда научных работ, врач Христиан Иванович Лодер (*Loder*, 1753—1832) — немец, переселившийся в Россию в 1810 году. В 1818—1831 годах он был профессором Московского университета, организатором (в 1812 г.) военных госпиталей, городской больницы и других подобных учреждений. В ряде статей отмечаются его знания, опыт и отменные душевные качества. Герцен в «Былом и думах» называет его «добрым и ученым», а в другом месте «сильным и свободным мыслителем». Добавим, что Лодер был в числе друзей Гете.

Нам неизвестно происхождение фамилии *Лодер*, но не исключено, что она восходит к тому же германскому корню, что и слово *лодырь*. Однако фамилия давно потеряла связь с первоначальным значением слова.

Это совпадение отразилось в двух заметках: анонимной в «Литературной России» (1974, 9 августа) и Б. Михайлова — Откуда пошли лодыри — в «Неделе» (1980, 12—18 мая) — обе сводятся к тому, что слово *лодыри* распространилось якобы после учреждения К. И. Лодером в Москве в 1829 году «заведения искусственных минеральных вод». Прогуливавшиеся по саду со стаканами в руках

больные, дескать, и вызвали к жизни новое слово, синоним «бездельника».

Небольшой круг состоятельных московских больных частного и очень недолго существовавшего заведения едва ли мог стать поводом быстрого распространения слова в широчайшей народной среде, большей части государства, даже если допустить, что какому-то московскому остряку и пришло в голову так назвать пациентов московского профессора.

К сожалению, эта, внешне соблазнительная, но вполне дилетантская этимология попала на страницы книги Вл. Муравьева «Московские литературные предания и были» («Московский рабочий», 1981, с. 69—71), да еще, для придания авторитета, со ссылкой на С. В. Максимова (Крылатые слова). Но в примечаниях к этой книге (М., 1955, с. 395) Н. С. Ашукин указал на случайное созвучие сопоставляемых слов. Тем не менее, с отсылкой к Вл. Муравьеву эта этимология была снова использована в телепередаче «Клуб кинопутешествий» 10 января 1981 года. Об этом нельзя не пожалеть.

С. А. Рейсер

■ ГРЕГОРИАНСКИЙ ИЛИ ГРИГОРИАНСКИЙ?

Читатель Косов М. А. (Москва) пишет: «В 1977 году я купил в Риге пластинку «Грегорианский хорал», запись средневековых песнопений. Спустя некоторое время увидел ту же пластинку (ту же запись) в Москве, под названием «Григорианский хорал». Какое же из этих названий правильное: *грегорианский* или *григорианский* хорал?»

Не только одна и та же пластинка носит одно и то же название в разной орфографии: учебная и справочная музыкальная литература не свободна от подобных различий. Так, в «Истории западноевропейской музыки до 1789 года» Т. Н. Ливановой один из разделов озаглавлен: «Происхождение, развитие и распространение грегорианского хорала». В нем говорится: «Церковные напевы, отобранные, канонизированные, распределенные в пределах церковного года при папе Григории по его инициативе и получившие поэтому название грегорианского хорала, представляли собой основной репертуар римской певческой школы, сложившийся постепенно и включивший в себя очень широкий круг явлений». В словаре-справочнике Ю. Булучевского и В. Фомина «Старинная музыка» те же сведения изложены в статьях «Григорианский хорал» и «Григорианское пение», а индекс церковных песнопений VII века назван «Григорианским антифонарием». В учебнике же К. Розеншильда

«История зарубежной музыки до середины XVIII века» написано: «Результатом [сбора и систематизации церковных мелодий.— Н. Д.] явился обширный кодекс начала VII столетия, главную роль в создании которого предание приписывает папе Григорию I. Отсюда название этого кодекса — «Грегорианский антифонарий» и самого песенного стиля — «грегорианское пение».

Таким образом, никаких разногласий в вопросе о происхождении названия «григорианский хорал» нет, все возводят его к имени Григорий, а написание все же варьирует. Едва ли можно исчерпать проблему двойного написания тем, что при совершенно ясном происхождении желательно сохранять в производном слове основу, от которой оно образовано, то есть применительно к данному случаю писать прилагательное, образованное от имени Григорий, через *и* — *григорианский*. Вопрос о том, почему и когда возникла традиция двух видов орфографии, остается в этом случае неразрешенным.

Причина заключается в способах передачи имени Григорий в европейских языках и в самой истории григорианского хорала. Имя это образовано от древнегреческого глагола *grēgorēō* «бодрствовать, быть бдительным» и писалось по-гречески через *ē* долгое. Заимствованное в латинский язык, не различавший в орфографии долгие и краткие гласные, оно приобрело форму *Gregorius*, а оттуда уже вошло во многие европейские языки в соответствующей орфографии, например *Gregory* (англ.). От этой формы образовано и прилагательное *gregorianus* — григорианский, послужившее названием для хорала — традиционной вокальной части католической литургии. Таким образом, в исконно католических странах (после Реформации они могли стать и преимущественно протестантскими, как, например, Англия) никаких противоречий в написании имени папы и образованном от него названии церковной музыки нет, и то и другое пишется через «е».

Греческий язык в процессе развития существенно менялся фонетически, орфография не успевала отразить все эти перемены, и одинаково написанное слово на разных этапах языковой истории читалось по-разному. Так, звук *ē* долгий стал произноситься уже как *и*. Такая традиция чтения сохраняется и в современном греческом языке, называемом «ново-греческим» и развившемся непосредственно из византийского.

На Руси имя Григорий появилось вместе с христианством, то есть в конце X века, и связано с византийской традицией. Поэтому и писалось оно в соответствии с нормой греческого произношения того времени через «и». Если бы тогда же распространился и григорианский хорал, название которого воспринималось бы как прилагательное, производное от имени Григорий, то установилась

бы строго единообразная норма написания через «ш». Однако этого не произошло. Григорианское пение никогда не бывало в русской церковной музыке. На Руси до XVII века господствовала местная форма записи церковного пения, так что западноевропейские образцы стали проникать уже в светскую и главным образом инструментальную музыку.

Советские слушатели знакомятся с григорианским хоралом в концертном исполнении как с одним из видов западноевропейской музыки. При этом название передается по-русски, возможно ближе к орфографии европейского оригинала: *gregorianus* — григорианский. На сегодняшний день, очевидно, следует принять такое написание как вариант нормы, хотя предпочтительнее, на наш взгляд, написание, проясняющее связь названия хорала с установившимся в русском языке написанием имени Григорий.

Подобное разночтение в прилагательном характерно и для словосочетания «григорианский календарь». Однако в нем, более употребительном, чем «григорианский хорал», заметно преобладает норма написания «григорианский». Это связано, очевидно, с большей устойчивостью и распространенностью названия «григорианский календарь» в русском языке: оно в меньшей степени, чем «григорианский хорал», воспринимается как заимствование.

Рассмотренный нами пример — довольно редкий случай, когда разные пути проникновения в русский язык обусловили двойное написание одного и того же слова.

Н. Я. Дараган

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«У моей подруги фамилия *Синица*. Нужно ли ее склонять (пошла к *Синице*) или нет?»

Королева, Братск

Да, нужно. По существующим грамматическим нормам литературного языка все фамилии на *-а (-я)* славянского происхождения следует склонять (познакомилась в *Веревкой*, была в гостях у *Кваши*).

«Где правильно поставить ударение в слове *аналог*?»

Лебедева, Москва

В слове *аналог* ударение ставится на втором слове (не *аналог*).

Тематический указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» в 1982 году

Страницы истории современности (О книге Л. И. Брежнева «Воспоминания»)	3
к 60-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР	
Богомолов И. С. «Язык ты русский изучи...»	6
Гируцкий А. А. Сильны, дружны, свободны	6
Гладышева Л. А. Чувство семьи единой	6
Иванов В. В. 60 лет, равные векам	6
Исаев М. И. Великое содружество народов и языков	1
Мост к дружбе и братству	5
Мухтаров Г. М. Гордость и слава нашей многонациональной культуры	5
«Мы сильны одной могучей речью...»	4
Русановский В. М. В советской культуре слились воедино	6
Русский язык — это живительный родник	3
Тихонов А. Н. Русский язык как средство межнационального общения и сотрудничества народов СССР	5
Шермухамедов С. Ш. Русский язык изучают миллионы учащихся	2
ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА	
Даниленко В. П. Термины в трудах В. И. Ленина	2
Денисов П. Н. «Апрельские тезисы»: слово и контекст	2
Житенева Л. И. Метафора в газетной публицистике В. И. Ленина	2
Житенева Л. И. Первый номер рабочей «Правды»	3
Лилеева Е. Л. Уникальный источник словаря языка В. И. Ленина	2
Скворцов Л. И. В. И. Ленин и «Правда»	3
СЛОВО ПИСАТЕЛЮ	
Баруздин С. А. Верность теме	3
Дудочкин П. П. В чем сила слова?	3
ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	
Баженов М. Н. «И мы сохраним тебя, русская речь...»	1
Бакина М. А. Символическое изображение революции в пролетарской поэзии	6

Бельчиков Ю. А. О диалогах у Глеба Успенского	2
Березина С. Н. Сатира А. К. Толстого	5
Брагина А. А. «Недаром помнит вся Россия»	5
Будагов Р. А. Как написан рассказ Валентина Распутина «Уроки французского»	6
Витт Н. Г. Сопоставляя варианты стихов у А. С. Пушкина Витперский В. П. «Зову живых!»	5 4
Глухов В. М. Тропы в романе «Железный поток» Серафимо- вича	6
Гулак А. Т. Позиция автора в «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого	1
Дановский А. В. Изображение моря в русской романтической поэзии	5
Дорофеева Т. С. Особенный слог И. А. Гончарова	3
Дудина Л. И. Синтез «лирического» и «социального» в твор- честве Е. Носова	1
Иванова Н. Д. Акын и поэт	5
Каленкова О. Н. Цветовая гамма в «Преступлении и наказа- нии» Ф. М. Достоевского	1
Козлов М. В. «Пойдешь к жизни — найдешь слово»	6
Кононенко В. И. «С берез, неслышен, невесом Слетает желтый лист...»	5
Коурова О. И. «Элизы, Климены, Филисы»	4
Меншутина О. И. Идеино-художественное осмысление неко- торых повторов в романе Достоевского «Преступление и наказание»	3
Милых М. К. Заметки о языке повести «Последний поклон» В. Астафьева	1
Некрасова Е. А. Слово и образ в поэзии М. Ю. Лермонтова	4
Некрасова Е. А. Шедевр гражданской лирики	1
Новикова М. Л. Метафора и текст	4
<u>Одинцов В. В.</u> Союз «когда» в лирической композиции Пушкина	3
Попов К. Г. «Эпитет должен запоминаться»	4
Руднева Н. П. Новаторство А. И. Герцена	2
Черкасова Л. П. «Яркость изнутри»	5
Этерлей Е. Н. Золотой отблеск	3

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Стихи о русском языке	6
Федин К. А. Из литературных бесед	1
Цветаева М. И. Отрывки из прозы	5
Чуковский К. И. Из книги «Живой как жизнь»	2

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

П. Н. Толстой и его окружение. Воспоминания В. С. Ляпуно- вой, бывшей работницы в доме Толстых	2
---	---

В ПОМОЩЬ ПРОПАГАНДИСТУ

Садовский Я. Г. Слово Горького-публициста	1
---	---

ПРОПАГАДИСТЫ ЛЕНИНСКОЙ ШКОЛЫ

Кедайтене Ея И. Георгий Васильевич Чичерин	3
Кохтев Н. Н. Александра Михайловна Коллонтай	2

ЯЗЫК ПРЕССЫ

Пугач С. А. Д. И. Писарев о научно-популярном изложении	4
Солганик Г. Я. Что такое «язык газеты»	4

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Антонова Т. И. «В смысле...»	4
Белошапкова В. А., Галактионова И. В. О видах выражения согласия	4
Будагов Р. А. Культура языка — наша общая большая забота	3
Быков В. Б. Мал знак, да дорог..	6
Василькова Н. Н. «Ваша шляпочка на болваночке»	2
Виноградов С. И. Отвечает «Служба языка»:	
число сотрудников — число сотрудников	5
местожительство и место жительства	1
Галактионова И. В. См. Белошапкова В. А.	
Герасимов Г. И. Оранжево-красный или красно-оранжевый?	2
Картоев М. У. Об истории написания слова «песне»	5
Коготкова Т. С. Кормозаготовитель или кормодобытчик?	6
Лазуткина Е. М. Правильно ли словосочетание «орошаемое земледелие»?	5
Люстрова З. Н. Друзьям русского языка адресованная	4
Ненько В. М. Современное русское ударение и словари	4
Скворцов Л. И. О канцеляризмах и штампах	1
Филин Ф. П. Самая большая аудитория	4
Чудинов А. П. «Его ушли»	4
Ширяев Е. Н. Когда слова излишни	1

СТИЛИСТИКА

Горбаневская Г. В. Слова-звукообозначения в художественной прозе	1
--	---

ТЕРМИНОЛОГИЯ

Коготкова Т. С. О своеязычных терминах	3
--	---

ИЗ ИСТОРИИ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Василевская И. А. Словарь Николая Яновского	3
Сидорова Н. Н. «Болтин первый сказал...»	3

ЧИТАТЕЛЮ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Долин Ю. Т. Есть такие предлоги	2
---------------------------------	---

БЕСЕДЫ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Березин Ф. М. Русский язык и наука о нем	4
Зеленов А. Н. От фразеологизма к каламбуру	5
Рогожникова Р. П. Сколько слов в русском языке?	5
Сенько Е. В. Наименования говорят о будущем	5
Федосюк М. Ю. О законах построения текста	6

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

Ведерников В. Н. Николай Иванович Ильминский	2
Добродомов И. Г. Василий Алексеевич Богородицкий	2
Ермакова О. П. Андрей Михайлович Земский	6
Ермакова О. П. Евдокия Трофимовна Черкасова	2
Кедайтене Е. И. Борис Михайлович Ляпунов	4

Максимов Л. Ю. Сергей Ефимович Крючков	1
Морозова С. Е. Константин Федорович Калайдович	4
Филин Ф. П. Василий Ильич Чернышев	1
Леонтьев А. А. Сергей Игнатьевич Бернштейн	3
Скобликова Е. С. Александр Николаевич Гвоздев	3

СРЕДИ КНИГ

<i>И. К. Белодед.</i> «Всяк сущий в ней язык...»	5
<i>А. А. Брагина.</i> Лексика языка и культура страны	2
<i>Л. А. Введенская, Н. П. Колесников.</i> От собственных имен к нарицательным	3
<i>В. В. Виноградов.</i> Проблемы русской стилистики	3
Две книги о русских фамилиях	1
Жизни, отданные науке	6
<i>Ю. А. Карпенко.</i> Названия звездного неба	4
Лексика русского литературного языка конца XVII — начала XX века	5
<i>М. Р. Львов.</i> Школьный словарь антонимов русского языка	1
<i>А. И. Попов.</i> Следы времен минувших	1
<i>Е. М. Поспелов.</i> Топонимика в школьной географии	4
<i>З. А. Погиба.</i> Стрoение русского языка	2
Русский язык: предмет изучения и средство воспитания	3
Школьный толковый словарь русского языка	4
<i>Ф. П. Филин.</i> Истоки и судьбы русского литературного языка	2
<i>Ф. П. Филин.</i> Очерки по теории языкознания	6

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Абрамов В. П. Русский язык в Индии	4
Видеманн П., Дановский А. В. Русское слово в ГДР	6
Дановский А. В. См. Видеманн Р.	
Донченко Г. В. Русский язык в Мали	3
Меркулов Н. Ю. Афганцы изучают русский язык	2

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Абдуллаев А. А. Пропагандист русского языка в Дагестане	1
Вянсайте Р. Ю. Русский язык в Литве	4
Ханкишиева А. Ш. От шамхалов до наших дней	3

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

Азбелев С. Н. Два Ермака в русском фольклоре	4
Вакуров В. Н. Вейся, вейся, капуста моя	2
Котков С. И. <i>Живая и мертвая вода</i> в сказках и в действительности	1
Мокиенко В. М. На чем свет стоит	3
Хроленко А. Т. «Молодой майор, полковничек»	6
Юдин Ю. И. Слово и образ	3

РУССКИЕ ГОВОРЫ

Горячева Т. В. Времена года	1—3
Кузнецова О. Д. Морюшко, море синее	4
Этерлей Е. Н. Обрусевшие «иностранцы»	1

НА КАРТЕ РОДИНЫ

Горбаневский М. В., Дукельский В. Ю. По Золотому кольцу России	1, 3—5
--	--------

Добродомов И. Г. Урал	3
Дукельский В. Ю. См. Горбаневский М. В.	
Кочечкин Б. И. Надписи заговорили	5—6
Мурзаев Э. М. Сырт	4

из истории культуры и письменности

Владимирова Л. А. «Завершена книга в лето...»	5
Владимирова Л. А. Сказки в деловой письменности XVII в.	4
Городилова Л. М. «Сия зримая малая книжица...»	1
Жигунов В. В. «На рѣцѣ на Каяль...»	4
Жуковская Л. П. Письменность в древнейшем Киеве	2
Иванов П. И. Русско-немецкий разговорник XVII века из Пскова	6
Иевлева З. Н. Прадед современного букваря	1
Камчатнов А. М. Философская терминология в Изборнике Святослава 1073 г.	4
Каримова Р. А., Кильдибекова Т. А. Наименования мер в па- мятниках народно-разговорного языка XVII века	5
Кильдибекова Т. А. См. Каримова Р. А.	
Князький И. О. Кто такие «хинове» в «Слове о полку Иго- реве»?	5
Мозговой В. И. «А в грамотах из города Люддина пишут...»	1
Пауткин А. А. Изображение князя-воина в Галицкой лето- писи	3
Прискока О. В. «А Неву раскопати повелел...»	3
Рыбаков Б. А. Киеву — 1500 лет	2
Таранов Н. В. История — в топонимах	6

из истории слов и выражений

Балахонова Л. И. Хлеб — всему голова	4
Балахонова Л. И. Щи да каша	2
Барандеев А. В. Имя на карте Луны	5
Беркович Т. Л. Мисюрка и ерихонка	2
Богатова Г. А. От булавы к набалдашнику	4
Богородский Б. Л. Топорная работа	5
Брагина А. А. «Хлебные» слова: зерно, мука, тесто	4
Варбот Ж. Ж. Заваруха, завороха, завируха	2
Демьянов В. Г. Огненная потеха	5
Ицкович В. А. Один к одному	6
Котков С. И. Как обходились без слова <i>пара</i>	6
Левашева Н. А. Восхитить — восхитить	1
Маковский М. М. Путешествие в тайну слов	5
Мальцева И. М. Пирожное, пирог	4
Мокиенко В. М. Заморить червячка	2
Мокиенко В. М. Тютелька в тютельку	6
Молчанова Л. Д. Баня, мовня и мыльня	1
Полякова Н. Н. Мед на Руси	1
Полякова Н. Н. Пиво на Руси	4
Редькин С. В. Эти древние и всегда юные имена	3
Сергеев В. Н. Пальма первенства	3
Смирнова О. И. Изящный генерал	2
Филиппов В. С. Оперетта	5
Ходакова Е. П. Золотой — златой	2
Черней Е. Н., Ширева Л. К. Цветы вокруг нас	3
Ширева Л. К. См. Черней Е. Н.	

Шустов А. Н. Безрельсовый трамвай	5
Никонов В. А. Из словаря русских фамилий	1, 2, 4, 5

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Виндсёрфинг и дзюдо	3
<i>Генная инженерия</i> или <i>генетическая инженерия?</i>	5
Грампластинка — пластинка — диск	3
Грегорианский или григорианский?	6
Еще раз о слове <i>лодырь</i>	6
Кинематограф и новые слова	1
Ловись, рыбка	3
Ляпсус — ляп	5
Начать и статью	5
Обвиняет ли вину <i>винительный падеж?</i>	5
Партизан	3
Письма читателей о русском языке	4
Почему говорят <i>яровая пшеница</i> и <i>яровое поле?</i>	5
Почему <i>не</i> не отрицает?	3
Село и деревня	6
Триста грамм или триста граммов?	3
Экран	1
Экспедиция посещения	5

Редакционная коллегия:

Н. С. ВАЛГИНА, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, К. В. ГОРШКОВА, В. П. ДАНИЛЕНКО, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ

Зав. редакций *Т. С. Колмакова*
 Художественный редактор *Т. А. Михайлова*
 Корректоры *В. В. Беляев, Е. И. Евдокимова*

Сделано в набор 12.08.82 Подписано к печати 06.10.82 Т-10596
 Формат бумаги 84 × 108/32. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,72
 Усл. кр.-отт. 346,5 тыс. Уч.-изд. л. 6,2 Бум. л. 2 Тираж 50000 Заказ 1935

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25
 , 2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10